

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.И. МЕЛЮКОВА

ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1 9 6 4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б.А.РЫБАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1 9 6 4

АРХЕОЛОГИЯ
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.И. МЕЛЮКОВА

ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1 9 6 4

ВВЕДЕНИЕ

История скифов, их социальная структура и быт в очень большой степени были связаны с войной. Вооружение составляет существенную часть скифской археологической культуры, окончательно сложившейся в Северном Причерноморье в конце VII в. до н. э. Собственно скифские племена, как теперь принято считать, заселяли только степные районы этой обширной территории. Тесно связанные с кочевными племенами, не скифские по своей этнической принадлежности, имели одинаковое со скифами оружие, конский убор, украшения в зверином стиле и были близки к ним по уровню развития экономики и социальному строю. Постоянный то мирный, то военный контакт степных и лесостепных племен способствовал тому, что не только формы оружия, но и история военного дела в целом у одних племен ничем не отличается от других. Вооружение кочевых племен южного Дона и бассейна Кубани, почти аналогично скифскому, хотя в ряде случаев оно имеет свои особенности. Вместе с тем известно, что скифы представляли собой лишь одну из групп большого массива ираноязычного населения и родственны савроматам, массагетам и скивам Средней Азии и имеют с ними много общего в происхождении, в характере хозяйства и быта, в материальной и духовной культуре. Это получило отражение и в оружии, в связи с чем скифское вооружение нельзя изучать в отрыве от вооружения родственных скифам народов Поволжья, Приуралья, Казахстана, Сибири и Средней Азии. Однако, будучи близким вооружению родственных ираноязычных племен, скифское оружие развивалось самостоятельно в зависимости от местных условий и внешних сношений как с близкими, так и с более далекими народами. Благодаря этому оно во многом отличается от оружия названных племен, имеет свою историю и может рассматриваться самостоятельно, так же как, например, савроматское вооружение.

Настоящая работа посвящена характеристике всех видов оружия скифов, соседних с ними племен лесостепной полосы Северного Причерноморья, южных берегов Дона и племен Северного Кавказа. Большой интерес для нашей темы представляет сравнение скифского вооружения с тем, которое было распространено у родственных скифам народов. Но в настоящее время это возможно только по отношению к савроматскому оружию, поскольку вооружение народов Казахстана, Сибири и Средней Азии еще не подвергалось тщательному изучению. Книга К. Ф. Смирнова,

посвященная савроматскому вооружению, позволяет детально сопоставить скифское оружие с савроматским и показать сходство и различия между ними¹. В большой степени это уже сделано К. Ф. Смирновым; рассмотрение скифского оружия несколько углубляет и расширяет сравнительную характеристику, данную этим автором.

Детальное изучение скифского вооружения важно не только для истории военного дела и материальной культуры скифов и близких к ним племен, но представляет также определенный интерес для уточнения датировки археологических комплексов. Типологическая и одновременно хронологическая классификация форм оружия помогает правильно датировать памятники, расположенные не только на территории его широкого распространения, но далеко за пределами Скифии. Находя скифских стрел и копьяков встречены в разных районах древнего мира, и во многих случаях они представляют собой единственный надежный источник для датировки. Несмотря на то, что оружие скифов привлекало внимание дореволюционных и советских исследователей, эта тема до сих пор освещена в научной литературе недостаточно полно. Мы располагаем обширными описаниями скифского оружия в сводных работах по истории и культуре скифов и несколькими исследованиями, посвященными отдельным, но далеко не всем его категориям. Из дореволюционных ученых больше других занимался скифским оружием М. И. Ростовцев². Его интерес к этой теме объясняется тем, что оружие представлялось ему одним из основных аргументов для доказательства иранского происхождения скифов и их культуры. «Перед нами типичное вооружение иранских конных лучников, какими они являются на заре своей истории как в самом Иране, так и вне его» — пишет М. И. Ростовцев в одной из своих работ³. Кроме иранской основы, он отметил заимствование скифами отдельных форм из греческого набора оружия. Таковыми были шлемы, понюжи, комбинированные панцири. Ошибочность взгляда М. И. Ростовцева об иранском происхождении скифского наступательного оружия в настоящее время совершенно очевидна. Основные виды его (лук со стрелами и копья) сложились в сарматских степях и только мечи, возможно, были заимствованы из областей Иранского Востока. Однако и для этого предположения нет достаточно серьезных оснований.

¹ К. Ф. Смирнов, 1961.

² М. И. Ростовцев, 1914, 1918, 1918а, 1922, 1923.

³ М. И. Ростовцев, 1918, стр. 80.

В отличие от своих предшественников М. И. Ростовцев занимался анализом отдельных видов оружия — мечей и панцирей. Разбирая формы скифских и сарматских мечей, он впервые наметил путь их развития⁴. Данные этого исследователя впоследствии были проверены и использованы В. Гинтерсом, посвятившим свой труд специально скифским и сарматским мечам. Недостаток работы М. И. Ростовцева о скифских мечах заключается в неполном использовании всего известного к тому времени материала, в связи с чем в ней не показано разнообразие типов ранних скифских акинаков. Сделавшись о панцирях этот исследователь говорил в одной из своих самых ранних работ о нашем юге⁵. Восстанавливая форму доспехов из железных чешуек, происходящих из двух курганов, раскопанных Н. Е. Брандэнбургом, он пришел к ошибочному заключению, что железные чешуйчатые панцири были принесены в Северное Причерноморье сарматами в III в. до н. э. Судя по более поздним работам, М. И. Ростовцеву были хорошо известны находки железных чешуйчатых панцирей в раннескифских курганах. Однако исправления и свой вывод относительно времени появления панцирей в Скифии он не внес. Это ввело в заблуждение некоторых исследователей, далеких от вопросов скифской археологии. Так, например, С. П. Толстов, следуя за М. И. Ростовцевым, также отнес появление железных чешуйчатых панцирей к III в. до н. э.⁶

Большой заслугой М. И. Ростовцева является то, что, основываясь на данных Геродота, он первый отметил существование в скифском войске не только конницы, но и пехоты, а также указал, что основную военную силу составляла дружина. Однако сущность дружины он понимал по-своему, исходя из своей ошибочной концепции, согласно которой Скифия VII — III вв. до н. э. представляла собой государство феодального типа. Дружина скифов в этой связи представлялась ему в виде отряда рыцарей, состоявшего из профессиональных бойцов. Несостоятельность точки зрения М. И. Ростовцева относительно социального строя скифов доказана советскими исследователями. Несмотря на то, что в настоящее время мы не можем разделить основные положения М. И. Ростовцева, его труды, подводящие итог исследованиям доревольционной русской археологии по скифо-сарматскому разделу, представляют значительный интерес для нашей темы⁷.

Советские археологи в своих работах по истории и археологии скифов, а также в публикациях материалов раскопок неоднократно касались вооружения и военного искусства скифов. В результате этого интересующие нас вопросы в работах советских ученых освещены полнее и глубже, чем в трудах буржуазных исследователей. Следует заметить, однако, что учение Н. Я. Марра о языке оказало вредное влияние и в этой области. Скифское оружие рассматривалось в ряде работ только как стадильное явление. Благодаря этому долгое время не разрабатывалась проблема происхождения и истории развития скифского оружия. Кроме того, характеристика вооружения скифов Северного Причерноморья искусственно распространялась на оружие многих племен и народов, далеких от скифов, но находящихся на одном с ними уровне развития.

Особенно сильно влияние школы Н. Я. Марра отразилось в работах В. В. Гольмстен и А. В. Митулина. Рассматривая военное дело скифов как начальную стадию развития военной техники, предшествующую сарматской и затем поздне-котлячской, В. В. Гольмстен построил

свои выводы в отрыве от конкретного материала⁸. Она да- ла лишь поверхностное описание скифского оружия, не обратив внимания на особенности отдельных его типов, важные для характеристики скифского военного искусства. Расширительное понятие Скифия и скифов, утверждавшееся во время господства учения Н. Я. Марра, принятые А. В. Митулиным, лишило этого автора возможности правильно осветить военную историю, стратегию и тактику скифских племен, а также сравнить их с военным искусством других народов⁹.

Из очерков и статей о скифах, вышедших за последние двадцать лет, сравнительно много внимания было уделено скифскому оружию и военному делу в популярной книге Б. Н. Гракова¹⁰. В отличие от своих предшественников Б. Н. Граков не ограничился формальным описанием видов скифского оружия; он подробно остановился на функциональном назначении каждого из них и взаимодействии их в боевой обстановке. Кроме того, он впервые отметил общность точки зрения М. И. Ростовцева об иррациональных основах скифского вооружения, указав на существование местной основы для многих его форм. Насколько позволили рамки популярной книги, Б. Н. Граков осветил принцип организации войска, особенности боевого построения и тактики скифов. Более подробно вопросы, связанные с военным делом, у скифских племен были рассмотрены лишь в специальных работах В. Д. Блаватского¹¹ и А. И. Мелюкова¹².

Как уже было сказано выше, классификация скифских и сарматских мечей посвящен труд В. Гентерса¹³. В целом работа носит описательный характер. Используя только опубликованный материал, автор развил построения М. И. Ростовцева, но не имел возможности охватить все разнообразие форм этого вида оружия. Классификация построена на анализе только наконечников и перекрестий мечей, о клинках их почти ничего не говорится. Подробно описаны ножны мечей и стиль их орнаментации, сделаны отдельные интересные наблюдения, ускользнувшие от внимания М. И. Ростовцева. Дополняют исследование В. Гинтерса статьи Н. Я. Мерперта, посвященные мечам с когтевидным наконечником¹⁴, а также работа Н. И. Сокольского о боспорских мечах, в одном из разделов которой рассмотрены местные мечи, аналогичные скифским¹⁵.

Хронологическая классификация скифских стрел была разработана П. Д. Рау¹⁶. Анализом отдельных типов стрел этот исследователь не занимался, но он выделил комплексы, характерные для разных периодов скифской культуры и, таким образом, проследил закономерности их развития. Сделанная с большой тщательностью классификация комплексов скифских стрел в настоящее время нуждается лишь в небольших поправках и дополнениях. Большой заслугой П. Д. Рау является удачное объяснение происхождения скифских стрел на местной основе.

В. А. Ильинской написана сводная работа о скифских топорах, дающая полное представление о всех типах этого оружия¹⁷.

В работе Б. З. Радияновича детальному анализу были подвергнуты племени скифского перпода, найденные в

⁸ В. В. Гольмстен, 1932, стр. 11.

⁹ А. В. Митулин, 1949, стр. 64.

¹⁰ Б. Н. Граков, 1947.

¹¹ В. Д. Блаватский, 1950, стр. 19.

¹² А. И. Мелюков, 1950.

¹³ W. Ginters, 1928.

¹⁴ Н. Я. Мерперт, 1948, стр. 74.

¹⁵ Н. И. Сокольский, 1954, стр. 137.

¹⁶ Рау, 1928.

¹⁷ В. А. Ильинская, 1961, стр. 27.

⁴ М. И. Ростовцев, 1918а, стр. 37.

⁵ М. И. Ростовцев, 1914, стр. 335—337.

⁶ С. П. Толстов, 1948, стр. 217.

⁷ М. И. Ростовцев, 1918, стр. 127.

Северном Причерноморье и далеко за его пределами¹⁸. Полемика при этом исследователями, считавшими все металлургические племена VI—III вв. до н. э. греческими по происхождению, Б. З. Рабинович доказал, что они делятся на две группы: одни из них действительно греческие, другие не имеют аналогов ни в Греции, ни в Иранском Востоке. Местом их производства автор считает Северный Кавказ.

Скифским металлургическим поисам, служившим для вооружения оружия и одновременно исполнявшим административную функцию, посвящена статья А. П. Мамцева¹⁹.

Перечисленные исследования дают представление об истории отдельных категорий скифского оружия, но недостаточны для того, чтобы судить о закономерностях развития комплекса оружия в целом и тем более для характеристики военного дела населения Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Для всестороннего освещения этой темы прежде всего необходима полная возможность полноты и подробная сводка всего известного в настоящее время материала. Его типологическая и хронологическая классификация, рассматриваемая на фоне истории скифов, это и определяет задачи настоящей работы, восполняющей в основном источниковедческий характер. В отличие от К. Ф. Смирнова, рассматривавшего савроматское оружие в вместе с ним снаряжение верховых кочев — постоянных спутников как савроматских, так и скифских воинов, — и ограничивавшую изучением только оружие. Говоря о скифском вооружении и принимая во внимание положение Ф. Энгельса, что «мысль не зависит в такой степени от экономических условий, как именно состав, организация, вооружение, стратегия и тактика армии»²⁰, я опираюсь на выводы советских исследователей о социально-экономическом строе Скифии в различные периоды ее истории²¹. Только достижения советских ученых в этой области дают возможность правильно объяснить большую роль войны в скифском быту и правильно представить военную историю скифов. Всестороннее освещение военных событий, в которых скифы были главной действующей силой или только принимали участие, данное в работах Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, В. Д. Блаватского и других, имеет сарказное значение для нашей темы.

Основным источником моего исследования являются археологический материал, происходящий из курганов и погребений воинов собственно скифских и соседних с ними племен лесостепи, нижнего Дона и Прикубанья. Известно всего более 500 погребений с оружием, но из-за неравномерности исследования они распределяются неодинаково на интересующей нас территории. Больше всего их открыто в среднем Приднепровье благодаря многолетним систематическим раскопкам А. А. Бобринского²², Н. Е. Бранденбурга²³, Д. Я. Самохвасова²⁴ и других русских дореволюционных исследователей, а также советских археологов, таких как В. А. Городцов²⁵, М. Я. Рудинский²⁶. Меньше курганов раскопано в остальных районах Северного Причерноморья. Значительный материал известен из парских

и рядовых скифских курганов южного Приднепровья, однако он относится главным образом к IV—III вв. до н. э.²⁷

Благодаря раскопкам П. Д. Ляберова попадались сравнительно небольшие даяны, известные по старым исследованиям на среднем Дону («Часть» и Мастогианские курганы). Недавние раскопки В. П. Шилова местных курганов на южных Дону расширяют наши представления о погребениях с оружием на этой территории.

Сохранность предметов вооружения в погребениях оставляет желать лучшего. Хорошо сохраняются только бронзовые наконечники стрел, а также бронзовые предметы оборонительного вооружения; железные наконечники копий и мечи чаще всего представлены лишь более или менее выразительными обломками. В связи с такой сохранностью железа в курганах количество дошедшего до нас оружия значительно меньше количества найденного при раскопках и упомянутого в отчете.

При написании данной работы мною использованы коллекции Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея в Москве, Киевского исторического музея, а также материалы, хранящиеся в фондах Института археологии АН УССР. Некоторые предметы, о которых пойдет речь, известны мне по публикациям, а иногда только по описаниям или по зарисовкам Б. З. Рабиновича и Б. Н. Гракова. Они происходят из коллекций, пропавших во время Великой Отечественной войны.

Кроме оружия из погребений, в названных музеях хранятся значительное количество случайных находок и таких вещей, место происхождения которых неизвестно. Особенно много их в Киевском историческом музее, куда поступили коллекции из раскопок и сборов А. А. Бобринского, Б. И. и В. Н. Ханенко и других дореволюционных исследователей и коллекционеров. Часть коллекций не имеет хорошей документации. Из случайно найденных предметов вооружения в работу включены железные наконечники копий, мечи и кинжалы, а также оборонительное оружие. Наконечники стрел из случайных сборов я не использовала потому, что для нашей темы важны комплексы, а не отдельные находки стрел. В связи с этим в работу не включены также находки стрел, сделанные при раскопках на поселениях. В дополнение к материалу, происходящему из местных памятников, использованы находки скифского оружия из греческих и греко-сарматских погребений, исследованных в некрополях и курганах близ греческих городов, главным образом Ольвии и Пантикапея. Они известны мне преимущественно по публикациям; специально проработаны только комплексы наконечников стрел из архайческих погребений ольвийского некрополя, большая часть которых опубликована в статье В. М. Скуловой²⁸, и оружие из Нимфейских курганов²⁹.

Для характеристики скифского оружия, кроме археологических материалов, были использованы свидетельства античных авторов, а также изображения на предметах античного и скифского производства.

Античные письменные источники в общем дают немного сведений, так как в них содержатся только упоминания об употреблении скифами отдельных видов оружия, но отсутствуют сколько-нибудь подробные описания их, являющегося не говорится и о названии разных предметов в бою. Внимание античных писателей привлекало главным образом применение скифами оружия в религиозных и ритуальных церемониях. Вместе с тем следует заметить, что в античной литературе содержится важное для нас описание скиф-

¹⁸ Б. З. Рабинович, 1947, стр. 100—171.

¹⁹ А. П. Мамцев, 1941, стр. 19.

²⁰ Ф. Энгельс, 1953, стр. 155—156.

²¹ Б. Н. Граков, 1947, 1950, стр. 10; 1954, стр. 20; М. И. Артамонов, 1947, стр. 70; 1948, стр. 58. Э. И. Соломонов, 1952, стр. 103; И. В. Яценко, 1959.

²² А. А. Бобринский, 1887, 1894, 1901, 1902, стр. 24; 1905, стр. 1; 1905а, стр. 77; 1908, стр. 1; 1910, стр. 81; 1911, стр. 43; 1913, стр. 99; 1914, стр. 99; 1916, стр. 1.

²³ Н. Е. Бранденбург, 1906.

²⁴ Д. Я. Самохвасов, 1908.

²⁵ В. А. Городцов, 1905, стр. 174; 1911, стр. 83 сл.

²⁶ М. Я. Рудинский, 1928.

²⁷ М. И. Ростовцев, 1925; Б. Н. Граков, 1962, стр. 58.

²⁸ В. М. Скулова, 1960, стр. 80.

²⁹ Л. Ф. Силачева, 1959, стр. 5.

Глава I

ПРЕДСКИФСКОЕ ОРУЖИЕ

Несмотря на ряд замечательных открытий, сделанных в последние десять — двенадцать лет, оружие предскифского периода в Северном Причерноморье еще мало известно. Однако те материалы, которыми мы располагаем, заслуживают внимания и позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся истории скифского вооружения.

Исследования белогрудовской и чернолесской культур в лесостепи и памятников поздней бронзы сабатиновского и белозерского этапов в степи позволяют говорить о том, что в Северном Причерноморье в конце II и в самом начале I тысячелетия до н. э. еще не сложился комплекс вооружения, который мог бы являться прототипом скифского. Не существовало и обычая класть вместе с покойником оружие, которым он пользовался при жизни. Самые ранние памятники, содержащие набор предметов вооружения, относятся ко второй половине VIII или началу VII в. до н. э. В это же время в Северном Причерноморье появились первые бронзовые и железные наконечники стрел, железные накопители копий и железные мечи.

Наряду с ними еще широко употреблялись наконечники стрел из кости, реже бронзовые наконечники копий, связанные по своему происхождению главным образом со срубной культурой.

Памятники, где были встречены предметы вооружения, известны как в степном, так и в лесостепном Северном Причерноморье, но количество их невелико. Наиболее яркими из них являются курган «Малая Цимбалка» на левом берегу Днепра¹, Сильферопольский курган², погребение у с. Бутенки Кобелякского района Полтавской обл.³; они близки друг к другу по времени, судя по находкам в них однотипных предметов вооружения и конского убора. Помимо, по определению А. А. Иессена, датируются VIII—VII вв. до н. э.⁴ Одновременно с ними костяные стрелы из чернолесских городищ и железные с бронзовыми рукоятками мечи, случайно найденные в лесостепном Северном Причерноморье⁵. К перечисленным памятникам, на

интересующей нас территории, примыкает ряд памятников Прикубанья, с одной стороны, и Балканского полуострова — с другой.

ЛУК И СРЕЛЫ

Лук со стрелами, очевидно, уже в предскифскую эпоху стал наиболее обычным видом вооружения, употреблявшимся как на охоте, так и на войне. На это указывает то обстоятельство, что наконечники стрел, бронзовые или костяные, являются достаточно обычной находкой на памятниках этого времени. Сказать что-либо определенное о предскифском луке трудно, так как мы не располагаем никакими данными. Исходя из небольших размеров бронзовых и сопровождающих их в комплексах костяных наконечников стрел (длиной 3,5—4 см), соответствующих размерам наконечников стрел скифского времени, можно думать, что по форме, размерам и конструкции предскифский лук не отличался сколько-нибудь существенно от скифского, описание которого будет дано ниже.

Вместе с тем вполне возможно предположить существование наряду с небольшим, вероятно сложным луком, простых луков крупных размеров. Это предположение вполне допустимо, по крайней мере для лесостепи, где, кроме костяных наконечников стрел указанных размеров, встречены большие черешковые наконечники стрел длиной 9,5—10 см. Применение стрел с такими наконечниками для стрельбы из лука малых размеров едва ли возможно.

Для изготовления наконечников стрел в предскифский период употреблялся тот же материал, что и в скифское время — кость, бронза и реже железо. Исключением составляют наконечники стрел из рога оленя, найденные на некоторых чернолесских городищах вместе с костяными. За исключением нескольких экземпляров наконечников стрел с черешком с городищ чернолесского типа, все остальные наконечники стрел — ступчатые, отличаются друг от друга по форме головок и длине втулки.

Костяные наконечники стрел по форме отличаются от бронзовых. Среди них встречаются следующие типы:

1-й тип. Наиболее обычными являются накопечники стрел ромбические в сечении, со скрытой втулкой. Они листовидные, со слегка выпуклыми боками и выемкой в

¹ Р. Вац, 1929, табл. XIV, 2 А — Н.

² А. А. Щепляк, 1982, стр. 57.

³ Г. Т. Коваленко, 1962, стр. 86.

⁴ А. А. Иессен, 1953, стр. 57 сл.

⁵ А. И. Терехович, 1961, стр. 92 сл.

основании, несколько отличающую друг от друга размерами и большей или меньшей сточенностью боков. Длина их колеблется от 3,5 до 4,5—5 см (табл. 1, А, 2, 3, 5—7, 19—25). Из тринадцати ступчатых наконечников, происходящих из чернолесских городищ, раскопанных А. И. Тереножкиным, девять относятся к этому типу⁶. Три таких наконечника содержатся в комплексе из Малой Цимбалки⁷, известны они по находкам на поселениях в Молдавии⁸ и на памятниках кишиньско-кобнянской культуры. Набор таких стрел происходит с кишиньско-кобнянского поселения Уч-Баш близ Севастополя⁹. По происхождению эти наконечники стрел связаны со срубной и андроновской культурами Среднего и Нижнего Поволжья, западного Казахстана и южного Приуралья. Аналогичные упомянутым наконечники встречаются, например, на поселениях андроновской культуры у пос. Садиновского Кустанайской обл.¹⁰ или из срубного поселения у с. Успенки Саратовской обл.¹¹

В скифских комплексах наконечники стрел этого типа не встречаются.

2-й тип. Наконечники стрел пирамидальной формы, квадратные в разрезе, так же как и первые имеют скрытую втулку. Длина их 3—4 см, грани иногда сточены по-разному. Три таких наконечника найдены на чернолесских городищах (табл. 1, А, 4, 8, 16)¹², один происходит из кургана Малая Цимбалка (табл. 1, В, 9)¹³, один — из Симферопольского кургана (табл. 1, Б, 3)¹⁴ и несколько экземпляров найдено на поселении Уч-Баш.

В погребениях эпохи бронзы такие стрелы известны, но они встречаются реже, чем наконечники 1-го типа. Древнейшая находка костяного наконечника стрелы пирамидальной формы, квадратной в разрезе происходит из кургана II тыс. до н. э. в г. Воршиловск Старопольского края¹⁵. Такие же костяные наконечники стрел найдены в погребениях II—I тыс. до н. э. в Таркинском и Карабудагкентском могильниках Дагестана¹⁶.

Родины наконечников стрел этого типа К. Ф. Смирнов справедливо считает юг Восточной Европы¹⁷.

Также же наконечники стрел, но несколько более стройных пропорций продолжают употребляться в скифский период и встречаются в комплексах не только архаических, но и IV—III вв. до н. э., о чем будет сказано ниже.

3-й тип. Наконечники стрел пулевидной формы, круглые в сечении, со скрытой втулкой и прямым основанием. Они еще менее обычны в памятниках предкифского периода, чем наконечники стрел 2-го типа. Три таких наконечника найдено в Симферопольском кургане¹⁸, два — в кургане Малая Цимбалка¹⁹ (табл. 1, Б, 28—30; В, 10, 11).

В Северном Причерноморье костяные наконечники стрел круглые в сечении появились на сабатинском этапе поздней бронзы²⁰. Так же как наконечники стрел второго типа, они продолжают бытовать в скифский период вплоть до конца IV в. до н. э.

4-й тип. Среди костяных наконечников стрел с чернолесских городищ имеется два наконечника с выступающей втулкой. Оба они имеют головки треугольной формы, в разрезе ромбические, по со сглаженным границам²¹ (табл. 1, А, 1, 17). Подобный наконечник стрелы известен из слоя эпохи поздней бронзы Кобяковского городища²². О происхождении наконечников стрел этого типа пока ничего определенного сказать нельзя.

Костяные или роговые черешковые наконечники стрел известны только в лесостепном Северном Причерноморье. На чернолесских городищах их найдено девять экземпляров²³. Встречаются они в памятниках лесостепной Молдавии как в эпоху поздней бронзы, так и в чернолесское время²⁴.

По способу прикрепления к древкам они подразделяются на два типа. Одни из них имеют выщипчатый черешок. Головки их — небольшие, тщательно изготовленные, в виде узкого треугольника с опущенными вниз заостренными концами (табл. 1, А, 28), в разрезе ромбические или плоско-овальные. Другие наконечники, с выщипчатым черешком, имеют головку листовидной формы, расширяются к середине или с параллельными боками. В разрезе они так же ромбические (табл. 1, А, 24).

Ко 2-му виду относятся крупные наконечники стрел, сделанные из оленевого рога. У них сравнительно длинный черешок, а головка имеет листовидную форму, ромбическая или овальная в разрезе. Длина наконечников стрел этого вида 9—10 см (табл. 1, А, 18—20). А. И. Тереножкин считает черешковые костяные стрелы местными по происхождению²⁵.

Бронзовые наконечники стрел были известны населению восточных областей сарматских степей в эпоху бронзы. Находки их сделаны на поселениях и в погребениях андроновской, карасукской и срубной культур²⁶. В Северном Причерноморье и на Кавказе наиболее ранние бронзовые наконечники стрел появились лишь в предкифскую эпоху, в VIII—VII вв. до н. э. Все они ступчатые и отличаются друг от друга по форме головки.

В 1-й тип объединены наконечники стрел с двуплоскостной ромбовидной головкой. По количеству находок стрелы этого типа преобладают над остальными. Среди них выделяется два варианта: к первому варианту этого типа относятся наконечники стрел с довольно длинной втулкой без шпала. Головки их сравнительно небольшие, симметрично или ассиметрично-ромбовидные. Характерная особенность состоит в том, что после отпайки лопастей расковыривались и в связи с этим имеют не совсем правильные очертания. В Симферопольском кургане и в погребении у с. Бутенки бронзовые наконечники стрел представляли только этим вариантом (табл. 1, Б, 1—24). В Симферопольском кургане их 24²⁷. Длина большинства из них 4,5—5 см, причем около половины длины приходится на втулку. Друг от друга они отличаются лишь длиной или меньшей раскованностью лопастей. В с. Бутенки было около 30 экземпляров наконечников стрел этого вида, но сохранилось только два²⁸.

Наконечники стрел с ромбической головкой и длинной втулкой без шпала хорошо известны на Дону и на Северном Кавказе, где, по А. А. Исееву, они датируются

⁶ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 85, рис. 66, 6, 8, 9, 15, 22.

⁷ Р. Рау, 1929, табл. XIV, 2.

⁸ О. Н. Мельникова, 1954, стр. 70, рис. 34, 1.

⁹ Не изданы, хранятся в экспозиции Херсонского музея; происходят из раскопок С. Ф. Стрельникова.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова, 1951, стр. 162, рис. 14.

¹¹ И. В. Савицкий, 1945, стр. 215, рис. 25.

¹² А. И. Тереножкин, 1961, рис. 66, 7, 20, 21.

¹³ Р. Рау, 1929, табл. XIV, 2.

¹⁴ А. А. Шепицкий, 1962, рис. 3, 38.

¹⁵ Т. М. Минаева, 1947, стр. 133, рис. 42, 3.

¹⁶ К. Ф. Смирнов, 1951, стр. 261, рис. 17, 72—74.

¹⁷ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 58.

¹⁸ А. А. Шепицкий, 1962, рис. 3, 30—32.

¹⁹ Р. Рау, 1929, табл. XIV, 2.

²⁰ А. В. Добровольский, 1952, стр. 84; А. И. Тереножкин, 1961, рис. 71, 20.

²¹ А. И. Тереножкин, 1961, рис. 63, 4 и 66, 5.

²² Раскопки С. И. Капошовой 1959—1960 гг. Материал не издан, хранится в ЛОИА.

²³ А. И. Тереножкин, 1961, рис. 66, 1—4, 16—18.

²⁴ А. И. Мельникова, 1950, стр. 82, рис. 27, 2.

²⁵ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 94.

²⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 37.

²⁷ А. А. Шепицкий, 1962, рис. 3, 2—25.

²⁸ Г. Т. Ковранецкая, 1962, рис. 1, 9а—6.

VIII — VII вв. до н. э. Они встречаются в комплексе у хутора Обрывского Чернышевской станицы на р. Чир²⁹, в кладе на северо-западном склоне горы Баштау, в кургане Некрасовской станицы на р. Лабее³⁰.

Во спороватской территории наконечников стрел с ромбической головкой и длинной ступкой пока не найдено³¹. В восточных областях СССР они появились в конце параскутской культуры в Милушевской котловине. Отдельные находки их известны на западе, на Днестре³², в бассейне Прута³³ и даже на Дунае, в Олтеши³⁴.

В скифских комплексах даже раннего времени такие наконечники стрел не встречаются.

Ко второму варианту принадлежат наконечники стрел с короткой ступкой. Головка их может быть симметрично или асимметрично-ромбической, следов ковки на лопастях не заметно. Многие стрелы этого варианта имеют острый шип на ступке. В Северном Причерноморье такие стрелы предскифской эпохи известны лишь в комплексе из Малой Цимбалки, где имеются экземпляры с шипом и без шипа (табл. 1, В, 1—3). На Северном Кавказе аналогичные наконечники стрел происходят из комплекса VIII—VII вв. до н. э., найденного у хутора Алексеевского³⁵. Ближайшие к яны бронзовые ромбовидные наконечники стрел с короткой ступкой, с шипом и без шипа, па кургана середины VII в. до н. э. у с. Царевброд (быв. Енджа) в северной Болгарии (табл. 1, Г, 3—5)³⁶. В отличие от наконечников стрел первого варианта наконечники стрел второго варианта нельзя считать только доскифскими. Они наиболее характерны для раннескифских комплексов и иногда встречаются в памятниках начала V в. до н. э. Распространены они широко, по подавляющему их большинство происходит из случайных находок. Находят в комплексах, за исключением упомянутых выше, принадлежат преимущественно к раннескифскому времени³⁷. Прототипами для наконечников стрел этого типа можно считать бронзовые наконечники копий с ромбовидным пером, которые были известны в эпоху поздней бронзы в Северном Причерноморье³⁸.

2-й тип — ступчатые двулопастные стрелы с овальной или лавролистной головкой и выступающей ступкой для предскифского периода в Северном Причерноморье менее обычны, чем наконечники стрел 1-го типа. Два экземпляра таких наконечников найдены в кургане Малая Цимбалка (табл. 1, В, 4, 6). Оба наконечника с шипом на ступке.

Форма для отливки бронзовых лавролистных наконечников стрел с длинной ступкой происходит из Новочеркасского клада³⁹. Типологически наконечники стрел из этой формы предшествуют наконечникам, найденным в Малой Цимбалке.

Родины лавролистных наконечников стрел в настоящее время достаточно уверенно можно считать восточные районы Евразии. Здесь они появляются довольно рано, еще на начальном этапе андроповской культуры; известны

они и в памятниках срубной культуры Поволжья⁴⁰. Однако широкое распространение наконечников стрел с овальной или лавролистной головкой как в восточных районах, так и в Причерноморье относится к раннескифскому времени.

К 3-му типу плоских двулопастных наконечников стрел относятся лишь один наконечник из кургана Малая Цимбалка (табл. 1, В, 2). По форме головки он близок к костяным наконечникам стрел с ромбическим сечением в тыловой части, в основании, но отличается от них тем, что имеет длинную выступающую ступку. По-видимому, он был подготовлен по образцу костяных стрел, но с учетом особенностей характерных для бронзовых наконечников.

По образцу бронзовых двулопастных стрел с ромбовидной или лавролистной головкой были сделаны железные наконечники стрел, находившиеся в комплексе па Смирнопольского кургана (табл. 1, В, 25—27). В связи с тем, что железные стрелы делались техникой ковки, на их головках нет ребра, продолжающего ступку, как это обычно бывает на литых бронзовых стрелах. Совершенно аналогичные железные наконечники стрел довольно часто встречаются в раннескифских курганах.

В комплексах находок на Северного Причерноморья, определенно относящихся к VIII—VII вв. до н. э. первой половине VII в. до н. э., нет трехгранных и трехлопастных наконечников стрел. Однако свидетельством того, что к середине VII в. до н. э. они уже появились в западных районах степей Евразии, является находка двух трехлопастных наконечников стрел в кургане у с. Царевброд (быв. Енджа) (табл. 1, Г, 1, 2)⁴¹. Они имеют треугольную головку и выступающую ступку. Концы граней заострены и образуют шипы.

Находка Р. Гиршманом подобных стрел в некрополе Б. Сналка служит К. Ф. Смирнову основанием для того, чтобы связывать их происхождение с Иранскими Востоком⁴². Однако трехлопастные стрелы с треугольной головкой в шипами на концах граней, сделанные из кости, известны в северо-западных районах Причерноморья еще с эпохи поздней бронзы. Один из них происходит из поселения с золотниками культуры ноа, в Молдавии⁴³, второй — с поселения этой же культуры, у с. Малага Черновицкой обл.⁴⁴ Памятники культуры ноа в настоящее время датируются XIII—XI вв. до н. э.

Широкое распространение трехлопастные наконечники стрел, главным образом бронзовые, получают только в скифское время.

КОПЬЯ

Другим видом оружия, об употреблении которого в предскифскую эпоху мы знаем, были копья. В комплексах, определенно датирующихся VIII—VII вв. до н. э., копия встречаются только один раз, в погребении у с. Бутенки. Здесь они представлены двумя железными наконечниками⁴⁵. Железные же наконечники копья происходят из погребения 75 Высоцкого могильника (раскопки

²⁹ Труды VIII АС. т. IV. 1897, табл. 33, № 37.

³⁰ А. А. Иессен, 1954, стр. 120, 125, рис. 3, 14.

³¹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 41.

³² Найдены в галицком селении, на расстоянии у с. Алчедар МССР: А. И. Мельникова, 1959, рис. 23, 16.

³³ На поселении у с. Повня Теку, где есть слой VIII—VI вв. до н. э.: В. Чирко, В. Чура, 1951, fig. 28, А, 11.

³⁴ Известно о экспедиции Национального археологического музея в Бухаресте, происходит из раскопок поселения у Бассараба, не датировано.

³⁵ А. А. Иессен, 1952, стр. 118, рис. 7.

³⁶ Р. Попов, 1932, стр. 102, рис. 89, 90, 4—5.

³⁷ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 41.

³⁸ О. А. Крицкова-Грахова, 1955, стр. 134, рис. 30, 3.

³⁹ А. А. Иессен, 1953, рис. 1, 2 и рис. 29.

⁴⁰ Подробно о происхождении лавролистных наконечников стрел см.: К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 38—39.

⁴¹ Р. Попов, 1932, рис. 90, А.

⁴² К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 43.

⁴³ А. И. Мельникова, 1961, рис. 10, 2.

⁴⁴ Из раскопок Г. И. Смирновой, хранятся в Государственном Эрмитаже.

⁴⁵ Г. Т. Коваленко, 1962, рис. 2, 3, 4.

В. И. Каневца, 1951 г.)⁴⁶. А. И. Тереховский относит к чернявской породе пять литых бронзовых наконечников копий из случайных находок, сделанных в разных местах правобережного среднего Поднепровья⁴⁷. Эти наконечники по форме и пропорциям близки к железным раннескифским и к единственному бронзовому наконечнику копья из раннескифского кургана 344 на р. Ташлык близ Киевской губ.⁴⁸ В отличие от бронзовых наконечников копий срубной культуры они имеют довольно длинную втулку, переходящую в массивное ребро, расположенное посредине пера, имеющего форму лаврового листа. Наибольшая ширина пера — в средней его части. Длина наконечников копий различная, колеблется от 10 до 20 см. Раскопки Н. В. Афанасова протомавского могильника на Кубани показали, что здесь в VIII—VII вв. до н. э. чаще употреблялись бронзовые наконечники копий, чем железные. Из восьми наконечников, найденных в 1958—1959 гг., было только два железных, остальные — бронзовые⁴⁹. По размерам и форме пера один из этих наконечников близок к найденным на Украине, другие имеют иные пропорции и граничные втулки. Наибольшая ширина пера у них приходится на нижнюю его часть; к острю перо заметно сужается. А. А. Иссаев считает этот тип наконечников местным для северо-западного Кавказа и приводит серию находок, относящихся к значительному промежутку времени от эпохи бронзы до раннескифского времени⁵⁰.

Для железных наконечников копий по погребениям в с. Бутенки несколько отличаются от бронзовых, найденных на Украине, и по форме пера ближе к только что описанным северокавказским (табл. 2, 4). Они имеют сравнительно длинную втулку, переходящую в массивное, округлых очертаний ребро, сужающееся к острю. Перо листовидной формы, наибольшую ширину оно имеет в нижней части. С двух сторон у основания пера имеются два небольших круглых отверстия. Этот признак отличает наконечники копий из с. Бутенки от бронзовых предскифских и железных раннескифских наконечников, найденных в хорошо датированных комплексах. По размерам железные наконечники отличаются от бронзовых и приближаются к раннескифским. Длина одного из них 28 см, длина его втулки 12 см, ширина пера 4,5 см. Длина второго 30 см, длина его втулки 12,5 см, ширина пера 5,5 см. Железные наконечники копья из Высоцкого могильника меньших размеров: его длина 15 см, длина втулки 7,5 см, ширина пера около 3 см. Не только по размерам, но и по форме пера этот железный наконечник близок к бронзовым. Перо его имеет лавровистую форму, но в основании пера, так же как на наконечниках копий из с. Бутенки, имеется два небольших отверстия. Возможно, этот признак — наличие отверстий в основании пера — следует признать характерным для предскифской эпохи. Г. Т. Ковпаченко, издавая комплекс находок из погребения в с. Бутенки, приводит в качестве аналогий к ним бронзовые наконечники копий из могильника и могила в Италии и Сицилии. В основании листовидного пера этих копий имеется пара сквозных отверстий. Эти находки датируются VIII в. до н. э. Железные наконечники копья также с двумя отверстиями в основании пера, близкий к описанным по форме и размерам, происходит из могила в округе Дессау, в Восточной Германии, который датируется 900—700 гг. до н. э.⁵¹

Вероятно к предскифскому времени следует отнести два железных наконечника копий из Кловского исторического музея. Один из них происходит из собрания А. А. Бобринского и надан Г. Т. Ковпаченко⁵², второй был найден у с. Лосевцы Уптинского района Каменец-Подольской обл. (табл. 2, 1)⁵³. Перо его сильно испорчено ржавчиной, поэтому думать, что оно было лавровистым, довольно трудно. Длина наконечника 31,5 см, длина втулки 11,5 см, ширина пера 3,3 см. Свидетельством того, что по крайней мере в середине VII в. до н. э. были в употреблении железные наконечники копий с лавровистым пером (также же, как были в ходу и раннескифское время), является находка железного наконечника этого типа в погребении у с. Царевброд (быв. Енджа) в северной Болгарии (табл. 2, 3)⁵⁴.

Наконечники копий с лавровистым пером безусловно местные по происхождению, они представляют собой дальнейший этап развития наконечников копий срубной культуры. Наконечники копий с листовидным пером, наибольшая ширина которого приходится на нижнюю его часть, скорее всего связаны по происхождению с Центральной Европой или северо-западным Кавказом.

МЕЧИ И КИЖАЛЫ

Представление о том, какими мечами и кинжалами могли пользоваться воины Северного Причерноморья, дают находки, сделанные в комплексах, найденных за пределами изучаемой территории, главным образом на Северном Кавказе, в Лополжа, а также в южной и средней Европе. В упомянутом выше погребении, в кургане у с. Царевброд (Енджа) в северной Болгарии, вместе с бронзовыми наконечниками стрел и железным наконечником копья был найден небольшой железный меч или кинжал⁵⁵ (длина его 40,5 см). Он имеет плоскую прямую рукоять без навершия и перекрестия, клинок с почти параллельными лезвиями, переходящими в треугольное острие. Посредине клинка проходит чуть заметное ребро — утолщение, в результате чего в разрезе клинок имеет форму вытянутого ромба. Аналогичных мечей или кинжалов Однако представляется, что типологически этот предмет связан с бронзовыми кинжалами северо-западного Причерноморья эпохи поздней бронзы, такими как кинжалы с поселения под Кишпеном в Молдавской ССР⁵⁶ и Ебико IV на нижнем Днепре⁵⁷, а также на Широком кургане⁵⁸.

Изучение археологических памятников поздней бронзы и раннего железного века Кабарды позволило Е. И. Крупнову выделить серию железных кинжалов с бронзовыми рукоятками, характерных для переходного от бронзы к железу периода, сложившихся в районе Кабардино-Пятигорья⁵⁹. А. И. Тереховский выделил среди случайных находок, хранящихся в Киевском историческом музее, меч и кинжал, определяемые связанные по происхождению с кавказскими⁶⁰. Меч, место находки которого неизвестно, имеет бронзовую рукоять, отлитую в форме по восковой модели. Навершие полое, грибовидное, держак длинный,

⁴⁶ Г. Т. Ковпаченко, 1962, рис. 3, 1.

⁴⁷ ГИИМ, вып. № 552-16.

⁴⁸ Р. Попов, 1932, рис. 84.

⁴⁹ Р. Попов, 1932, рис. 95.

⁵⁰ А. И. Мелюкова, 1961, стр. 17, 1.

⁵¹ В. А. Ильинская, 1955, стр. 21, табл. I, 9.

⁵² Б. Н. Граков, 1958, рис. 16.

⁵³ Е. И. Крупнов, 1950, стр. 263; 1960, стр. 201—203.

⁵⁴ А. И. Тереховский, 1961, стр. 133—137.

⁴⁶ Г. Т. Ковпаченко, 1962, рис. 3, 1.

⁴⁷ А. И. Тереховский, 1961, стр. 139, рис. 92, 2, 3, 5, 7, 8.

⁴⁸ А. А. Бобринский, 1901, стр. 34, табл. II, 8.

⁴⁹ Н. В. Афанасов, 1961, стр. 110—117.

⁵⁰ А. А. Иссаев, 1951, стр. 111—114.

⁵¹ Г. Т. Ковпаченко, 1962, стр. 70 и примеч. 11.

овальный в разрезе, перекрестие выступает в виде педлиных и нешироких прямых крыльев. Клинок с утолщением по середине, постепенно сходящийся к острию. Длина меча 58 см, длина клинка 45,4 см (табл. 2, б). Кинжал найден у с. Головитино Смелянского района. Рукоять его отлита в форме поновсковой модели, имеет полукруглое массивное навершие, длинный овальный в разрезе держак с узкой длинной крестовиной. Железное лезвие сохранилось частично (табл. 2, 5). Находки совершенно аналогичных кинжалов с бронзовой рукоятью и железным клинком известны сейчас как на Западе, так и на Востоке. А. И. Терещошкин указывает на находку кинжала в местности Павад в Венгрии. Он же обратил мое внимание на кинжал с грибовидным навершием и прямым перекрестием из кладки в Гаюве в Польше. От приведенных выше эта рукоять отличается лишь наличием круглых прорезей, таких же как на рукояти меча из окрестностей Кольца-Горы под Кислородском⁴¹. Кинжал очень близкий к головитинскому происходит из с. Демкино Волжского района Саратовской обл.⁴² В 1961 г. Н. В. Аяфимов нашел при раскопках протоисторического могильника у с. Николаевского⁴³ бронзовую рукоять железного меча, очень близкую к рукояти из Киселевского музея.

Вполне возможно, что в подражание мечам с железным лезвием и бронзовой рукоятью в предскифское время изготавливали целиком железные мечи. На это указывает находка в Симферопольском кургане плохо сохранившегося железного меча. Рукоять его имеет плоское грибовидное навершие, держак массивный, длинный, перекрестие не сохранилось, клинок неширокий (ширина 3 см), но довольно толстый (толщина его в центре — около 1,5 см), в разрезе овальный⁴⁴. Длина меча 55 см.

Распространение мечей и кинжалов описанного типа на широкой территории свидетельствует о том, что для

предскифского времени оружие этой формы было хорошо известным и употреблялось многими народами. Е. И. Крупнов отмечает, что кабардино-пятигорский тип кинжалов продолжал бытовать в центральной части Северного Кавказа вплоть до VI в. до н. э.⁴⁵ Однако на других территориях он, вероятно, исчезает раньше, так как нигде не встречается с комплексами предметов раннескифского времени.

Рассмотрение предметов вооружения VIII—VII вв. до н. э. показывает, что комплекс скифского оружия в Северном Причерноморье начал складываться в это время. Появился сложный лук со стрелами, имевшими главным образом бронзовые наконечники, и копия типов, обычных для раннескифской поры. Вместе с тем к середине VII в. до н. э. исчезают некоторые типы оружия и на смену им в конце VII в. до н. э. приходят новые, очевидно, более эффективные в бою. Прекратили свое существование костяные черешковые стрелы и костяные стрелы листовидной формы, ромбические в разрезе, а также бронзовые с ромбовидной головкой и длинной ступкой. Топки и предскифскому времени относятся биметаллические мечи и кинжалы с грибовидным навершием и узким прямым перекрестием. Скифские акинаки, появившиеся в конце VII в. до н. э., не могут быть связаны с ними по происхождению.

Говоря о предскифском вооружении, необходимо отметить, что его появление совпадает с началом широкого употребления железа на нашем юге. Железные наконечники копий теснят бронзовые, из железа делаются клинки мечей и кинжалов. Железо пытаются употреблять и для изготовления наконечников стрел, но, по-видимому, сразу же понимают, что для получения большого количества наконечников проще и быстрее отжигать их из бронзы, чем ковать из железа. Вместе с тем окончательно этот процесс вытеснения бронзы железом завершился только к началу скифской эпохи, к концу VII в. до н. э. Только к этому времени комплекс скифского оружия получает окончательное оформление.

— Е. И. Крупнов, 1960, стр. 203.

⁴¹ Е. И. Крупнов, 1960, табл. XXXV, 5.

⁴² Е. К. Максимова, 1962, стр. 288, рис. 3.

⁴³ Не опубликован. Доклад Н. В. Аяфимова на отчетной сессии ИА АН СССР в марте 1962 г.

⁴⁴ А. А. Щодинский, 1962, рис. 2, 2 (передан по фото).

ЛУК И СРЕЛЫ

бычным и, по-видимому, обязательным оружием каждого скифа-воина, как об этом свидетельствуют античные авторы¹ и многочисленные находки шабашечных стрел на территории Скифии, был лук со стрелами.

К сожалению, скифские луки из-за особенностей материала, из которого они были сделаны, дошли до нас в незначительных фрагментах, не дающих возможности судить об их форме и размерах. Этот недостаток до некоторой степени восполняют сравнительно многочисленные изображения скифских луков, являющиеся главным образом на предметах, сделанных греческими мастерами, а также описания их у греческих и римских авторов. Последние сравнивали форму скифского лука с греческой ситмой² или с чертанными берегами Черного моря. Особенно ярко проводит последнее сравнение Страбон³. Наиболее детально описание скифского лука нам оставил Аммиан Марцеллин: «В то время, как луки всех народов сгибаются из гнувшихся древков, луки скифские или парфенские, выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок»⁴. О загнутых концах скифского лука мы читаем еще у Эсхила в *Хоэфорах*⁵.

Вполне совпадают с этими описаниями скифских луков их изображения. Кроме ряда случаев, когда изображения передают нам лук в горноте, где обычно виден только один его конец, имеется довольно много хороших полных воспроизведений скифского лука. Найдены они как имеются на кульбовом⁶ и вороньешком сосудах⁷ и на бляшках

из Куль-Обы⁸, изображающих двух стреляющих в разные стороны скифов (табл. 2, 8; 4, 4, 5).

Совершенно аналогичные воспроизведения луков имеются на монетах, чеканенных в греческих городах Северного Причерноморья и датирующихся главным образом IV—I вв. до н. э. (табл. 3, 1—13)⁹.

Кроме того, луки близкой формы можно видеть на антических черпифигурных и краснофигурных сосудах, где они изображены в руках варваров-стрелков, а также (в основном на черпифигурных вазах) в руках героев и в первую очередь Геракла¹⁰. На предметах скифского мастерства мы видим только луки в горнотах, но, несомненно, той же формы, что и описанные изображения, сделанные руками греческих мастеров (табл. 5). Из Приуралья происходят бронзовые бляшки, воспроизводящие форму скифского лука с пригнанным к спуску стрелой. Такие бляшки, украшенные концами, найдены Б. Н. Граковым в погребении у пос. Богословского (табл. 3, 14)¹¹. Совершенно аналогичная бляшка найдена в окрестностях Вятки¹². Судя по изображениям и описаниям, мы можем представлять себе скифский лук с дугой в виде сложной кривой, состоящей из двух частей; концы дуги, на которых закреплялась тетива, были загнуты вверх.

Одной из отличительных особенностей скифского лука принято считать малые его размеры (около 60—70 см)¹³. Основанием для этого вывода служат главным образом упомянутые выше изображения, где луки по своей длине составляют около $\frac{1}{3}$ человеческого роста. О существовании у скифов луков несомненно длины свидетельствуют также найденные в курганах Скифии золотые обкладки горнотов длиной 45—47 см¹⁴. Принимая во внимание, что конец лука примерно на $\frac{1}{3}$ выступал из горнота, можно предполагать, что длина луков, которые вошли в эти горноты, была равна немногим более 60 см. Проследившаяся

¹ Геродот, IV, 81. ВДИ, 1947, № 2, стр. 274. Скиф — единственный стрелок из лука у ряда греческих авторов, см.: Аристофан. *Ахарны*, 1932, стр. 102, 704—710; Схолии и «Диаскритос» Аристофана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 301.

² Аммиан Марцеллин. *История*, кн. XXII, 8, 10. ВДИ, 1948, № 3, стр. 285. Приводит описания Вратосфера, Гекатея и Птолемея.

³ Страбон. *География*, II, 5, 22. ВДИ, 1947, № 4, стр. 188. Полное перечисление античных авторов, сравнивающих скифский лук с чертанными берегами Черного моря, см.: E. Volland, 1913, стр. 51 сл.

⁴ Аммиан Марцеллин. *История*, кн. XXII, 8, 37. ВДИ, 1948, № 3, стр. 288.

⁵ Эсхил. *Хоэфоры*, ст. 154. ВДИ, 1947, № 1, стр. 303.

⁶ E. Milna, 1913, стр. 200, рис. 93—94.

⁷ М. И. Ростовцев, 1914, табл. I, III.

⁸ E. Milna, 1913, стр. 197, рис. 90.

⁹ А. Н. Зорграф, 1934, табл. XXXIII, 14—27; табл. XXXVIII, 18; табл. XLI, 4—6, 8; табл. XLII, 11, 15.

¹⁰ E. P. J. 1923, табл. III, рис. 284, 344, 371, 395, 400, 411; Maria F. J. 1923, табл. II, VII, VIII, XVI, XVII.

¹¹ B. Graikov, 1929, стр. 178, 177, рис. 11.

¹² А. А. Спирин, 1893, табл. XII, 22.

¹³ Б. Н. Граков, 1930, стр. 76; В. Яценко, 1905, стр. 63 сл.

¹⁴ Б. Н. Граков, 1930, стр. 101, стр. 45 сл.; М. Н. Фарионовский, 1922, стр. 23; Е. Ф. Панорская, 1935, стр. 193, рис. 2; В. П. Яценко, 1961, стр. 165, рис. 13.

при раскопках погребений в скифских курганах Николюстрой¹⁵ длина стрел 42—45 см говорит о такой же длине лука, как и названных выше случаях, ибо, судя по изображениям, длина стрел была равна длине горшков.

Однако писется ряд оснований предполагать существование и скифским обиходу луков большей длины. Так, Э. Ленц¹⁶, исследуя наконечники стрел, найденные в курганах, раскопанных А. А. Бобринским в быт. Чигиринского уезде Киевской губ. в 1903 г., пришел к заключению, что общая длина стрел была равна в среднем 60 см, что может указывать на длину лука в 75—80 см. Находка стрел, с сохранившимися древками длиной 71,28 см в Витонской могиле¹⁷ и находки в кургане 31 Бобринского могильника¹⁸ деревянного колчаба длиной 70 см, указывают на то, что скифские луки могли иметь длину значительно больше указанной, а именно до 1 м. К. Ф. Смирнов на основании соотношения длины стрелы и лука на оренбургской близке пришел к заключению, что савроматские луки имели длину не менее 80 см¹⁹. В связи с этим важно отметить еще и то обстоятельство, что луки скифской формы, изображенные в росписи греческих ваз, имеют разную длину — от одной трети до половины и более человеческого роста. Эти колебания в размерах, по всей вероятности, могут свидетельствовать об употреблении луков разной длины.

О том, что скифские луки были сложными, говорит в первую очередь сама их форма. На это указывает также кошение их в натянтом состоянии, поскольку из этнографии известно, что простые луки от постоянного пребывания в натянтом состоянии теряют свою упругость и поэтому носились в спущенном виде²⁰.

Кроме того, остатки костяных обкладок концов луков, хотя и немногочисленные, обнаруженные вместе с остатками дерева от яток же, свидетельствуют о том, что составными частями дуги лука были дерево и кость, между которыми, вероятно, существовали еще прокладки из сухожилий²¹. Предположение, высказанное некоторыми учеными²², что скифские луки были сделаны из связанных вместе рогов барана или козы наподобие тех луков, о которых пишет Гомер, кажется лишним основанием. Сравнение с луками, известными Гомеру, возможно потому, что тот лук, из которого стрелял Пандар, назван поэтом «крутоизогнутым огромным»²³, чего явно нельзя сказать о скифских луках. Относительно тетивы последних в произведениях древних авторов сохранились следующие указания: в стихах к Илиаде²⁴ имеется упоминание о том, что тетива скифских луков, в отличие от тетивы критских, делалась из конского волоса. Этнографический материал подтверждает возможность употребления конского волоса для тетивы луков. Овидий Насон²⁵, говоря о вражеских луках, замечает, что тетива их была сделана из конских

жил. Несомненно, что это свидетельство Овидия не относится непосредственно к скифским лукам, но вместе с тем оно может служить указанием на возможность изготовления тетивы из жил и у скифских луков.

Относительно происхождения скифских луков можно сказать достаточно определенно, что оно не было греческим или вообще передне-азиатским, как это утверждал М. И. Ростовцев. Сообщения Геродота²⁶ и Ксенофонта²⁷ свидетельствуют о том, что персидские луки были больших размеров. Изображенные на персидских рельефах воины имеют на вооружении главным образом большие, по-видимому, простые луки, висящие на плече рядом с привязанным за спиной колчаном²⁸. Такие луки употреблялись на Древнем Востоке в разных странах. Вероятно, киммерийцам, а затем скифам обаял Древний Восток знакомству с необычными сложными луками скифского типа. Греки же познакомились с ним от скифов, так как, судя по Илиаде, в эпоху Гомера небольшой сложный лук еще не был им известен. В этой связи едва ли являются случайными предания, рисующие скифа Тейтара учителем Геракла в стрельбе из лука²⁹.

Широкое использование в Греции скифов в качестве полицейских стрельцов было причиной того, что греки с VI в. до н. э. хорошо знали скифский лук и часто воспроизводили его в руках героев, изображенных на афинской расписной керамике³⁰. Натягивание тетивы на сложный лук требовало ловкости и большой физической силы. Таким образом это делалось, показано на изображениях скифа, натягивающего лук на кузубовской вазе (табл. 4, 6). Точно таким же способом натягивает тетиву на основу лука Геракл, изображенный на олимпийских монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ³¹.

Скифские стрелы известны нам главным образом по наконечникам, найденным в большом количестве в скифских курганах и на городищах. Среди потребностей скифов-воинов, отличительным признаком которых является положение вместе с потребными предметами вооружения, почти нет таких, в которых не найдено наконечников стрел. Они встречаются в бедных погребениях, где нет другого оружия, а также в богатых могилах, где покойника сопровождают полный набор вооружения. В отдельных случаях находки стрел отмечены и в женских могилах, но в Скифии погребений вооруженных женщин гораздо меньше, чем на савроматской территории³². Количество стрел в погребениях различно: от нескольких экземпляров в бедных могилах до нескольких сотен в богатых (табл. I—IV). Самый большой комплекс наконечников стрел происходит из кургана 8 у ст. Елизаветинской на южном Дону (раскопки В. П. Шилова, 1959 г.)³³. Вместе с погребенным там было положено 16 колчанов, в которых находилось 1057 стрел. Сравнительно колчаные наборы ранне скифского времени с более поздним, можно заметить, что к IV в. количество стрел, положенных в рядовых могилах, заметно увеличивается (сравня табл. I, IV).

Древки скифских стрел сохраняются плохо и представлены в основном небольшими обломками тех частей, которые входят во втулку наконечника. Анализ подтвердился далеко не все остатки древков, но проведенные ис-

²⁶ Геродот. VII, 61, 1888, стр. 160.

²⁷ Ксенофонт. Анабасис, III, 3, 15, 14, 17.

²⁸ P. Fagotat Ch. Ch. Ch. 1898, стр. 485, 488, 498.

²⁹ Геродот Гераклевский. Речь о Геракле. ВДН. 1947. № 2, стр. 283.

³⁰ В. Д. Блаватский. 1853, стр. 177, 190, 199.

³¹ П. О. Карышковский. 1960, стр. 184, рис. 3, 1.

³² О. Д. Ганина. 1958, стр. 183.

³³ В. П. Шилова, 1961, стр. 150. Подробнее о стрелах сказано в отчете В. П. Шилова (В. П. Шилова, 1959, № 1975).

¹⁵ Б. Н. Граков, 1962, стр. 89.

¹⁶ Э. Ленц, 1905, стр. 85.

¹⁷ А. А. Забавого, 1932, стр. 87.

¹⁸ А. А. Бобринский, 1901, стр. 109.

¹⁹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 32.

²⁰ П. О. Ростовцев, 1948, стр. 224.

²¹ Наиболее выразительные остатки луков в виде костяных пластин и дерева отмечены в кургане 2 у ст. Волковы быт. Романского уезда. Б. И. и В. Н. Ханенки, 1899, табл. II, 7, в курганах 503 и 507 в с. Брадырки (раскопки Н. Е. Брандербурга); В. А. Ильинская, 1957, рис. 1, 7; в курганах 13 у ст. Кириковки (раскопки Е. Н. Мельника); в кургане 3 погребения 1 могильника у ст. Кут на южном Днепре; Д. Т. Барзеновца, 1960, стр. 59.

²² А. В. Машулин, 1943, стр. 86.

²³ Особо ярко описан лук Пандара. Илиада. IV, 105.

²⁴ К. Насон. IV, 122. ВДН. 1947, № 3, стр. 203.

²⁵ Овидий Насон. Письма к Понтия. I, 2. ВДН. 1949, № 1, стр. 235.

следования показывают, что в Северном Причерноморье, так же как в савроматском мире, для изготовления древков стрел употреблялись береза, ясень и тростник. Так, древки из ясеня были у стрел, найденных в курганах Подолья³⁴. А. А. Вобрицкий пишет об остатках тростниковых и березовых древков в курганах возле Смолы³⁵. К. Ф. Смирнов указал на применение составных древков у савроматов, когда сплошной деревянный стержень вставлялся во втулку наконечника, а нижний его конец — в полость тростникового древка³⁶. Возможно, такой же способ применялся и скифам, однако точных указаний на это нет.

Древки скифских стрел имели на конце специальную зарубку или выемку для того, чтобы концы стрел не сосливались с татами лука при его натяжении. Древки стрел с зарубками на концах сохранились в кургане Витова могилы на Харьковщине³⁷. Кроме того, редкостный конец древка хорошо передан на некоторых пантикапейских мозаиках, на которых воспроизведен скифский лук со стрелой (табл. 3, 8, 6, 8—12). Для правильного полета стрел на их древках делалось оперение, о котором можно судить только по изображениям (табл. 4, 7). Остатки оперения в археологических источниках не засвидетельствованы. Вероятно для украшения стрел применялось окрашивание древков главным образом в красный цвет или в черный с красными полосками близ наконечника. Остатки окрашенных таким образом древков стрел были встречены неоднократно³⁸.

Большинство скифских наконечников стрел сделано из бронзы, при помощи литья, но известны также железные, костяные и даже деревянные наконечники³⁹. Характерные признаки, общие для наконечников скифских стрел, сделанных из разных материалов, являются небольшие их размеры от двух до 6 см (наиболее обычные 2,5—4,5 см), а также все они, за небольшим исключением, втулчатые. Бронзовых черешковых стрел из курганов Северного Причерноморья совсем неизвестно. Железные черешковые стрелы представлены небольшим количеством только на среднем Дону. Несколько чаще черешковые стрелы встречаются в курганах скифского времени Поволжья и Приуралья. Среди черешковых стрел этого района известны как бронзовые, так и железные⁴⁰.

Формы наконечников стрел очень разнообразны, причем руководящими типами являются бронзовые наконечники, а железные и деревянные им подражают. Костяные в некоторых случаях подражают бронзовым, но чаще имеют свои формы, иногда напоминающие на формы бронзовых наконечников.

Как уже было сказано выше, краткая типолого-хронологическая классификация наконечников скифских стрел была сделана П. Д. Рау⁴¹.

П. Д. Рау делит комплексы скифских наконечников стрел на три большие хронологические группы: 1) архаического; 2) классического и 3) эллинистического времени. Каждая из этих групп в свою очередь делится на более мелкие хронологические подгруппы: раннюю, среднюю и позднюю. Основанием для датировки комплексов стрел послужила хронологическая классификация скифских памятников, сделанная М. И. Ростовцевым и основанная на датировках греческой керамики. Но в ряде случаев

П. Д. Рау считал возможным давать даты на основании типологического членения стрел, не допуская возможности существования большого разнообразия типов в одно и то же время. В связи с этим иногда на вполне аналогичные друг другу комплексы стрел из курганов, оставшей инвентарь которых сходен, попадали в разные хронологические подгруппы. Так, например, комплекс стрел из Келермесского кургана датируется первой половиной VI в. до н. э., а комплекс стрел из Мельгузовского кургана, остальные вещи которого вполне тождественны келермесским, относится к началу V в. до н. э. лишь на том основании, что в этом комплексе имеются стрелы таких типов, которые лет в келермесских. Вызывает сомнения датировка и некоторых других наборов стрел архаического времени.

Работы, посвященные уточнению датировки памятников, появившиеся после выхода в свет книги П. Д. Рау, а также новые материалы позволяют уточнить время существования отдельных типов и комплексов наконечников стрел и, таким образом, дополнить существующую классификацию. Огромное количество находок и большое разнообразие форм, а также различных деталей в оформлении наконечников стрел делают почти невозможной подробную типологическую классификацию этого вида скифского оружия. Типология, проводимая в настоящей работе, основана на выделении главных или доминирующих существенных признаков, которые определяют особенности формы, но не могут отразить всех черт, присущих тому или иному наконечнику стрелы.

По поперечному разрезу наконечников стрел подразделяются на четыре отдела: 1) двуплостные; 2) трехплостные; 3) трехгранные и 4) четырехгранные. Каждый отдел разделен на типы и варианты. При выделении типов принимается во внимание форма головки, соотношение длины наконечника и его штирты, а также наличие втулки или паружной втулки и ее размеры. При выделении вариантов следовало придерживаться по уподоблению.

Примерно на таких же принципах основана типологическая классификация савроматских стрел, предложенная К. Ф. Смирновым⁴².

Сделанная мною типология скифских наконечников стрел отражена в таблице V. В тексте я ей не уделяю специального внимания и описываю стрелы по хронологическим группам, поскольку это дает возможность лучше отразить смену комплексов с течением времени. Таким образом, при характеристике стрел я следую за П. Д. Рау, а не за К. Ф. Смирновым, описавшим савроматские стрелы по типам и вариантам.

Уже упомянутые выше текстовые таблицы (I—IV), в которых даны подсчеты стрел по типам и вариантам в каждом из известных мне комплексов, убедительно показывают, какие типы преобладали в разное время. Описания иллюстрированы наиболее характерными комплексами стрел, представленными на таблицах 6—9⁴³.

Дробная хронология стрел, к сожалению, пока невозможна. Сопоставление хорошо датированных памятников позволяет говорить о том, что одинаковые или очень близкие друг к другу комплексы являлись в течение около ста лет. В настоящее время мы можем разделить скифские стрелы на четыре хронологические группы: 1) вторая половина или конец VII — первая половина VI в. до н. э.;

³⁴ Т. Сулимирски, 1936, стр. 110.

³⁵ А. А. Вобрицкий, 1894, стр. 105.

³⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 32.

³⁷ А. А. Захаров, 1932, стр. 87.

³⁸ Б. Н. Граков, 1962, стр. 86.

³⁹ Б. Н. Граков, 1930, стр. 77.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 37 сл.

⁴¹ Р. Рау, 1929.

⁴² К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 37 и сл.

⁴³ Количество наконечников стрел, сохранившихся в музейных коллекциях, часто бывает меньше количества наконечников, найденных при раскопках. В таблицах I—IV указано количество стрел, известных по музейным собраниям.

КОМПЛЕКСЫ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ПЕРВОЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (VII—VI вв. до н. э.)

Таблица 1

№ п/п	Название памятников, место хранения	Количество стрел: бронза, железо, кости	Отделы						Отделы				Отделы		Табл. по
			I						II				III		
			Типы						Типы				Типы		
			1	2	3	4	5	6	1	2	3	7	1	2	
			Варианты						Варианты				Варианты		
			1-8	1-4	1-3	1-2	1	1-3	1-4	1-3, 6	1-3	1-3	1-3		
1	Курган Цукур-дымана, Эрм.	9			1*	7 ₁			1 ₁						8, Г
2	Курган 524, Жаботино, Эрм.	30	27 ₂ +3 ₄												
3	Курган 1 у ст. Келермес (раскопки Шульда, Эрм.)	81		3 ₁ +20 ₂				20 ₁ +30 ₁ + +1 ₂	1 ₁	2 ₁ +2 ₁ +1 ₂			1 ₂		—
4	Курган 1 п 2 у ст. Келермес (раскопки Н. И. Веселовского, Эрм.)	68	10 ₂	23 ₁ +1 ₂				16 ₁		14 ₁ +1 ₂			1 ₁	1 ₂	—
5	Курган 487 у о. Аксютинцы (раскопки Н. Е. Бранденбурга, Эрм.)	5		1 ₁ +1 ₂				1 ₁ +1 ₂					1 ₁		—
6	Курган 489, там же, тех же раскопок, Эрм.)	11	1 ₂					1 ₁ +5 ₂	2 ₁ +1 ₂				1 ₁		8, Л
7	Курган 408 в урочище Горячево (раскопки А. А. Бобринского, Эрм.)	52 бр. 70 ж. 7 к.	24 ₁						14 ₁					14 ₂	8, А
8	Курган 1. Осяяти, ГИМ (раскопки В. А. Городцова)	10	3 ₂	2 ₂					4 ₁				1 ₂	8, Б	
9	Курган 5 у с. Рыжаниновка (раскопки Д. Я. Самохвасова, ГИМ)	7 бр. 1 ж.		5 ₁ +2 ₂											8, Д
10	Курган 4. Скоробор (раскопки В. А. Городцова, ГИМ)	8	3 ₁	2 ₁			1 ₂		2 ₂						8, Е
11	Мельгуновский курган, Эрм.	40		0 ₂					18 ₁ +6 ₂	3 ₂ +1 ₂	1 ₂ +1 ₁				8, В
12	Курган 15 у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самохвасова, ГИМ)	17						6 ₁ +7 ₂					3 ₂ +1 ₁		8, Ж
13	Старшая могила (раскопки Д. Я. Самохвасова, ГИМ)	138 бр. 31 ж. 8 п.	10 ₁ +2 ₂ + +12 ₂		10 ₁ +10 ₂	8 ₂	7 ₁ +3 ₂	33 ₂	12 ₁ +3 ₂	2 ₂ +3 ₁	7 ₁	12 ₁ +3 ₂	1 ₁		8, О
14	Курган 12 у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самохвасова, ГИМ)	5				1 ₁		2 ₁ +2 ₂							—
15	Курган 17, там же, тех же раскопок, ГИМ	14 бр. 1 ж.			8 ₁ +3 ₂			1 ₁	1 ₂				1 ₂		—
16	Курган у с. Лешковцы (раскопки А. И. Мелюковой, Черновицкий музей)	28	5 ₂	7 ₂				1 ₁ +2 ₂	4 ₁ +3 ₂	3 ₁ +1 ₂			2 ₁		8, У
17	Курган 77 у с. Куриловка, ГКИМ	5	1 ₂	3 ₂	1 ₂										—
18	Курган Глазго, ГИМ	65	6 ₂ +2 ₂	19 ₁ +20 ₂				10 ₂			1 ₁ +1 ₂	5 ₂	1 ₂		8, З
19	Курган у о. Журовка (раскопки А. А. Бобринского, ГКИМ)	45 бр. 87 ж.		6 ₁ +15 ₂				24 ₂							—
20	Курган 421 у с. Ромашки (раскопки А. А. Бобринского, ГКИМ)	5						5 ₁							—
21	Курган 35 у с. Бобринцы (раскопки Звонко-Боровского, ГКИМ)	7		7 ₁											—
22	Курган 474 у с. Осиповка, Эрм.	9 бр. 1 к. 2 ж.	1 ₂	2 ₂				4 ₁	2 ₂						8, К
23	Курган 71 у с. Куриловка, ГКИМ	5		2 ₂				3 ₂							—
24	Курган 9 у с. Лихачевка (раскопки А. А. Зарацкого, ГИМ)	33		5 ₁ +2 ₁ +3 ₂				10 ₁ +1 ₁		5 ₁ +3 ₂			4 ₁		—
25	Курган 82 у с. Бересталги, ГКИМ	13	1 ₂	1 ₁ +1 ₂				7 ₂					2 ₁ +1 ₂		—
26	Курган 42 у с. Бересталги, ГКИМ	5			5 ₁										—
27	Курган 27 у ст. Беселевская (раскопки Н. И. Веселовского, ГИМ)	18	1 ₂	1 ₂				1 ₁					15 ₂		—

* Здесь и в таблицах II—IV буквами означают варианты. ** Условные сокращения: бр. — бронза; ж. — железо; к. — кости.

2) вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.; 3) вторая половина V — начало IV в. до н. э.; и 4) середина IV — первая половина III в. до н. э. Первые три группы достаточно резко отличаются друг от друга, четвертая группа близка к третьей.

К. Ф. Смирнов внимательно проследил распространение наконечников стрел, общих для сарматов и скифов.

за пределами сарматского мира. Им учтен большой материал, известный к востоку, северо-востоку и юго-востоку от сарматской территории. Эти данные не нуждаются в дополнении. Почти ничего нового нельзя добавить и к сказанному К. Ф. Смирновым относительно происхождения тех или иных типов стрел. Не останавливаясь на находках скифских стрел, отмеченных

К. Ф. Смирновым, я обращаю внимание на находки, сделанные в средней и южной Европе, не учтенные в этом исследователем.

Первая хронологическая группа наконечников стрел.

В большинстве комплексов из курганов Северного Причерноморья этого периода преобладают двулопастные наконечники стрел, известные на этой территории еще в предскифский период. Однако в отличие от VIII—VII вв. до н. э. в комплексах VII—VI вв. до н. э. чаще встречаются двулопастные наконечники с овальной или лавровидной головкой (отдел I, тип 2, табл. V), чем наконечники стрел с ромбовидной головкой (отдел I, тип 1, табл. V).

Стрелы с овальной или лавровидной головкой лучше всего представлены в комплексах лесостепной Скифии и в Келермесских курганах на Кубани (табл. 6). Они делятся на четыре варианта в зависимости от величины головки, наличия или отсутствия шипа на втулке. Преобладают среди них наконечники стрел второго варианта, имеющие головку, по длине равную втулке или несколько превышающую ее, и шип на втулке. Лопастия головки бывают гладкими или с более или менее хорошо выраженными углублениями — ложками. Ребро, имеющееся на головке и являющееся как бы продолжением втулки, в сечении бывает круглым или ромбическим. Несколько реже, но все же довольно часто, в комплексах этого времени встречаются стрелы первого варианта, отличающиеся от описанных отсутствием шипа на втулке. Редкими находками можно считать стрелы третьего и четвертого вариантов (табл. I, V и табл. 6).

2-м типом, характерным для VII—VI вв. до н. э., являются наконечники стрел с головкой острогой формы, наибольшая ширина которой находится у основания (тип 3, табл. V). Втулка этих стрел бывает разной длины, обычно с шипом, реже без шипа. В зависимости от соотношения длины головки с длиной втулки и наличия или отсутствия шипа, стрелы этого типа делятся на четыре варианта. Чаще других встречаются наконечники первых двух вариантов.

Большинство наконечников стрел двух описанных типов сделано из бронзы, но известны и железные наконечники (табл. 6, 0, 14). В колчаных наборах их обычно бывает немного, и лишь в кургане 8 у хутора Поповка на Полтавщине⁴⁴ были найдены только железные стрелы, составлявшие целый колчаный набор (47 шт.). В двух случаях количество железных стрел превышало количество бронзовых: 22 железных на 18 бронзовых в кургане 4 у хутора Поповки⁴⁵ и около 70 железных на 52 бронзовых в кургане 406 в урочище Горячево у с. Журовка⁴⁶. В кургане 432 у с. Журова количество железных стрел было всего на шесть штук меньше, чем бронзовых (73 бронзовых и 67 железных)⁴⁷. По форме железные наконечники подражают бронзовым с головкой овальной очертаний и выступающей втулкой. Однако они никогда не имеют шипа. Кроме того, часто на головке нет ребра, как бы продолжающего втулку, обычного для бронзовых наконечников. Тогда головка в разрезе имеет очертания узкого овала. На савроматской территории железные наконечники стрел представляли еще большую редкость, чем в Скифии. К. Ф. Смирнов отмечает только одну находку такой стрелы в комплексе второй половины VI в. до н. э.⁴⁸

Двулопастные наконечники стрел с ромбовидной головкой (тип 1, табл. V) составляли целый комплекс только в кургане 524 у с. Жабитино на п. Тясмин, который относится к числу наиболее ранних памятников скифского времени (табл. 1 и табл. 6, 7)⁴⁹. Из 52 бронзовых наконечников, найденных в кургане 406 в урочище Голтеево, к этому типу принадлежат 24 экземпляра (табл. I; 6, 4, 2).

В остальных комплексах VII—VI вв. до н. э. они представлены одним — тремя экземплярами, а в некоторых наборах такие стрелы отсутствуют. Их нет, например, в Мельгуновском кургане, а также в некоторых других памятниках, относящихся к первой половине VI в. до н. э. (табл. 1; 6). В этой связи интересно заметить, что все шесть наконечников, найденных на поселении Кирил-Коба в Крыму, принадлежат только к данному типу⁵⁰.

Наконечники стрел с ромбовидной головкой можно разделить на пять вариантов (табл. V), но все они являются производными от наконечников стрел с ромбовидной головкой и недлинной втулкой, известных в Северном Причерноморье и за его пределами в памятниках VII—VIII вв. до н. э. По количеству находок преобладают те из них, которые имеют довольно массивную головку, правильной симметрично-ромбовидной формы и недлинную втулку с шипом или без него, переходящую в ребро на головку (табл. V, варианты один — четыре). Только в одном кургане, у с. Глинница Полтавской обл. найдено два наконечника стрел с асимметрично-ромбовидной головкой и внутренней втулкой (вариант 5, табл. V)⁵¹. Все наконечники стрел первого типа бронзовые, железных неизвестно.

Двулопастные наконечники стрел, выделенные нами в 4-й, 5-й и 6-й типы, еще менее обычны в комплексах VII—VI вв. до н. э., чем ромбовидные. Они известны лишь в немногих комплексах, где, как правило, представлены лишь небольшим количеством экземпляров (табл. I, V; 8).

4-й тип двулопастных стрел характеризуется овальной или овально-ромбической головкой, короткой втулкой и шипом, образованным продолжением одной из лопастей, заостренной на конце. К. Ф. Смирнов считает этот тип производным от первых двух. В Северном Причерноморье, так же как и на савроматской территории, такие наконечники очень редки. Только в погребении на Цукурском лимане из девяти бронзовых наконечников стрел семь принадлежит к этому типу⁵² (табл. I). В Старшей могиле и в кургане 38 у Гуляй-города они имеются лишь в нескольких экземплярах⁵³ (табл. 6, 0, 9, 10). К. Ф. Смирнов, по-видимому, правильно считает, что родной наконечников стрел этого типа являются восточные степи Евразии, так как там они появились еще в позднелексарское время и были распространены гораздо шире, чем в других районах.

Наконечники стрел пятого типа известны всего в трех комплексах Северного Причерноморья (табл. I, V; 6, 0, 8). Как мне представляется, они являются производными от наконечников стрел третьего типа. От последних они отличаются резким переходом от верхней части головки к втулке. Шипа на втулке нет. По форме нижнего края головки стрелы делятся на два варианта (табл. V).

⁴⁴ А. А. Бобринский, 1894, стр. 170, табл. XXV, 2, 5, 10.

⁴⁵ А. А. Бобринский, 1894, стр. 181.

⁴⁶ А. А. Бобринский, 1905, стр. 31.

⁴⁷ А. А. Бобринский, 1905а, стр. 88.

⁴⁸ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 39.

⁴⁹ О. М. Лесков, 1959, стр. 277, рис. 5.

⁵⁰ Б. С. Рабинович, 1936, стр. 2, е.

⁵¹ Е. О. Прозумская, 1917, стр. 56—57, рис. 17; Р. Риц, 1929, табл. II, 1, А—С.

⁵² В. А. Іваницька, 1951, стр. 201, табл. II, 18—20.

[illegible]

архатского некрополя Ольви⁶¹, из курганов 491 у с. Макеевки и 425 у с. Кулешовки на Полтавщине⁶² по греческой керамике хорошо датируются второй половиной VI — началом V вв. до н. э. К концу VI — началу V вв. до н. э. относится ряд курганов, давших наборы стрел, у сел Журовка и Грушевка Чигиринского района Киевской обл.⁶³, Золотой курган близ Симферополя⁶⁴, курганы у сел Лихачевки и Деревки на Харьковщине⁶⁵, Курган Бабы на южном Днепре⁶⁶, курган 1 близ Херсона⁶⁷ и II Марицкинского могильника близ Ольви⁶⁸. По сходству с датированными комплексами в эту же группу включены наборы стрел из курганов, не имеющих датирующих вещей (табл. II).

Судя по стрелам, происходящим из ольвийских погребений, смена форм, господствовавших в колчаных наборах первой группы, произошла где-то во второй половине VI в. до н. э. Однако наиболее обычными комплексами стрел второй группы становятся с начала V в. до н. э.

Двулопастные наконечники стрел, преобладающие в колчанях первой группы, здесь встречаются редко (табл. II; 7) и почти всегда в небольшом количестве. При этом только в одном наборе, из кургана 401 у с. Журовка, относящемся к началу V в. до н. э., представлены двулопастные наконечники стрел с ромбовидной головкой (табл. 7, Г, 11).

Лишь в нескольких комплексах имеются отдельные находки двулопастных наконечников стрел 2-го — 4-го — 5-го типов (табл. II; табл. 7). Чаще встречается двулопастные наконечники стрел 6-го типа, для которых характерна сводчатая головка с внутренней втулкой (табл. V). В этом типе появилось еще три новых варианта (первый, третий, пятый), отличающиеся друг от друга по форме концов лопастей (табл. V; 7). Наконечники стрел пятого варианта в отличие от остальных, объединенных в 6-й тип, имеют острый шип на конце одной из лопастей (табл. V).

Довольно много стрел шестого типа третьего и четвертого вариантов встречается только в одном комплексе, из кургана у с. Жованкино (табл. II). В остальных восьми комплексах, в которых они известны, встречается по одному экземпляру, и только в Золотом кургане у Симферополя их пять (табл. II).

Большинство наконечников стрел, найденных в курганах второй половины VI — первой половины V вв. до н. э., принадлежит к отделу трехлопастных. При этом наконечники стрел первых двух типов — заостренные и остролистные, почти обязательны для комплексов предшествующего периода, здесь встречаются гораздо реже и всегда в небольшом количестве (табл. II; 7).

Во 2-м типе появились три новых варианта остролистных наконечников стрел, пятый — седьмой, отличающиеся от остальных меньшей шириной и большей длиной головки (табл. V). Почти обязательны такие стрелы в Ольвийском некрополе, в могилах второй половины и конца VI в. до н. э. В скифских курганах они сравнительно редки, но известны как в степных, так и в лесостепных памятниках (табл. II; 7).

Значительно шире, чем в VII — VI вв. до н. э., в VI — V вв. до н. э. распространяются наконечники стрел 3-го типа (табл. V). В большинстве случаев это довольно

массивные наконечники стрел со сводчатой головкой и более или менее длинной втулкой первого-второго вариантов (табл. 7). Наряду с ними употребляются наконечники стрел с треугольной в плане головкой, косо срезающими концами лопастей, довольно широкие в основании головки (варианты шестой — восьмой, табл. V; 7), но имеющие по сравнению с описанными более легкие пропорции.

Всего несколькими экземплярами представлены наконечники стрел четвертого типа, отличающиеся от наконечников стрел 3-го типа большей длиной головки и меньшей шириной ее в основании. Такие наконечники стрел входят в широкое употребление лишь с середины или второй половины V в. до н. э. Стрелы этого типа, найденные в комплексах рассматриваемой группы, принадлежат к первому, третьему и пятому вариантам (табл. V). Все они происходят из хорошо датированных памятников и следовательно могут свидетельствовать о появлении в Северном Причерноморье еще в конце VI в. до н. э. наконечников стрел вытянутых пропорций, относящихся к трем перечисленным вариантам.

Почти во всех комплексах второй хронологической группы господствуют трехлопастные наконечники стрел 5-го типа, отсутствующие в колчаных наборах предшествующего периода. П. Д. Рау назвал их «базисными», потому что они имеют концы лопастей, срезаемые врезом с основанием скрытой втулки. Головка их в плане имеет форму треугольника с широким основанием, или слегка дуговидные лопасти. На лопастях, как правило, имеются более или менее выраженные углубления, как бы подчеркивающие внутреннюю втулку. По пропорциям, соотношению ширины основания к длине и форме углублений на краях стрелы этого типа можно разделить на девять основных вариантов. Варианты десятый и одиннадцатый выделены в связи с тем, что концы краев их срезаются под тупым углом во втулке (табл. V). В комплексах рассматриваемой хронологической группы заметно преобладают массивные наконечники стрел, имеющие соотношение ширины к длине как 1 : 1,5 и 1 : 2,5, относящиеся к первому — седьмому вариантам (табл. II). Значительно реже встречаются стрелы восьмого и девятого вариантов, имеющие соотношения длины к ширине как 1 : 3 и 1 : 3,5. Они становятся более обычными в следующие периоды. Наконечники стрел десятого варианта известны только в Ольвийском некрополе (табл. II). В скифских курганах их нет. Наконечники стрел вытянутых пропорций одиннадцатого варианта в курганах VI — V вв. до н. э. отсутствуют, они появляются позднее.

Наконечники стрел 6-го типа, также впервые появившиеся в комплексах второй группы, отличаются от описанных тем, что имеют сходящиеся вниз концы лопастей, всех трех или только одной (табл. V; 7). Концы заострены и образуют шипы. В плане головки этих стрел треугольные или слегка сводчатые. По пропорциям они несколько легче, чем стрелы 5-го типа. Соотношение ширины к длине наконечника чаще всего выражается как 1 : 3. На лопастях обычные углубления большей или меньшей длины и ширины. Стрелы этого типа встречаются относительно редко в рассматриваемых комплексах, но представлены разными вариантами — первым, третьим, четвертым и пятым (табл. II). Остальные варианты появляются позднее.

В комплексах второй половины VI — первой половины V вв. до н. э. чаще, чем в колчанях первой группы, находят опорнотупые наконечники стрел (тип 7-й). Иногда они бывают массивными, имеющими широкое основание и сравнительно большую длину головки (вариант первый, табл. V; 7), но преобладают некрупные наконечники стрел длиной 2 — 2,3 см, более легких пропорций.

⁶¹ В. М. Скуднова, 1960, стр. 67—70.

⁶² Н. Е. Врандольбург, 1908, стр. 133, 143; М. И. Ростовцев, 1925, стр. 399 и 476.

⁶³ А. А. Бобринский, 1903, стр. 9; 1905, стр. 34.

⁶⁴ ОАК за 1890 г., стр. 4; М. И. Ростовцев, 1925, стр. 399—400.

⁶⁵ А. А. Завхаров, 1932, стр. 80.

⁶⁶ ОАК за 1897 г., стр. 134; И. В. Яценко, 1959, стр. 82.

⁶⁷ ОАК за 1896 г., стр. 82; М. И. Ростовцев, 1925, стр. 414.

⁶⁸ М. Ebert, 1913, стр. 10, рис. 144—я.

Концы лопастей этих стрел срезаны под острым или прямым углом ко втулке (варианты второй, пятый, табл. V: 7).

Большей длиной и меньшей шириной головки отличаются наконечники стрел седьмого варианта (длина их 4 см, а ширина основания 1 см, табл. V). Лопаста слегка дугообразны, с углублениями, подчеркивающими внутреннюю втулку. Наконечники стрел этого варианта не получили широкого распространения. Один такой наконечник встречен в кургане 482 у с. Басовка (раскопки Н. Е. Градобурга) (табл. 7, В).

По-видимому, с базисными стрелами 5-го типа связаны по происхождению так называемые багнетобразные наконечники стрел, встречающиеся в комплексах предшествующего периода (тип 9-й, табл. V). Они имеют скрытую втулку. Лопаста в верхней части преломляется под тупым углом и резко сходится к острому. Концы лопастей, у большинства вариантов выступающие за основание втулки, обрезаны под прямым углом к ней (варианты один — три, шесть — девять, табл. V). Наряду с ними встречаются багнетобразные стрелы, концы лопастей которых образованы под тупым углом ко втулке (варианты четыре — пять, табл. V) или такие, у которых конец одной из лопастей образует шип (вариант десятый, табл. V: 7). В комплексах второй группы представлены главным образом массивные наконечники стрел этого типа, с широким основанием. Больше всего таких стрел в курганах у сел Лихачевка и Деревки на Харьковщине (табл. 7, К), есть они в Ольвии и лишь в редких случаях встречаются в памятниках других областей (табл. II).

Близки к описанным по форме головки наконечники стрел десятого типа, имеющие выступающую втулку (табл. V). В небольшом количестве они известны в нескольких комплексах VI — V вв. до н. э. и только в кургане 16 Мариупольского могильника и у с. Жовниги эти наконечники стрел представлены значительным числом экземпляров (табл. II, 7).

Стрелы десятого типа делятся на двенадцать вариантов (табл. V). В комплексах VI — V вв. до н. э. имеются наконечники первого, второго, третьего, четвертого, шестого и десятого вариантов (табл. II). Преобладают среди них наконечники стрел, имеющие довольно широкое основание головки при сравнительно небольшой ее высоте (варианты первый — третий, табл. II; 7).

В нескольких комплексах найдены наконечники стрел 11-го типа. Они имеют багнетовидную головку, концы лопастей которой обрезаны под тупым углом ко втулке. Втулка короткая, с шипом. Один из них массивные, большие (вариант первый, табл. V), другие меньших размеров, более стройные пропорции (варианты второй и третий, табл. V). Стрелы этого типа лучше всего представлены находками в курганах Харьковщины (Витова могила и Олишлянка, табл. 7, К, 3), известны они в кургане 3 Бобовича в Крыму и в погребениях конца VI в. до н. э. в Ольвийском некрополе (табл. II).

Трехгранные наконечники стрел, так же как трехлопастные, в комплексах второй половины VI — первой половины V в. до н. э. более разнообразны по формам, чем те, которые находятся в памятниках предшествующего периода. Однако они никогда не бывают господствующими в колчанях наборов этого времени.

Среди них преобладают типы 1-й и 2-й, известные ранее. Наиболее обычными из наконечников стрел 1-го типа являются листовидные в плане, без шипа на втулке (вариант третий, табл. V: 7, А, 8). В двух могилах Ольвийского некрополя встречены наконечники стрел четвертого варианта 1-го типа, не представленные в более ранних комплексах. Они отличаются наличием очень узкой листо-

видной головки (табл. 7, Р, 8). Среди наконечников стрел 2-го типа, кроме первого — четвертого вариантов, встречаются известными наконечники стрел пятого — десятого вариантов, отличающиеся от остальных более легкими пропорциями. Один из них имеет углубления на гранях, оковывающие верхний край втулки, другие — гладкие грани (табл. V).

Первые в комплексах второй хронологической группы появились наконечники стрел 4-го, 5-го и 9-го типов (табл. V). Они встречаются редко и обычно в небольшом количестве (табл. II).

Наконечники стрел 4-го типа — треугольные в плане, с ровным основанием и внутренней втулкой, различаются по высоте головки и ширине основания. В комплексах рассматриваемого периода встречены стрелы первого, второго и четвертого вариантов (табл. V, 7), которые в деталях отличаются друг от друга.

Наконечники стрел 5-го типа характеризуются тем, что имеют концы граней, срезаемые под тупым углом к основанию, и скрытую втулку. Один из них с гладкими гранями, другие имеют углубления в нижней части граней (табл. V). Наконечники стрел первого варианта этого типа известны в курганах у с. Лихачевка на Харьковщине (табл. 7, 3, 2, К, 2), и один наконечник второго варианта найден в кургане 505 у с. Браварка (табл. II).

Еще реже встречаются трехгранные наконечники стрел 9-го типа, которые характеризуются тем, что имеют глубокие вырезы в основании граней, в результате чего концы граней представляют собой острые шипы. В рассматриваемых комплексах известны стрелы первого, второго, третьего и пятого вариантов. Довольно много их только в кургане 491 у с. Макеевка (табл. 7, Д).

Наконечники стрел со сводчатой головкой (второй вариант девятого типа) достаточно обычны в савроматских комплексах конца VI — V вв. до н. э. В Северном Причерноморье они встречаются лишь в одном кургане у с. Шученка.

В кургане 478 у с. Вудки Полтавской обл. и в могилах 15 Ольвийского некрополя (раскопки 1915 г.) найдено по одному наконечнику стрел четвертого отдела. Это небольшие четырехгранные наконечники, треугольные в плане, с ровным основанием и скрытой втулкой ромбической в разрезе (табл. 7, А, 2). Наконечники стрел этой формы никогда не имели сколько-нибудь широкого распространения в памятниках Северного Причерноморья и в близлежащих к нему районах. По всей вероятности, по своему происхождению они восходят к костяным стрелам, ромбическим в разрезе, известным в эпоху бронзы и в предскифский период в степях Евразии. Однако по сравнению с последними бронзовые стрелы значительно стройнее, имеют неширокое (0,8 см) основание при сравнительно большой (около 3 см) высоте.

Четырехгранные ромбические в разрезе наконечники стрел часто встречаются в памятниках раннего железного века Казахстана и Средней Азии⁶⁹. Известны они в савроматских памятниках, но там они, так же как в Скифии, не были в широком употреблении. Очень редкого их в Поволжье, больше — в южном Приуралье. Датируются они в савроматских памятниках V в. до н. э.⁷⁰

Помимо бронзовых наконечников стрел, в колчанях наборов Северного Причерноморья второй половины VI — первой половины V в. до н. э. в небольшом количестве встречаются наконечники стрел, сделанные из других материалов.

⁶⁹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 57; К. А. Акишев, 1959, стр. 210, табл. 1.

⁷⁰ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 58 и рис. 18, Б—Д и 39, А.

Пучок железных стрел (более десяти) известен только в одном изборе, из кургана 478 у с. В. Будки на Полтавщине. Это довольно крупные двулопастные стрелы с дисковидной головкой и сравнительно длинной втулкой той же формы, как в комплексах первой хронологической группы (табл. 7, А, 1). По одному железному наконечнику стрел найдено в курганах 491 у с. Макеево на Кивичице и 482 у с. Басовка Полтавской обл. Две железных стрелы происходят из кургана 1 на земле помещика Крыма. Все эти стрелы трехлопастные, по форме головки близки к бронзовым, но отличаются от них большей длиной втулки (табл. 7, Б, 15; Д, 11). Более массивную головку имеет латш наконечник стрелы из кургана 491 у с. Макеево (табл. 7, Д, 11). Больше железных наконечников стрел известно в памятниках бассейна Кубани.

В кургане 1 Ульского аула найден набор железных стрел, от которого до нас дошло 56 экземпляров⁷¹. Все стрелы одного типа — трехлопастные, но отличаются от описанных выше малыми размерами. Высота их около 1,5 см, длина головки 0,8 см. Такие же наконечники происходят из курганов у с. Воронежской⁷².

Иногда встречающиеся в комплексах костяные наконечники стрел круглые в сечении, пулевидной формы. Своеобразен набор стрел из кургана 1 у с. Волошиков бня. Екатеринославской губ. (раскопок А. Н. Е. Макаренко)⁷³.

Здесь наряду с обычными бронзовыми базисными стрелами находились массивные костяные трехгранные, подражающие бронзовым опорнотульчатым, обычные костяные пулевидные и четырехгранные пирамидальные, а также массивные конусообразные, овалы в сечении, деревянные явочечники и деревянные же трехгранные, подражающие бронзовым.

Сравнение описанной группы стрел с одновременными савроматскими комплексами показывает, что, несмотря на существование здесь и там многих стрел одних и тех же отделов и типов, скифские комплексы отличаются от савроматских⁷⁴. Если в скифских заметно преобладают так называемые базисные наконечники стрел (тип 5, отдела 11), то в савроматских комплексах Поволжья и Приуралья больше всего массивных трехлопастных с короткой или более длинной втулкой. Наряду с ними встречаются трехлопастные и трехгранные наконечники стрел легких пропорций.

Базисные стрелы в савроматских комплексах представлены менее разнообразными вариантами. Вместе с тем гораздо чаще, чем в Скифии, особенно в Приуралье, встречаются трехлопастные и трехгранные наконечники стрел, концы лопастей которых оформлены в виде длинных и острых шпоров. В Скифии они относительно редки.

Некоторые типы наконечников стрел, известные в скифских комплексах, отсутствуют в савроматских или представлены единичными находками. Так, у савроматов нет базисных башнеобразных стрел (тип 9), редко встречаются башневидные с выступающей втулкой (типы 10 и 11, трапециевидные по К. Ф. Смирнову). Различия в комплексах наконечников стрел показывают, что уже со второй половины VI в. до н. э. развитие скифских и савроматских стрел идет разными путями, хотя в основе тех и других лежат один и те же прототипы.

⁷¹ ОАК за 1898 г., стр. 30; ГИМ.

⁷² ГИМ.

⁷³ Н. Е. Макаренко, 1911, стр. 82, рис. 72.

⁷⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, табл. I, Б, В; II, Б, В; III, Б, В; IV, В, Г.

Третья хронологическая группа наконечников стрел.

По греческим вещам или предметам звериного стиля хорошо датируются второй половиной или концом V в. до н. э. комплексы наконечников стрел, найденные в следующих курганах: близ Цимбалки, у с. Большой Белозерки Запорожской обл.⁷⁵ (табл. III; 8, К). Раскопана могила (табл. 8, Д)⁷⁶ близ Ногайска на побережье Азовского моря (табл. 8, Г)⁷⁷, у с. Хитцы на р. Удай Лубенского района Полтавской обл.⁷⁸, из курганов 2 и 3 у с. Аксютинцы (табл. III)⁷⁹, а также из кургана 2 группы Самобратных на Кубани⁸⁰, кургана 2 на земле Бобовича⁸¹ (табл. 8, з) и кургана Кара-Меркит⁸² в Крыму, из кургана 4 у с. Берестяги на Каневщине⁸³ (табл. 8, В). Остальные комплексы, включенные нами в таблицу III, скорее всего принадлежат к началу IV в. до н. э.

Здесь безраздельно господствуют трехлопастные и четырехгранные наконечники стрел. Наконечники стрел, преобладающие в колчанах этого времени, отличаются более легкими пропорциями. Они имеют меньшую ширину основания головки и большую длину ее, так что отношение ширины к длине выражается как 1 : 3 или 1 : 4 (табл. 8). Наряду с ними в наборах продолжают встречаться более массивные трехлопастные, главным образом азисные, наконечники, обычные для VI—V вв. до н. э. Однако ни в одном из известных нам комплексов V—IV в. до н. э. эти стрелы не преобладают над остальными.

В отделе трехлопастных становится очень редкими находки стрел 1-го, 2-го и 3-го типов, достаточно обычные в колчанах предшествующего времени. В комплексах преобладают или встречаются в значительном количестве наконечники стрел 4-го, 6-го и 8-го типов, редкие в колчанах наборов VI—V вв. до н. э.

Среди стрел 4-го типа наиболее распространенными являются наконечники, имеющие острую пирамидальную форму головки с углублениями на лопастях (варианты 3—4, 8, табл. V и табл. 8). Наряду с ними встречаются наконечники стрел с узкой сводчатой головкой, несколько более массивные (варианты 1а, 2) (табл. 8).

Наконечники стрел 6-го типа представлены главным образом четвертым, шестым и седьмым вариантами. Это узкие легкие стрелы, треугольные или слегка сводчатые. Концы обеих или одной лопасти вытянуты и заострены в виде шпика (табл. V).

Не встречающиеся ранее наконечники стрел 8-го типа представляют собой следующую ступень развития опорнотульчатых стрел 7-го типа. Они отличаются от последних тем, что имеют узкую пирамидальную или слегка сводчатую головку. Концы лопастей чаще заострены, реже обрываются под прямым углом ко втулке. В комплексах рассматриваемого периода они представлены тремя первыми вариантами (табл. V; 8).

Среди базисных наконечников стрел (тип 5) встречены главным образом легкие наконечники девятого варианта, в лишь в нескольких комплексах найдены стрелы с широким основанием (табл. V; 8).

⁷⁵ И. В. Яценко, 1959, стр. 64.

⁷⁶ И. В. Яценко, 1959, стр. 68; М. И. Ростовцев, 1925, стр. 413—414.

⁷⁷ И. В. Яценко, 1956, стр. 159, рис. 3.

⁷⁸ В. А. Ильинская, 1954, стр. 68, табл. I, 1—5.

⁷⁹ А. А. Бобринский, 1894, стр. 162; Д. Я. Самарский, 1908, стр. 102.

⁸⁰ Р. Рау, 1929, табл. VI, 3; А. К. Коровина, 1957, стр. 186.

⁸¹ Эрм.

⁸² Р. Рау, 1929, табл. VII, 1 А—Д.

⁸³ ГИМ.

КОМПЛЕКСЫ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ТРЕТЬЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (V-IV вв. до н. э.)

№ п/п	Наименование памятника, место хранения	Количество стрел	Отделы																Табл. рис.	
			II								III									IV
			Типы																	
			Варианты																	
			I	II	III	I-5	I-11	I-7	I-8	I-10	I-1	I-2	I-3	I-4	I-5	I-6	I-7	I-8		
1	Курган 2 у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Савицкого, ГИМ)	98	1 ₁	9 ₄			1 ₄₃			1 ₁₁		2 ₁ +7 ₃		5 ₆	1 ₆		8, А			
2	Курган 3 там же, там же раскопки, ГИМ	100				15 ₆	55 ₄ +3 ₁	21 ₁							8 ₆		—			
3	Курган 4 у с. Осиати, ГИМ	70						44 ₁₄	8 ₁			20 ₃					8, Б			
4	Курган 5 у с. Осиати, ГИМ	29		2 ₄				7 ₄ +7 ₁		7 ₁					6 ₄		—			
5	Курган 7 у с. Осиати, ГИМ	10		1 ₄				7 ₄							2 ₄		—			
6	Курган 52 у с. Ковале, ГКИМ	63	1 ₄	3 ₄	11 ₄ +5 ₆	1 ₄ +5 ₁	5 ₁ +1 ₃	2 ₄	6 ₄		8 ₁	2 ₁		6 ₄ +8 ₁ +1 ₄		—				
7	Курган 4 у с. Берестяги, ГКИМ	41	1 ₄	21 ₁₄					15 ₃	4 ₁							8, В			
8	Курган 46 у с. Журовка, ГКИМ	24		20 ₄								1 ₄	1 ₁		1 ₁ +1 ₄		—			
9	Курган 27 у с. Куршловка, ГКИМ	13		1 ₄	1 ₄ +8 ₄ +3 ₁						2 ₄						—			
10	Курган 46 у с. Журовка, ГКИМ	16		4 ₄ +1 ₄	9 ₄ +1 ₄								1 ₄				—			
11	Курган у с. Осоты, ГКИМ	18		1 ₄			1 ₄₄		2 ₄			2 ₁	8 ₄	1 ₄	1 ₁		—			
12	Курган 1-2 у с. Макаева, ГКИМ	63		15 ₄					12 ₄	36 ₄							—			
13	Курган у Хвосты на р. Удай	43			10 ₄ +7 ₄			13 ₁	5 ₁					8 ₄			—			
14	Курган Федоровка, Крутицы, ГКИМ	23		5 ₄	2 ₄	4 ₄ +2 ₁				1 ₄	9 ₄						8, Е			
15	Курган 58 у с. Браварки, Эрм.	86		73 ₄ +7 ₄													8, М			
16	Курган К. ра-Мерик, Эрм.	216		90 ₄				22 ₄	1 ₄			48 ₁ +54 ₁					8, К			
17	Курган I, огребенки 3, Таласский, Эрм.	34	2 ₄	8 ₁ +18 ₁₄	11 ₁ +1 ₄					3 ₄							8, И			
18	Курган Т. тел, Эрм.	7		2 ₄ +3 ₄	1 ₁						1 ₄						8, Л			
19	Курган 8 там же, Таласская, ГИМ	15		2 ₄ +2 ₄				3 ₄	5 ₁	2 ₁ +1 ₄							8, Г			
20	Курган, раскопанная могила, Эрм.	9		6 ₁				1 ₄						2 ₄			8, Д			
21	Курган, 3-й возвышенности, Эрм.	65		20 ₄ +10 ₄ +3 ₄ +8 ₁ +5 ₄		3 ₁			4 ₄ +5 ₁₀	7 ₁							—			
22	Курган 2, Лобовича, Эрм.	23						10 ₁	6 ₄		4 ₁₁		1 ₁		2 ₄		8, 3			
23	Курган 1, огребенки 1, Никопольского могильника, Никопольский музей	22	3 ₄	4 ₄ +5 ₁	2 ₄ +1 ₁ +1 ₄						6 ₄						8, 0			
24	Курган 2 группы Семьбратских, Эрм.	78	2 ₄		2 ₄ +10 ₁ +14 ₁₄				4 ₄	10 ₄				31 ₁ +2 ₄	3 ₄		8, В			

Та же закономерность наблюдается и среди наконечников стрел 3-го типа — базисных, башнеобразных. В курганах второй половины V — начала IV в. до н. э. найдены не встречающиеся ранее варианты — пятый, седьмой и девятый, отличающиеся от остальных более легкими пропорциями (табл. V; 8). У наконечников стрел седьмого варианта грани немного выгнуты (табл. V).

Наконечники стрел 10-го типа — башнеобразные, с выступающей втулкой, также представлены экземплярами, имеющими пыляную вверх головку и узкое основание (варианты четвертый, пятый, шестой, седьмой, десятый и одиннадцатый, табл. V; 8). У некоторых из них (тип 10-й и 11-й) грани слегка выгнуты внутрь. Наконечники стрел 11-го типа в комплексах V—IV вв. до н. э. отсутствуют.

Равнообразные формы и в большом количестве по сравнению с предшествующей группой представлены трехгранные наконечники стрел.

В середине V в. до н. э. на употребление вышли наконечники стрел с листовидной в плане головкой 1-го типа. Среди наконечников стрел 2-го типа преобладают те, которые можно отнести к восьмому и девятому вариантам. Это

небольшие наконечники с острой треугольной головкой и выступающей втулкой. На гранях верхний край втулки обведен узкой бороздой (табл. V; 8). Концы граней одних стрел этого типа срезаны под прямым или тупым углом ко втулке, у других они заострены и образуют пики.

Только в некоторых комплексах найдены наконечники стрел 3-го, 4-го и 6-го типов. Здесь они представлены теми же вариантами, что и в комплексах предшествующей группы.

Отсутствуют наконечники стрел 5-го типа. Вместе с тем часто встречаются трехгранные наконечники стрел 7-го и 8-го типов, не представленные в более ранних комплексах.

Наконечники стрел 7-го типа небольшие, треугольные, со слегка дуговидными гранями и внутренней втулкой. В основании у них неглубокий дуговидный или тупоугольный вырез. Грани или гладкие, или в нижней части их имеется небольшое П-образное углубление, две вертикальные бороздки или попарно расположенные точки (табл. V). В рассматриваемых комплексах известны наконечники стрел второго, третьего, четвертого и пятого вариантов (табл. III, V; 8):

Наконечники стрел 8-го типа также небольшие, правильной пирамидальной формы, с вырезом в основании граней и такими же углублениями на гранях, как и у стрел 7-го типа. Наконечники стрел третьего варианта с гладкими гранями (табл. V; 8). В рассматриваемых комплексах найдены наконечники стрел всех шести вариантов (табл. 8). Чаще других встречаются наконечники стрел шестого варианта, с двумя вертикальными бороздками у основания.

Только в одном кургане, у с. Осоты, найдены один наконечник стрелы 9-го типа первого варианта (табл. III).

Кроме трехлопастных и трехгранных, в одном кургане встречены четырехгранные наконечники стрелы, совершенно такой же, как описанные выше из курганов VI—V вв. до н. э. (табл. III).

В степной Скифии и в лесостепном Приднепровье в колчанных наборах второй половины V—IV вв. до н. э. встречаются только бронзовые наконечники стрел и очень редко костяные, пулевидные.

От этих комплексов существенно отличаются одновременные им наборы стрел, найденные в курганах Подонья и Прикубанья. Здесь, кроме бронзовых наконечников, часто встречаются железные. В некоторых курганах, как например, в кургане 29/21 у с. Мастюгино (раскопки П. Д. Либерова, 1960 г.) было найдено около 100 железных наконечников стрел⁸⁴. В кургане у с. Русская Тростянка были найдены три бронзовых наконечника и 106 железных⁸⁵. Оба набора могут быть уверенно датированы временем не позднее первой половины IV в. до н. э., а может быть, и несколько более ранним временем. В курганах у ст. Елпизветовской (раскопки Н. И. Веселовского) на Кубани железные стрелы встречаются часто, но обычно в меньшем количестве, чем бронзовые⁸⁶.

Повсеместное распространение в Северном Причерноморье железные наконечники стрел получали лишь в IV—III вв. до н. э.

Железные наконечники стрел из курганов конца V—IV вв. до н. э. представлены двумя типами. 1-й тип имеет трехлопастную головку с прямыми шипастыми лопастями и длинную втулку, равную высоте головки или несколько ее превосходящую. Этот тип является преобладающим над 2-м и встречается в Прикубанье, Подонье и в Крыму (табл. 8, П, 6; С, 2).

Ко 2-му типу относятся плоские листовидные стрелы с такой же длинной втулкой, как и у стрел 1-го типа (табл. 8, П, 4, 5; Р, 3; С, 1). Такие стрелы являются особенностью колчанных наборов из курганов вороньинской группы. Они многочисленны в курганах IV—III вв. до н. э. и были найдены и в колчанных наборах конца V—начала IV в. до н. э. в курганах, исследованных П. Д. Либеровым у сел Мастюгино, Русская Тростянка и группы «Частых»⁸⁷.

Наконечники стрел третьей хронологической группы и прежде всего все типы бронзовых стрел, характерные для конца V—IV вв. до н. э., были распространены на территории собственно Скифии, в лесостепной Украине и Прикубанье. Савроматские стрелы этого времени отличаются от скифских. Господствующими в савроматских колчанах по-прежнему остаются массивные наконечники стрел, трехлопастные и трехгранные, и реже встречаются стрелы,

близкие к типичным для комплексов конца V—первой половины IV в. до н. э.⁸⁸

Четвертая хронологическая группа: наконечники стрел.

Комплексы наконечников стрел, найденные в курганах второй половины IV и IV—III вв. до н. э., мало чем отличаются от наборов стрел конца V—IV в. до н. э. Лучшее всего они представлены находками из «царских» и рядовых курганов нижнего Приднепровья и нижнего Дона. Наконечники стрел этой группы хорошо известны также и в лесостепи, в среднем Приднепровье и на Дону (табл. IV).

Наиболее ранним памятником из числа включенных в эту группу следует считать боковое погребение кургана Солоха, которое относится ко второй четверти или середине IV в. до н. э.⁸⁹ Близок к нему по времени Талаевский курган⁹⁰. Большинство памятников датируется второй половиной IV и IV—III вв. до н. э. Наиболее поздним является Александропольский курган, относящийся к первой половине III в. до н. э.⁹¹

Для наборов, содержащих несколько сот стрел, в «царских» курганах характерно присутствие значительного количества наконечников, отлитых в одной форме. В рядовых погребениях наборы чаще состоят из стрел разных типов, хотя встречаются комплексы однотипных стрел или с заметным преобладанием стрел одного-двух типов. Особенно широкое распространение здесь получили небольшие трехгранные пирамидальные наконечники со скрытой втулкой (отдел III, тип 6-й и 8-й). Концы граней этих стрел спускаются вниз, образуя шипы. Грани у основания большинства стрел украшены ямками или П-образными углублениями (табл. V; 9). Такие наконечники стрел составляли большинство в комплексах из Солохи (табл. 9, А, 2—3)⁹², Огуза и Чмыревой могилы⁹³, группы «царских», из некоторых рядовых курганов нижнего Приднепровья, Никопольского курганного поля⁹⁴, у с. Кут⁹⁵ и у Солохи⁹⁶ (табл. IV). Заметное преобладание таких стрел над остальными можно увидеть и в некоторых комплексах лесостепной полосы, например, в кургане у с. Макеевка (табл. 9, к, л, н.). По-прежнему редко встречались наконечники стрел пирамидальной формы, с ровным основанием и скрытой втулкой (тип 4) и стрелы девятого типа с острыми длинными шипами на концах граней (табл. 9). Несколько чаще встречаются и небольшие трехгранные стрелки 5-го типа, отличающиеся от описанных тем, что грани их срезаны под тупым углом к основанию, так что наибольшая ширина стрелы находится не в основании, а ближе к ее середине (табл. V). Наконечники стрел этой формы найдены в ряде комплексов второй половины IV—III вв. до н. э., однако, как правило, они не являются преобладающими над остальными (табл. IV). Наряду с трехгранными стрелами со скрытой втулкой в употреблении были трехгранные стрелы вытянутых пропорций с выступающей втулкой и шипами на концах (типы 2 и 3, табл. V).

⁸⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 28, Д, 4.

⁸⁵ Как известно, большинство предметов художественной обработки из бокового погребения Солохи относится к концу V в. до н. э. Однако амфоры, найденные в этом погребении, не позволяют датировать его временем ранее второй четверти или середины IV в. до н. э.; И. В. Брашinsky, 1964.

⁸⁶ А. П. Мандельчик, 1957, стр. 187.

⁸⁷ М. И. Ростовцев, 1918, стр. 432.

⁸⁸ Р. Рау, 1929, табл. IX, 1 А—В.

⁸⁹ Там же, 1 Д—Н, 2 А—В.

⁹⁰ Б. Н. Граков, 1962, стр. 104, рис. 3, 6, 7; стр. 112, рис. 12, 2, 3.

⁹¹ Раскопки Д. Т. Березовца; курган 21, погребения 3 и 4; курган 1, погребение 5; курган 5, погребение 4, 5; курган 9. Не изда- ны, хранятся в ИА АН УССР.

⁹² Раскопки Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой 1961—1962 гг. Не изда- ны, хранятся в музее кафедры археологии МГУ.

⁸⁴ П. Д. Либеров, 1960, № 2118.

⁸⁵ А. И. Пузикова, 1962. Автор, как мне представляется, ошибочно датирует курган IV—III вв. до н. э. По всему набору вещей он не может быть позднее первой половины IV в. до н. э.

⁸⁶ Р. Рау, 1929, табл. VIII, 1.

⁸⁷ Кроме комплексов, они известны еще в ограбленных курганах у с. Мастюгино, 22/10, 15/11; в кургане 23 и 38 группы «Частых»; см.: П. Д. Либеров, 1956, № 1275; 1959, № 1871.

КОМПЛЕКСЫ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ЧЕТВЕРТОЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (IV—III вв. до н. э.)

№	Названия памятников, место хранения	Количество	Отдел																Табл., рис.
			II								III								
			Тип																
			Вариант																
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
			1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	1-11	
1	Курган Солоха, боковое погребение, Эрм.	978														831 ₁ +8 ₄			9, А
2	Курган Чмырева могила (раскопки Н. И. Веселовского) Эрм.	116 бр. 4 н.						1 ₇		138 ₂	5 ₂				100 ₄	10 ₂			
3	Курган 6 Башмачки, Эрм.	42 бр. 8 ж. 1 н.	3 ₂	7 ₂		5 ₂										22 ₁		5 ₁	9, В
4	Курган Б. Цимбалка, Эрм.	69 бр. 15 н.			1 ₂ +15 ₁ +4 ₁₀ +2 ₁						4 ₁₂	1 ₂		13 ₂ + +17 ₄					
5	Деве курган, Эрм.	59			6 ₂ +14 ₂ +6 ₁₁					10 ₂	11 ₂	7 ₂		7 ₁		27 ₂ +7 ₂	12 ₂	12 ₂	9, Г
6	Курган Чертомлык, из гробницы VI, Эрм.	64					3 ₇			7 ₁₂ +6 ₂		7 ₂							
7	Курган Чертомлык, из гробницы II, Эрм.	77 бр. 1 н.			6 ₂		3 ₁₂	6 ₇		2 ₂ +3 ₁₂		15 ₂		37 ₂	5 ₂				9, Д
8	Краснокутский курган, Эрм.	84			1 ₂ +1 ₂					13 ₂ +59 ₁₂ +1 ₂				1 ₂		7 ₂	1 ₂		9, Е
9	Курган Козел, погребения конюшых, ГИМ	122								6 ₂		65 ₂ +41 ₂		2 ₂		4 ₁ +2 ₂	2 ₂		9, П
10	Курган Козел, колчан при седле	33								33 ₂									
11	Курган Александропольский, Эрм.	43			10 ₁₁ +1 ₁₂					30 ₂		1 ₂						1 ₂	
12	Курган Карагодузих, Эрм.	169 1 ж.			1 ₂ +1 ₁₁			1 ₂		16 ₂		31 ₂ +12 ₂ +7 ₂				100 ₂			
13	Курган 2, погребение 3, Никопольского могильника (раскопки В. Н. Гракова, 1937 г.) Никопольский музей	83						8 ₂ + +1 ₂		23 ₂ +4 ₂		8 ₂	1 ₂	31 ₂		4 ₂	3 ₂		9, 3
14	Курган 1, погребение 1, Никопольского могильника (раскопки В. Н. Гракова, 1937) Никопольский музей	14	2 ₂	4 ₂	1 ₂ +1 ₂ +3 ₂						3 ₁₀								—
15	Курган 5 того же могильника, тех же раскопок, 1937 г. Никопольский музей	5						1 ₇ + +1 ₂						1 ₂		1 ₂	1 ₂		—
16	Курган 2, погребение 17 Никопольского могильника, 1935 г. Никопольский музей	56			12 ₂						1 ₂	24 ₂ +5 ₂				8 ₁₋₂	1 ₂ + +5 ₂		—
17	Курган 7 Никопольского могильника, 1935 г., Никопольский музей	19			9 ₂ +2 ₂			1 ₂								7 ₂			—
18	Курган 21, погребение 1 Никопольского могильника, 1935 г., Никопольский музей	20			4 ₂											7 ₁ +7 ₂	2 ₂		—
19	Курган 21, погребение 2 Никопольского могильника, 1935 г., Никопольский музей	29			1 ₂ +1 ₂						1 ₁₂			6 ₁		15 ₂	5 ₂		—
20	Курган 2/25, погребение 3 у Солохи, 1961 г., МГУ	64			6 ₂ +7 ₂ +20 ₂ +2 ₂ + +1 ₁₀			2 ₂		3 ₂				7 ₂	3 ₂	6 ₂ +4 ₂	1 ₂ +1 ₂ +1 ₇		—
21	Курган 1/24, погребение 2 у Солохи, 1961 г., МГУ	81	1 ₂ + +1 ₂	2 ₂ + +1 ₂	6 ₂ +10 ₂ +7 ₂ +16 ₂	1 ₂ +3 ₂	5 ₂ + +24 ₂			1 ₂ +5 ₂ +1 ₂	3 ₁₀	4 ₂	2 ₂		2 ₂		1 ₂ +3 ₂	4 ₂	—
22	Курган 14, погребение 2 у Солохи, 1962 г., МГУ	95			1 ₂ +13 ₂											15 ₂ 10 ₂	30 ₂ +7 ₂		9, И
23	Курган 14, погребение 1 у Солохи, 1962 г., МГУ	36								9 ₂		4 ₂ +5 ₂ +5 ₂ 1 ₂ +5 ₂ +7 ₂					4 ₂		—
24	Курган 11/4, погребение 2 у Солохи, 1962 г., МГУ	105			2 ₂		1 ₂			6 ₂		5 ₂			55 ₂ + +28 ₂	4 ₂ +2 ₂ +1 ₂		1 ₂	—
25	Курган 5, погребение 5 у с. Кут, ИА АН УССР	10								1 ₂ +1 ₁₂			1 ₂	3 ₂		2 ₂ +2 ₂			9, Д
26	Курган 21, погребение 3 у с. Кут, ИА АН УССР	25														21 ₂ +4 ₂			9, Е

Таблица IV (продолжение)

Название памятников, место хранения		Количество	Отдел																Табл., рис.	
			II								III									
			Група																	
			2	3	4	5	6	7	8	10	2	3	4	5	6	7	8	9		10
			Вариант																	
1-11	3,6-9	1-5	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6	1-6			
27	Курган 21, погребение 4 у с. Кут, НА АН УССР			2 ₄												34 ₃		9, Ж		
28	Тавдаевский курган 1, Эрм.	81					2 ₄					79 ₃								
29	Курган Пастака, 1, Эрм.	110				34 ₄₀		15 ₃								76 ₆		—		
30	Курган Бобовича, 2, впускное погребение, Эрм.	31										16 ₃						—		
31	Курган Кекуватского, Эрм.	236	3 ₃	30 ₃			28 ₄			7 ₄		24 ₃				22 ₃	(80 ₄ +36 ₃ +5 ₁)	21 ₃	9, Н	
32	Курган 486 у с. Макеевка, Эрм.	88					0 ₄₃				1 ₁					62 ₄ +2 ₃	7 ₃ +6 ₃	4 ₃	9, Ю	
33	Курган 487 у с. Макеевка, Эрм.	51					5 ₃	2 ₃								3 ₁ +23 ₃		18 ₃	9, Л	
34	Курган 489 у с. Макеевка, Эрм.	21				1 ₃							18 ₃			1 ₄ +1 ₃			—	
35	Курган 488 у с. Златополь, ГКИМ	44														17 ₄	4 ₄ +23 ₄		—	
36	Курган 432 у с. Журовка (впускное погребение), ГКИМ	21						21 ₁											—	
37	Курган 383 у с. Селница, Эрм.	18		9 ₃													7 ₁		—	
38	Курган 472 у с. Осиповка, Эрм.	126 р. 18 к.											10 ₁				2 ₃		9, М	
39	Курган 377 у с. Беркозовна, Эрм.	42	1 ₃	3 ₄ +2 ₁ +21 ₃		2 ₄ +1 ₃	7 ₃ +4 ₁ +1 ₃												—	
40	Погребение 14 у с. Колопятаво	77		12 ₄		11 ₃					12 ₃					8 ₃		7 ₄ +27 ₃	—	
41	Курган 8 у ст. Елизаветовская, колчан 1	64					64 ₄₀												—	
42	" "	2					34 ₄₁ +50 ₁						2 ₄						—	
43	" "	3		42 ₃ +14 ₄ +6 ₃									4 ₄						—	
44	" "	4														87 _{1, 3}			—	
45	" "	5		15 ₄			54 ₄₂									19 ₃			—	
46	" "	6	1086 р. 2 ж.				68 ₃ +13 ₁						15 ₁			12 ₁			—	
47	" "	7															48 ₄		—	
48	" "	8		44 ₄ +3 ₁₀												52 ₁ +6 ₄			—	
49	" "	9		60 ₄												58 ₃			—	
50	" "	10		7 ₄			32 ₄₂									10 ₄			—	
51	" "	11	50 бр. 13 к. 4 ж.	21 ₄									17 ₄ +12 ₃						—	
52	" "	12					38 ₄₂										1 ₄		—	
53	" "	13	5 бр. 2 ж.	5 ₃															—	
54	" "	14	56 р. 48 ж.	4 ₃									1 ₁						—	
55	" "	15					28 ₄₂									6 ₁			—	
56	" "	16		36 ₁₁															—	
57	Курган Огуз (раскопки П. И. Веселовского, Эрм.)	39	1 ₃	2 ₁₁		13 ₃										2 ₄ +21 ₃			9, В	
58	Курган Шульговка, ГИМ	20					20 ₄												9, Р	

Рис. 1. Типологическая классификация
скандинавских бронзовых наконечников отрога
(таблица V в тексте)

Группа I. Аргентинский тип									
Группа II. Рязанский тип									
Группа III. Испанский тип									
Группа IV. Венгерский тип									

Во II отделе заметно преобладают трехлопастные наконечники стрел 4-го и 8-го типов (табл. IV, V).

Среди наконечников стрел 4-го типа, кроме тех вариантов, которые употреблялись в V—IV вв. до н. э., появились еще четыре новых варианта. Два из них, десятый и десятый «а», отличаются наличием длинной втулки при сравнительно небольшой головке (табл. V).

Стрелы этих форм редки. Они встречаются на Кубани и нижнем Дону и только два раза в нижнем Приднепровье (курган Б. Цымбалка: четыре экземпляра, курган 2/25 у Солохи). Наконечники стрел одностороннего и двустороннего вариантов, большие, массивные (длина их 3, 5 см, ширина основания 1,2 см), имеют слабо дуговидные лопасти, оканчивающиеся шпиками. Они также редко встречаются в пазовых только в некоторых «царских» курганах (табл. IV; 9). Среди стрел 8-го типа были в употреблении все варианты, известные в комплексах V—VI вв. до н. э., и стрелы трех новых вариантов (4, 4а, 5; V).

Наконечники стрел четвертого варианта — большие, массивные, со слегка дуговидными очертаниями лопастей и короткой втулкой. Лопастей их гладкие или орнаментированы рельефными полосками (табл. V; 9, H, I). Они представлены в комплексах из некоторых «царских» курганов, в Козле, Александропольском, Краснокутском, Карагодешинском и Кенуатском (табл. IV)⁹⁷. В рядовых курганах такие стрелы отсутствуют. Повсеместно встречаются близкие к ним по общим очертаниям наконечники стрел варианта четыре «а», отличающиеся от описанных меньшими размерами (табл. V, IV).

Трехлопастные наконечники стрел пятого варианта 8-го типа имеют шпик на конце одной из лопастей (табл. V; 9, H, 8). Они довольно обычны, но почти всегда представлены небольшим количеством экземпляров (табл. IV). Иредка в комплексах IV—III вв. до н. э. присутствуют трехлопастные наконечники стрел 3-го, 5-го и 7-го типов, гораздо более характерные для комплексов двух предыдущих групп (табл. IV).

В IV—III вв. до н. э. повсеместно распространяются железные наконечники стрел. В «Частых» и Мастюгинских курганах Воронежской обл. железные наконечники часто преобладают над бронзовыми, а в ряде случаев колчаные наборы состоят из одних железных стрел (табл. IV)⁹⁸. Многие из них в меотских могильниках Прикубанья⁹⁹. В других районах железные наконечники стрел, хотя и встречаются наряду с бронзовыми, но обычно количество их в колчаных наборах невелико. Они имеются в Александропольском кургане, кургане 6 в Башмачках, в трех погребениях Никольского могильника, в двух погребениях у с. Кут (табл. IV).

В меотских курганах на нижнем Дону железных стрел больше. При этом там лучше, чем где-либо в других местах, прослеживается увеличение количества железных стрел в III в. до н. э. В этом отношении показательно сравнение колчаных наборов из кургана 8 у ст. Елизаветовской второй половины IV в. до н. э. с наборами из курганов III в. до н. э. того же могильника (курган 3 группы «Пять братьев» и курган 14 Елизаветовского могильника). В кургане 8 железных стрел найдено всего 59 на 985 бронзовых¹⁰⁰, в кургане 3 группы «Пять

братьев» было 40 железных стрел¹⁰¹, в кургане 14—150¹⁰². Бронзовых наконечников стрел вместе с ними не было вовсе (табл. IV).

Возможно, что не только на нижнем Дону, но и на нижнем Днепре железные наконечники стрел начинают широко употребляться с III в. до н. э. В этой связи следует отметить, что в Никольском могильнике, например, они найдены в самых поздних погребениях¹⁰³.

Смена бронзовых стрел железными происходит в Северном Причерноморье во II в. до н. э.¹⁰⁴. Типы железных наконечников стрел те же самые, что и в V—IV вв. до н. э. Железные стрелы с плоской головкой листовидной формы встречаются по-прежнему главным образом в Мастюгинских и «Частых» курганах (табл. 9, С—Ф). Один такой же наконечник был найден на Каменском городище¹⁰⁵. Два происходят из кургана 8 у ст. Елизаветовской (раскопки В. П. Шилова, 1959 г.).

Находки подобных стрел известны за пределами скифского мира. Есть они в памятниках ахеменидской культуры¹⁰⁶, на городищах Курского Посеймья¹⁰⁷. Однако, принимая во внимание, что большинство находок этих стрел было сделано на среднем Дону, мы считаем эту территорию местом их происхождения. Отсюда они попадали в другие районы.

Употребление плоских двулопастных железных стрел во время безраздельного господства трехгранных и трехлопастных стрел, несомненно более эффективных в действии, объяснить трудно. Вряд ли можно считать, что здесь мы имеем дело с возрождением старой традиции. Против этого говорит такая форма головки и равное соотношение длины втулки и длины головки. Возможно, что это объясняется техническими соображениями. При широком употреблении железа для производства стрел в этом районе плоская головка была изобретена как требующая меньше затрат времени на производство по сравнению со временем, необходимым для производства трехлопастных стрел.

Кроме плоских железных стрел, в воронежской группе памятников часто встречались трехлопастные железные стрелы такие же, как во всех остальных районах Северного Причерноморья и Прикубанья. По форме головки они мало чем отличаются от трехлопастных бронзовых, но имеют более длинную втулку (табл. 9, С).

К IV—III вв. до н. э. относятся две железных черешковых стрелы из кургана 2 в Мастюгине (раскопки Н. Макаренко)¹⁰⁸. Черешок их имеет весьма своеобразную форму. Конец его раздваивается на два очень острых и тонких отростка, смотрящих в разные стороны. Предполагаются они, по-видимому, для того, чтобы выполнять роль шпиков, торчащих по обеим сторонам древка. Совершенно такой же железный наконечник стрелы найден А. Е. Алихой в городище Кузница гора на Сейме¹⁰⁹.

Кроме бронзовых и железных, как и в более ранних комплексах, изредка встречаются костяные наконечники стрел. Чаще всего это пулендины или пиллиндрикообразные, круглые в сечении, ничем не отличающиеся от привнесенных выше и относящихся к VII—VI или VI—V вв. до н. э. Наряду с ними известны наконечники стрел такой же формы, но более вытянутых пропорций. Иногда

⁹⁷ Р. Рау, 1929, табл. X, 38; XI, 24; XII, 14.

⁹⁸ С. Н. Замiatina, 1946, стр. 13—72; П. Д. Либорова, 1955, № 1202, 1958, № 1275; 1957, № 1460; 1960, № 2118; Н. Е. Макаренко, 1911, стр. 47—58.

⁹⁹ К. Ф. Смирнов, 1958, стр. 278—312.

¹⁰⁰ В. П. Шилова, 1959, № 1975.

¹⁰¹ В. П. Шилова, 1954, № 1215.

¹⁰² В. П. Шилова, 1960, № 2158.

¹⁰³ Б. Н. Граков, 1962, стр. 90.

¹⁰⁴ Б. Н. Граков, 1930, стр. 86.

¹⁰⁵ Б. Н. Граков, 1954, стр. 131, табл. XVIII, 15.

¹⁰⁶ А. М. Tallgren, 1919, стр. 131, рис. 99—100.

¹⁰⁷ А. Е. Алихова, 1962, стр. 104, рис. 10, 12, 13.

¹⁰⁸ Н. Е. Макаренко, 1911, стр. 54, рис. 59, 2.

¹⁰⁹ А. Е. Алихова, 1962, рис. 8, 9.

на основании их имеются треугольные вырезы, благодаря которым образовывались шпиль, очевидно, в подражание острым концам лопастей бронзовых стрел (табл. 9, В, 8; М, а) ¹¹⁰. Пирамидальные, квадратные в сечении, костяные стрелы в курганах IV—III вв. до н. э. почти не встречаются. Мне известен только один такой наконечник из кургана 7 Елизаветовского некрополя (раскопки В. П. Шилова, 1954 г.) ¹¹¹.

О комплексах наконечников стрел более позднего времени, III—II вв. до н. э., сказать что-либо определенное трудно. Количество известных в Северном Причерноморье поздних скифских погребений невелико. Определенно датируется этим временем лишь ряд курганов у с. Петуховки под Николаевом (раскопки М. Эберта) ¹¹². Несколько погребений известно на правом берегу южного Днестра ¹¹³, на Днестре, в Тираспольском районе ¹¹⁴. Лучшие всего памятники этого времени представлены в Крыму ¹¹⁵. Однако везде, где это возможно проследить, с конца III—II вв. до н. э. наблюдается резкое сокращение вооружения в могилах. В том числе исчезают колчаны с крупными наборами стрел. Стрелы в позднейших скифских погребениях всегда немногочисленны. Как уже было сказано выше, чаще встречаются железные трехлопастные наконечники и реже бронзовые.

Вместе с утверждением в Северном Причерноморье сарматских племен происходит вытеснение втульчатых, бронзовых и железных стрел черешковыми. Это особенно хорошо прослеживается на крымских материалах. Однако в погребениях мавзолея Неаполя Скифского наряду с господствующими сарматскими стрелами в небольшом количестве обнаружены железные и бронзовые наконечники, обычные в Скифии в IV—III вв. до н. э. ¹¹⁶.

Таким образом, происходит смена колчаных наборов на интересующий нас территории в течение VII—III вв. до н. э. Локальные особенности стрел по комплексам проследить не представляется возможным. Некоторым своеобразием отличаются лишь наборы стрел из Прикубанья и со среднего Дона.

Первое появление наконечников стрел как двулопастных, так и трехгранных относится еще ко времени, когда только зарождались и начинали распространяться первые элементы скифской культуры, т. е. к рубежу каменерийской и скифской эпох.

Однако только с момента господства скифской культуры, т. е. с конца VII в. до н. э. появляется довольно большое разнообразие типов и вариантов, характерное для колчаных наборов, найденных в скифских курганах.

Изменение с течением времени идет по двум направлениям: с одной стороны, происходит вытеснение неудобных при полете двулопастных стрел, с другой, с момента господства трехгранных и трехлопастных наконечников начинается их эволюция. Совершенно очевидным было стремление придать наконечнику такую форму и пропорции, которые обеспечивали бы лучший полет стрелы и большую пробивную силу. Это было достигнуто в середине V в. до н. э. Кроме того, все время стремились сделать стрелу наиболее опасной при ранении. Для этого на ранних стрелах делали специальный острый шпиль на втулке, а на трехгранных и трехлопастных шпиль заменяли остро отточенными концами граней или лопастей.

В течение всего скифского времени господствовали бронзовые наконечники стрел. Появление железных стрел относится к предскифской эпохе. Однако железо как материал для изготовления стрел не входит в широкое употребление в Скифии. Железные наконечники стрел, занимая некоторое место в комплексах VII—VI вв., очень редки в наборах VI—V вв. до н. э. В это время производство железных наконечников имело место только на Северном Кавказе, а со второй половины V в. до н. э. оно начинает развиваться на среднем Дону. В IV—III вв. до н. э. железные наконечники стрел были известны на всей территории Северного Причерноморья. Однако и в эту эпоху бронзовые наконечники оставались господствующими в большинстве колчаных наборов.

Почему железо не вытеснило бронзу в производстве наконечников стрел, как оно совершенно вытеснило ее в производстве других видов скифского вооружения? Б. Н. Граков объяснил это преимуществами техники литья из бронзы перед техникойковки наконечников стрел из железа ¹¹⁷. Литье из бронзы при сравнительно малых затратах времени и сил могло обеспечить потребность в большом количестве стрел, необходимых войнам и охотникам, для которых лук со стрелами был основным видом оружия. Находили бракованные наконечники стрел, а также обломки литейных форм обнаружены в ряде мест Северного Причерноморья ¹¹⁸. Эти находки дают возможность предполагать, что местами производства стрел были поселения и городища, а также греческие города Северного Причерноморья.

Техника производства бронзовых и железных наконечников стрел почти основана в специальной работе Б. Н. Гракова ¹¹⁹. Литейные формы из Киевской обл., опубликованные Ф. М. Штигелем ¹²⁰, только подкрепляют выводы Б. Н. Гракова.

Относительно техники производства костяных наконечников стрел можно сказать следующее: четырехгранные, в разрезе пирамидальные стрелы резаются ножом, а ватом полировались. Круглые в сечении стрелы, имеющие форму современной выпуклой дулы, точены. Отверстия для древка сделаны сверлом.

У античных авторов ¹²¹ мы читаем о том, что скифы намазывали наконечники стрел ядом, чтобы «жесточкой раной удвоить причины смерти», — как пишет Овидий Насос. О том, какой яд употреблялся для этих целей, то же автор дает разные сведения. Употребление отравляющих стрел представляется вполне вероятным и имеет аналогию в этнографическом материале.

В заключение следует еще остановиться на способе стрельбы из скифского лука.

Древние авторы и прежде всего Геродот называют скифов термином *ιλιόεβται* ¹²², поэтому скифы представляются прежде всего как коные стрелки. Об этом же свидетельствуют постоянные находки стрел в погребениях, сопровождаемых копьем или конским убором, являющимся символом коня.

¹¹⁰ Б. Н. Граков, 1930, стр. 70.

¹¹¹ На Большом городище (В. А. Городцов, 1905, стр. 158); на городище «Резервная могила» Харьковской обл. (раскопки И. А. Заренкова, по надписи, хранится в ГИМ); на Каменском городище (Б. Н. Граков, 1954, стр. 128—130); в Ольвии и на Березани (Р. Рау, 1929, табл. VIII).

¹¹² Б. Н. Граков, 1930.

¹¹³ Ф. М. Штигельман, 1947, стр. 161, рис. 1—3.

¹¹⁴ Первым упоминает об этом Аристотель в книге «О чудесных случаях», 141. ВД, 1947, № 2, стр. 327. Об этом же говорит Плиний Сомулл, кн. VI, 379. ВД, 1949, № 2, стр. 312; Овидий Насос, Печальное посланье, I. ВД, 1949, № 3, стр. 232; Схолия к Никандру «Противоядия», 27, ВД, 1947, № 3, стр. 303.

¹¹⁵ Геродот, IV, 40. ВД, 1947, № 2, стр. 268.

¹¹⁶ Р. Рау, 1929, табл. XI, 2.

¹¹⁷ В. П. Шилова, 1954 г., № 1215.

¹¹⁸ М. Эберт, 1913, стр. 37.

¹¹⁹ Б. Н. Граков, 1962, стр. 97—100.

¹²⁰ А. И. Мелюкова, 1962, стр. 147—148.

¹²¹ Т. П. Троицкая, 1954, № 1227.

¹²² Н. Н. Погребова, 1961, стр. 116—118.

Изображение пеших стрелков из лука, а также находки стрел в погребениях без всяких признаков пользования кошем, раскопанных главным образом в лесостепных районах Северного Причерноморья, указывают на употребление того же по форме и величине лука и тех же стрел пешими воинами.

У античных авторов находим мы указание на способ натягивания тетивы лука в момент стрельбы. Так, в стихах Пиндара говорится о том, что скифы натягивают лук к плечам, в этом они противоположны критянам, которые натягивали лук к груди.¹²²

Прославляя скифов как отличных стрелков из луков, древние авторы приписывали им даже способность стрелять одинаково хорошо обеими руками. Так, в Законах Платона говорится: «...Это доказывает обычай скифов, которые не натягивают лук только левой рукой, а правой только вкладывают стрелу, но одинаково применяют обе руки для обоих действий».¹²³

Если в этом и подобных сообщениях и содержится преувеличение возможностей скифов, то сам факт, что пешие и конные скифы были искусными стрелками, не подлежит сомнению. Об отличных качествах скифского лука и его дальности мы можем судить по надписи, найденной в Ольвии, в которой упоминается пекий Анаксатор, сын Динагора, пустивший стрелу на двести восемьдесят две оргии (521,8 м).¹²⁴ Так как в Ольвии пользовались только скифскими луками и стрелами, о чем свидетельствуют многочисленные находки стрел скифских типов, то грек Анаксатор мог добиться такого результата, стреляя по скифскому способу. О дальности скифских луков свидетельствует и Эсхил, называющий кочевников-скифов вооруженными дальностью луками.¹²⁵

Известно, что наконечники стрел скифского типа были распространены далеко за пределами скифской и савроматской территорий. Особенности, отличающие савроматские наборы стрел от скифских, уже были отмечены выше.

В достаточном количестве стрелы скифского типа известны на территории аناксийской культуры, в могильниках VI—IV вв. до н. э., где они были найдены вместе со стрелами, отличными от скифо-савроматских.¹²⁷ Много бронзовых наконечников стрел скифского типа в Сибири¹²⁸, на Алтае¹²⁹ и в Средней Азии.¹³⁰ По формам и пропорциям сибирско-алтайские и среднеазиатские стрелы ближе к савроматским, чем к скифским. Но вместе с тем они имеют свои особенности. В частности, здесь часто встречаются черешковые бронзовые наконечники стрел с небольшой трехлопастной головкой, а также листовидные, ромбические и сечопи наконечники со скрытой втулкой. В савроматских комплексах оба типа хотя и известны, но представлены единичными находками. В Скифии и в Прикубанье они отсутствуют. Комплексы наконечников стрел скифских типов, главным образом VI—V вв. до н. э., известны в могильниках центрального Кавказа, таких, например, как Нестеровский и Каррасский.¹³¹ Следует заметить, однако, что в этом районе не встречено таких крупных наборов стрел, как в Скифии или в поволжских и приуральских степях.

¹²² Схолий к в. VIII, стр. 325. ВДИ, 1947, № 1, стр. 283; к в. VI, 122; там же.

¹²³ Платон. Законы, кн. 7, гл. 5. ПДИ, 1947, № 2, стр. 318.

¹²⁴ IOSPE, 12, 195, стр. 212—213.

¹²⁵ Эсхил. Проклаваний Прометей, стр. 729—781. ВДИ, 1947, № 1, стр. 303.

¹²⁷ А. М. Tallgren, 1919, стр. 130, рис. 97—98; А. В. Збруев, 1952, стр. 90—92.

¹²⁸ В. В. Радлов, 1894, табл. XX (17, 18, 28).

¹²⁹ С. П. Киселов, 1947, стр. 157; 1951, стр. 253, табл. XXVI.

¹³⁰ С. П. Толстой, 1948, стр. 77—79, рис. 17.

¹³¹ Е. И. Крупнов, 1960, стр. 284—286, рис. 48, 1—6.

В Закавказье и Передней Азии было найдено много бронзовых наконечников стрел VII—VI вв. до н. э. — двулопастных с овальной и ромбовидной головкой, а также трехлопастных с листовидной или сводчатой головкой.¹³²

За небольшим исключением наконечники стрел скифских форм происходят из слоев или памятников, относящихся ко второй половине VII или началу VI вв. до н. э. В Кармир-Блуре и Вавилоне они были обнаружены в оборонительных стенах и, очевидно, принадлежали скифам, осаждавшим эти города. Б. В. Пиотровский связывает распространение стрел скифских типов в Закавказье и Передней Азии со скифскими походами в эти области в VII—VI вв. до н. э. Однако отдельные находки двулопастных бронзовых стрел на Переднем Востоке относятся к концу II тыс. до н. э., т. е. к тому же времени, когда эти стрелы впервые стали известны в арабской культуре Поволжья, в андроновской культуре Казахстана и ряде мест Западной Сибири.¹³³ Кроме того, следует еще раз отметить влияние переднеазиатских форм на формирование отдельных типов раннескифских стрел и в первую очередь трехлопастных с листовидной головкой и выступающей втулкой.

Находка в Кареммыте литейных форм для бронзовых скифских стрел свидетельствует о существовании производства их в Передней Азии, что совершенно понятно при сравнительно большом количестве этих стрел в данном районе. Судя по сводке, составленной Т. Сулимйрским, преимущественно раннескифские стрелы, двулопастные и трехлопастные, встречаются не только в Передней Азии, куда скифы совершали свои военные походы, но и в Египте, Малой Азии, Греции, восточном Средиземноморье.¹³⁴ Кроме скифских, там же известны находки наконечников стрел, не имеющих аналогий в скифском оружии.¹³⁵

Бронзовые наконечники стрел VI в. и начала V в. до н. э., часто составлявшие комплексы, иногда более двух десятков, известны в средней Европе. Они происходят из так называемых скифских могил и случайных находок Трансильвании, в Румынии,¹³⁶ из погребений скифского типа Венгрии¹³⁷ и Чехословакии,¹³⁸ встречены на территории лужицкой культуры.¹³⁹ В комплексах преобладают базисные трехлопастные, встречаются опорнотупчатые, трехлопастные с листовидной головкой, выступающей втулкой и шипом, а также башнеобразные.

Кроме бронзовых, там же встречаются костяные четырехгранные в разрезе наконечники пирамидальной формы. Последние лучше всего представлены в комплексе из Sárospatak-Sönde, в Трансильвании.¹⁴⁰ В отличие от костяных наконечников стрел этого типа, известных в Скифии, они имеют выделенную внутреннюю втулку.

Комплексы и отдельные находки скифских стрел не только ранних типов, но и относящихся к V—IV вв. до н. э., происходят с территории древней Фракии. Ранние бронзовые наконечники стрел плоские, двулопастные, листовидные, с выступающей втулкой и шипом, трехлопастные, листовидные с шипом на выступающей втулке (22 экзмп-

¹³² Б. В. Пиотровский, 1944, стр. 300.

¹³³ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 36; Flinders Petrie, 1928, стр. 15, 16, табл. XXII, 30; XXIX. S. Schmidt, 1931, стр. 138; T. Sulimírski, 1954, стр. 296—301.

¹³⁴ T. Sulimírski, 1954, стр. 296—308.

¹³⁵ E. Bulanda, 1913, стр. 106, рис. 74—75.

¹³⁶ M. Roska, 1937, рис. 8; 9, 1—2; 10, 1, 3—7; 12, 3—6; 14, 2—5.

¹³⁷ Árpád Bottyán, 1955, табл. III, 22; VII, 25, 29; IX, 17, 25, 26; M. Párdus, 1944.

¹³⁸ M. Dušek, 1961, табл. V, 6—17; IV, 2.

¹³⁹ T. Sulimírski, 1948, стр. 77.

¹⁴⁰ J. H. Crisan, 1955—1956, табл. I.

сочки желтоватой мастики, служившей прокладкой между обшивкой и деревянным жарколом¹⁶⁰.

Горит из Солохи представлял собой деревянную раму, на которую с лицевой стороны была наложена серебряная рельефная пластина. Для того, чтобы рельеф пластины не портился, с внутренней стороны он был заполнен гипсом, смешанным с известью. Под гипсом находился грубый холст, служивший прокладкой между пластиной и кожей. Пластина была прикреплена к деревянному жарколу серебряными гвоздиками.

Все описанные выше гориты датируются временем «царских» курганов, тем же периодом, к которому относятся их изображения. Металлические обкладки горитов VI — V вв. до н. э. нам не известно. М. И. Ростовцев предположительно считает золотую прямоугольную пластинку с изображениями олений из Калермеса принадлежностью горита¹⁶¹. Украшением горита считается также золотая продолговатая бляха из Удского аула с изображением грифонов, нападающих на горного козла и оленя¹⁶². Однако по этим пластинкам нельзя составить представление о форме горитов VI в. до н. э. Пластины, покрывая лишь часть наружной поверхности, могли быть принадлежностью и горита, и колчаня.

Только одна находка говорит в пользу существования горитов в конце VI — начале V в. до н. э.: в кургане Опшлянка быв. Богодуховского уезда, вместе с наконечниками стрел были найдены остатки горита¹⁶³. Горит был сделан из бересты, по бокам и на дне его были вставлены железные прутья. Признаком, который заставляет признать его за горит, а не колчан, является то, что одна из его длинных сторон довольно сильно скошена так, что футляр расширился к верхнему краю. Благодаря этому лук в втянутом состоянии мог поместиться в нем вместе со стрелами. Размеры этого горита меньше размеров горитов, описанных выше. Длина его 35,5 см, ширина у верхнего края 29,2 см, снизу 20,3 см. В отличие от приведенных выше, у верхнего края наружной стенки этого горита не было выреза. Это, по-видимому, объясняется малыми размерами горита, благодаря чему стрелы легко можно было вытаскивать и без специального выреза на стенке.

Поверх бересты горит был покрыт жареным мехом. Верхний край его наружной стенки был украшен рядом из бляшек с изображением стилизованных льявых фигурок, аналогичных найденным при колчане из Витовой могилы¹⁶⁴ и близким к найденным в кургане 400 и 401 близ с. Журовки¹⁶⁵. О внутреннем устройстве этого горита И. А. Зарецкий никаких сведений не дает.

Гориты, представляющие собой футляры для совместного ношения лука и стрел, как в свое время уже отметил Е. Мина¹⁶⁶, были скифской особенностью.

Изображенные на иранских рельефах гориты отличаются от скифских не только по форме, но и отсутствием специального отделения для стрел¹⁶⁷. Только на персидском цилиндре¹⁶⁸, где изображены саки, сражающиеся с персами, на левом боку саков мы видим гориты простейшей формы, близкой к форме горита, найденного в кургане Опшлянка.

На греческих вазах, где довольно часто встречаются изображения скифского лука, скифские гориты с отделением для стрел встречаются редко¹⁶⁹. Лук на этих изображениях всегда просто привязан к колчану со стрелами. О существовании горитов, представляющих для ношения лука без стрел, свидетельствует лишь изображение на левом боку одного из скифов на чертомилыцкой амфоре (табл. 2, 12).

Изображений колчанов известно значительно меньше, чем изображений горитов, и все они сделаны греческими мастерами главным образом на предметах, предназначенных для скифского обихода. Наиболее ясными из них являются изображения на левом боку одного из скифов, укрощающих лошадей на чертомилыцкой амфоре (табл. 2, 11) и на бляшке с фигурой скифа из Куль-Обы (табл. 2, 9). Изображения скифских колчанов мы видим на оборотной стороне медных монет IV—III вв. до н. э., чеканенных в Пантикалее.

Находясь частой находкой, по которым возможно судить об их форме, размерах и материале, немногочисленные, но они дают возможность говорить о существовании колчанов разной формы и величины, а также об употреблении для них разного материала. Остатки деревянных колчанов, представляющих собой футляр с параллельными боковыми сторонами и прямыми или слегка скругленным дном, найдены в Витовой могиле¹⁷⁰, а кургане 8 той же группы¹⁷¹, в кургане 31 Бобринского могильника на Канавице¹⁷².

В одних случаях поверхность деревянных колчанов была обтянута кожей, а других обита тонкими металлическими пластинками; известны также обивка поверхности мехом. Колчан, принадлежавший богатым воинам, как об этом свидетельствует находка в Витовой могиле, так же как и гориты, были украшены золотыми бляшками.

Размеры деревянных колчанов не одинаковы; так, колчан из Витовой могилы имел длину 63 см, ширину 26 см. Колчан из кургана 8 той же группы имел длину 61 см, ширину 24 см; колчан из кургана 31 Бобринского могильника был длиной 70 см, шириной 17 см.

При деревянном колчане из кургана 31 Бобринского могильника были найдены остатки небольшого кожаного мешочка с 14 наконечниками стрел. Это дало возможность Е. А. Зноско-Боровскому предположить, что большой деревянный колчан являлся магазином воина, тогда как небольшой кожаный футляр был его расхваченным колчаном.

Это предположение Е. А. Зноско-Боровского кажется вполне приемлемым не только для данного случая, но и вообще для всего скифского военного обихода. Воину было удобнее носить при себе небольшое количество стрел, тогда как запасные стрелы в колчане-магазине могли быть прикреплены к седлу лошади, как это, вероятно, было в погребении с конем в Александровском кургане. Однако кожаные колчаны могли быть и больших размеров и предназначались для ношения большого количества стрел. Из кожи, вероятно без деревянной основы, были сделаны и большие колчан-магазины, о чем свидетельствуют находки в ряде погребений остатков только кожи вместе с большим количеством стрел. Обивкой кожаного колчана надо считать золотую пластинку, опубликованную В. И. и В. Н. Ханенко и найденную у с. Прусьи, бывш. Черкасского у. Киевской губ. (табл. 41, 8)¹⁷³. Своеобразие ее

¹⁶⁰ В. П. Шнилов, 1961, стр. 162, 166.

¹⁶¹ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 334.

¹⁶² ОАК за 1898 г., стр. 30, рис. 42.

¹⁶³ А. А. Захаров, 1932, стр. 77, рис. 15.

¹⁶⁴ Там же, стр. 77, рис. 12.

¹⁶⁵ А. А. Бобринский, 1905, стр. 15 сл.

¹⁶⁶ E. Minns, 1913, стр. 67.

¹⁶⁷ E. Herzfeld, 1941, табл. LXVII, LXXV.

¹⁶⁸ E. Minns, 1913, стр. 81, рис. 13.

¹⁶⁹ Maria Friderika Vos, 1963, табл. IX.

¹⁷⁰ А. А. Захаров, 1932, стр. 68, рис. 12.

¹⁷¹ Там же, стр. 70.

¹⁷² А. А. Бобринский, 1899, стр. 109.

¹⁷³ Е. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. VIII, 217.

формы, еще кажется, можно объяснить тем, что она копировала форму кожаных мешочков для стрел.

В кургане у ст. Костромской Н. И. Веселовский отмечает находки двух кожаных колчанов, один из которых был вышит малины голубыми бусами¹⁷⁴.

Колчаны, так же как и отделка для стрел в торптах, сверху закрывались крышкой, судя по названным выше изображениям их.

В торптах и колчанах стрелы были поставлены одинаково. Нахождение стрел в погребениях в большинстве слу-

чаев остринкой вниз, к ногам, свидетельствует о том, что стрелы были положены оперением вверх. Это понятно, особенно, если учесть существовавшие обычая травить стрелы ядом. В связи с этим совершенно обоснованным представляется заключение Б. Я. Фармаковского о том, что стрелы должны были стоять остринкой к устью. Правда, известны случаи, когда закопанные стрелы в погребениях были найдены остринкой вверх, но количество таких случаев велико п, возможно, здесь весь торпт или колчан был положен и полагался, наоборот, обычно.

¹⁷⁴ ОАИ за 1897 г., стр. 13.

КОПЬЯ И ДРОТИКИ

В античной литературе мы встречаем упоминания на существование у скифов копий (ἀκόνις) и специальных металлических дротиков (ἀκοντίον). Однако сколько-нибудь подробные описания тех и других нам неизвестны. Единственным данным, позволяющим судить о копьях и дротиках, являются археологические материалы. Среди скифских древностей нам известны две формы наконечников подобного рода. Один из них действительно могли употребляться только как метательное оружие. Это железные наконечники с шипами, напоминающие по своей форме римский пилум, их правильно называть наконечниками дротиков.

Принадлежностью копий считаются все остальные металлические наконечники, не имеющие шипов на перо и могущие поэтому быть использованными в первую очередь как колющее оружие. Но, так как они могли служить одновременно и метательным оружием, то трудно сказать, имели ли в виду греческие авторы под словом ἀκόνις специально скифские металлические дротики или же оно обозначало все скифские копья, употребляемые для метания. Принимая во внимание неширокое распространение в Скифии специальных металлических дротиков, следует предполагать, что античные авторы различали их не по форме, а по назначению.

КОПЬЯ

Из всех категорий скифского оружия в археологической литературе скифские копья уделено, пожалуй, меньше всего внимания. Кроме описаний формы наконечников копий, найденных в тех или иных скифских погребениях, часто не достаточно подробных, мы ничем иным не располагаем. А между тем после лука и стрел наиболее обычным оружием скифа-воина было копье. Находясь наконечника копья или нескольких наконечников отмечены почти в каждом погребенном погребении скифа-воина. Неограниченно погребения с одним стрелами, без копий, представляются в собственно Скифии чрезвычайно редкой явление¹.

¹ Чаще, чем в остальных районах, погребения воинов с одним стрелами были обнаружены в Подолье; см. Т. Sulimirski, 1936.

Было ли известно античным авторам действительное значение копий в скифском вооружении, сказать трудно, так как упоминания о них встречаются главным образом в связи с ритуальными сценами. Только один раз Геродот говорит об употреблении копий, описывая эпизод сражения скифов с рабами, происшедшего по возвращении из Азии². На произведениях греческих мастеров со скифскими сюжетами копья изображались неоднократно.

Коротким копьем сражается с пешим конный воин на гребне из Солохи (табл. 4, 2); конный скиф с копьем в руке изображен преследующим зайца на золотых бляшках из Куль-Обы (табл. 2, 10)³. На серебряной позолоченной чаше из Солохи конные же скифы поражают копьями львов⁴. По два копья изображено в руках у двух сидящих скифов на сосуде из Куль-Обы и у одного на вороньем серебряном сосуде (табл. 4). Копьями сражаются два конных воина на пряжке, хранящейся в ГИМ (табл. 3, 15). Копьем замахивается чудовище скиф, изображенный на пластине из Гермесовского кургана (табл. 3, 16).

Количество копий в курганах Северного Причерноморья не всегда одинаково. Обычно с погребенным воином положено одно или чаще два копья. В богатых погребениях архаического времени встречается до четырех копий. В богатых погребениях IV—III вв. иногда находится от пяти и даже до двенадцати штук; так, пять копий было в Талаевском кургане и в кургане 8 в Аксютинцах (раскопки Мазарак), девять — в кургане 1 в Воловцах и в кургане 2 «Частых» курганов, одиннадцать — в Краснокутском кургане. Вероятно, вместе с покойником влялся весь запас копий, так же как погребались все имеющиеся у него стрелы и меты.

Скифское копье состояло из двух или реже трех частей. Обязательным является наличие металлического наконечника и древка, третьей частью, необязательной, является подток, надевающийся на нижний конец древка. Нам известны только наконечники и подтоки. Несмотря на большое количество (больше 500) наконечников копий, отмеченных в отчетах, среди вещей из курганов Северного Причерноморья мне известно лишь около 150 экземпляров более или менее хорошо сохранившихся наконечников. Это объясняется как плохой сохранностью железа в

² Геродот. IV, 3. ВДН. 1947, № 2, стр. 256.

³ Е. Миньа, 1913, рис. 36.

⁴ М. И. Ростовцев, 1918, табл. VII, 3.

скифских курганах, так и незначительным археологов прошлого столетия к скифским железным предметам.

Все известные нам скифские наконечники копий, за исключением одного, железные и только втульчатые. Длина большинства из них колеблется в пределах 20—50 см, но отмечено небольшое количество наконечников длиной менее 20 см и более 50, до 70 см. Общим для всех является то, что длина пера больше или равна длине втулки, лишь в нескольких случаях длина втулки незначительно превышает длину пера. Втулки слабо конические, сужаются к перу. На одной из сторон втулки, обычно против плоскости пера, имеется более или менее узкая щель, образующаяся между краями железной пластины, загнутой во втулку. Для того чтобы втулка не расходилась, на нижний ее конец надевалось узкое кольцо. По форме пера наконечники копий не аналогичны друг другу.

Большинство наконечников двулопастные, более или менее плоские. Они делятся на два отдела по общим очертаниям пера: 1) наконечники копий с пером в виде двух соединенных хордами сегментов, условно называемые лавролистными, 2) наконечники с пером в виде остроугольного, или остролановидного. Все они сделаны техникой ковки, так же как сделаны железные стрелы.

В I и во II отдел входят экземпляры, имеющие на пера ребро посредине, и экземпляры без ребра. В зависимости от поперечного разреза пера наконечники выделяются типы копий.

Прежде чем перейти к описанию отдельных типов, необходимо отметить, что абсолютного единообразия форм и размеров внутри типов нет. Это объясняется особенностями техники ковки, когда мастера придерживались лишь общих норм, не стремясь к совершенно одинаковой отделке деталей формы.

Бронзовый литой наконечник копья был найден во впускном парном погребении, устроенном в насыпи кургана эпохи бронзы, в кургане 344 на левом берегу р. Ташлык в Киевской обл. (табл. 12, 4).⁴ Принадлежность его к скифской, а не к более ранней эпохе определяется находкой вместе с ним железного наконечника копья и сосудов, характерных для раннескифской эпохи.

По размерам он меньше железных наконечников копий: длина его 15,5 см, длина втулки 6,5 см. Перо имеет форму в виде двух соединенных хордами сегментов с ребром посредине, переходящим плавно во втулку. Наибольшая ширина его — посредине и равна 3 см. На нижнем конце втулки круглое отверстие для гвоздя (табл. 12, 4). Ближайшие по форме и размерам бронзовые наконечники копий известны лишь среди древностей Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы.

Наиболее близкой аналогией к нему является форма для отливки копий, хранящаяся в Днепропетровском музее.⁵ По сосудам, сопровождавшим погребение, Е. Ф. Попкопский относит курган, в котором был найден указанный наконечник копья, к жабитинскому этапу, к концу VII — началу VI в. до н. э.

Из железных скифских наконечников ближе всего к бронзовому наконечнику копья из кургана № 454 у с. Маневка (раскопки Н. Е. Бранденбурга) (табл. 12, 5).⁶

I ОТДЕЛ. ЛАВРОЛИСТНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ

Всего таких наконечников копий мне известно 69. Они происходят из курганов разных районов Северного Причерноморья, по большинству были найдены в ямостопной полосе. Все вошедшие в этот отдел наконечники копий имеют края пера в виде более или менее правильных дуг, а наибольшая ширина пера обязательно находится возле середины.

Отдел разбивается на три типа: 1) наконечники копий с широким ребром посредине пера, плавно переходящим во втулку; 2) наконечники с узким ребром на пере и 3) наконечники без ребра.

1-й тип. Копья с широким ребром, проходящим посредине пера. Ребро расширяется сверху вниз и затем плавно соединяется со втулкой. В разрезе оно обычно круглое, ранее оваловидное и только у четырех наконечников четырехугольное (табл. 12, 4—8). Всего мне известно 33 наконечника копий этого типа (табл. VI).

Кроме формы, наконечники копий этого типа отличаются от остальных еще сравнительно небольшой длиной. Она колеблется в пределах от 19 до 38 см. При этом, более короткие наконечники копий имеют широкое и короткое перо, длинные — более вытянутое и узкое перо. По длине и пропорциям их можно разделить на два неодинаковых по количеству экземпляров варианта. Наконечники первого варианта, преобладают. Большинство из них имеет длину от 19 до 28 см, при этом отношение длины втулки к длине пера выражается как 1:1,3—1:2. Перо этих наконечников копий сравнительно широкое, отношение ширины его к длине выражается как 1:2,8—1:4,5 (табл. 12, 5). Наконечники копий из кургана 406 в урочище Горняк и из собрания Л. А. Бобринского отличаются от остальных наличием на нижнем конце втулки орнаментов в виде одного или двух завитков рифлений (табл. 12, 6). Рифление на втулках наконечников копий представляет собой сравнительно редкое явление. Кроме отмеченных, мне известно еще три наконечника с рифлением на втулке, относящихся ко 2-му типу.

Второй вариант составляют всего пять копий (три из них найдены в Старшей Могиле), они имеют длину 29,5—38 см. Длина пера этих наконечников в 1,6—2 раза больше длины втулки. Перо по сравнению с первым вариантом имеет слабо дугообразные края. Длина его в 4,5—6,5 раз больше ширины (табл. 12, 7, 8).

По времени оба варианта этого типа близки друг к другу. Несмотря на то, что с ними не найдена греческая керамика, дата их довольно точно определяется сопровождающими вещами местного происхождения и в первую очередь наконечниками стрел, предметами конского убора и керамикой. Это VII — VI вв. до н. э. Большинство наконечников копий, найденных в погребениях, сопровождалось наконечниками стрел, отнесенными нами к первой хронологической группе. Только наконечник копья из кургана 478 у с. В. Будки, более поздний, датируется второй половиной или концом VI в. до н. э.

2-й тип. Наконечники копий с узким высоким ребром посредине, не переходящим во втулку.

Мне известно всего 18 экземпляров таких наконечников с территории Северного Причерноморья: 15 из курганов и 3 экземпляра неизвестного происхождения из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко.⁷ Два наконечника

⁴ А. А. Бобринский, 1901, стр. 34, табл. II, 8.

⁵ А. М. Talligro, 1926, стр. 108, рис. 1, 10.

⁶ Н. Е. Бранденбург, 1908, стр. 128 (хранится в Эрмитаже).

Таблица VI
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НАХОДОВ НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ I ОТДЕЛА 1-ГО ТИПА

№ п/п	Название памятника	Количество	Место находки и хранения	Табл. рис.
1	Старшая могила у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самонясова)	3	В. А. Издаска, 1951, табл. I, 2, 4, 5, ГИМ	12,8
2	Курган 12 у с. Аксютинцы, тех же раскопок	1	» Издаска, ГИМ	—
3	Курган 3, там же (раскопки С. А. Мазаракис)	1	» ГИМ	—
4	Курган 468, там же (раскопки Н. Е. Брандленбург)	1	» Эрм.	—
5	Курган 1 в урочище Солодкое (раскопки Д. Я. Самонясова)	1	» ГИМ	—
6	Курган 8 у кут. Поповца (раскопки С. А. Мазаракис)	1	» ГИМ	—
7	Курган 478 у с. В. Будин (раскопки Н. Е. Брандленбург)	1	» Эрм.	—
8	Курган 1 у с. Мичеха (раскопки М. Я. Рудницкого)	1	» Полтавский музей	—
9	Курган 2, вогробисне I, там же, тех же раскопок	1	» »	—
10	Курган 24, там же, тех же раскопок	1	» »	—
11	Курган 406 в урочище Горьчево у с. Журовка (раскопки А. А. Бобринского)	2	» Эрм.	12,6
12	Курган 454 у с. Мичевки, Киевской обл. (раскопки П. Е. Брандленбург)	1	» Эрм.	12,5
13	Курган 8 у с. Лихачевки, Харьковской обл. (раскопки Н. А. Зарского)	1	» Издаска ГИМ	12,7
14	Курган 5 у с. Братышова (Подольск)	1	T. S. Ilimirski, 1936 г., табл. IV, 1	—
15	Курган 2, там же	1	» »	—
16	Курган 2, у с. Раковат	1	» табл. IX, 9	—
17	Курган 1, у с. Иватошцы	1	» табл. IX, 5	—
18	Курган 4, у с. Городища	1	» табл. V, 1	—
19	Курган 1, у с. Лемковцы	1	А. И. Мельникова, 1953, стр. 65: рис. 29, 2	—
20	Место впадения в реку, происходит из собрания А. А. Бобринского	11	» Издаска, ГИМ	—
21	Курган 344 на левом берегу * р. Ташман	1	А. А. Бобринский, 1901, табл. 11, 8	12,4

* Бронзовый наконечник.

происходит из Келермесских курганов Прикубанья (табл. VII).

В отличие от 1-го типа наконечники копий этого типа имеют большую длину. Только два из них длиной 22 и 24 см. Один имеет длину 32,5, остальные — от 37 до 51 см.

Среди них можно выделить три варианта: а) наконечники с широким и длинным пером (табл. 12, 10); б) наконечники с узким и длинным пером и относительно короткой ступкой (табл. 12, 9, 11) и в) наконечники, длина пера которых близка к длине ступки, а перо неширокое (табл. 12, 15).

Наиболее ярким примером первого варианта является наконечник копья из кургана 453 у с. Мачево (раскопки Н. Е. Брандленбург) (длина его 51 см, длина ступки 17 см, шириной пера 5,5 см). Грани пера имеют очертания в виде крутых дуг. Ребра ромбического в сечении. Ступка конической формы, с диаметром нижнего конца 2,7 см, верхнего 2 см. На нижнем конце ступки сделано рифление (табл. 12, 10). По форме пера и размерам аналогичен ему наконечник копья, найденный Б. И. Ханенко, происходящий из бывшего Роменского уезда. Он отличается от первого только отсутствием орнамента на ступке. Наконечники копий из Келермесского кургана, принадлежащие к этому же варианту, отличаются от остальных большой длиной — 72 см (табл. 12, 14).

Второй вариант составляют весьма близкие друг к другу наконечники копий из курганов 400 и 401 в с. Журовка, из курганов 502 в с. Брандленбург и 491 в с. Мачево (табл. 12, 11, 12). Они имеют слабо дуговидные очертания сторон пера, так что на большей части длины его стороны окажутся параллельными и сближаются только у ступки и к острию (длина их 39—49 при длине ступки 11—14 см). Отношение ширины к длине пера выражается как 1:7,5 и 1:9.

Третий вариант составляют наконечники копий из курганов 2 и 7 группы «Частых» курганов и из кургана 2 у с. Мастюгина Воронежской обл., копья из коллекции Б. И. и В. И. Ханенко (табл. 12, 13). Перо их имеет очень правильные очертания с равномерно дуговидными сторонами. Длина наконечников 37—49 см при длине ступки 14—19 см. Ширина пера относится к длине пера как 1:8.

Своеобразие наконечник копья из Дарьевки. Перо его плавно, но довольно сильно суживается к ступке, а ступка равна лишь 1/2 длины пера. Наконечник копья малых размеров (22 см) из коллекции Б. И. Ханенко по пропорциям и форме пера ближе всего к наконечникам из «Частых» курганов.

Наконечники копий 2-го типа датируются разными временами: наиболее ранние из них относятся к началу VI в. до н. э. и происходят из Келермесских курганов и из

ПЕРЕЧЕНЬ ПАХОДОВ НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ 3-ГО ТИПА

№ п/п	Название памятника	Количество	Место извлечения и хранения	Табл., рк.
1	Курган 2 у с. Анскотинцы (раскопки Д. Я. Самокисова)	2	не падали, ГИМ	—
2	Курган 478 у с. В. Бухты (раскопки Н. Е. Бранденбурга)	1	» Зрм.	—
3	Курган 502 в с. Браварки (раскопки Н. Е. Бранденбурга)	1	В. А. Ильинская, 1957, рис. 3, 2	12, 77
4	Случайные находки в быв. Ромовском уезде	3	не падали, ГИМ	—
5	Курган 400 у с. Журовка (раскопки А. А. Бобринского)	2	» Зрм.	12, 12
6	Курган 401, там же, тех же раскопок	1	» Зрм.	—
7	Курган 453 у с. Макевка (раскопки Н. Е. Бранденбурга)	1	» Зрм.	12, 10
8	Курган у с. Дарьевка Киевской обл.	1	А. А. Бобринский, 1894, табл. XV, 6	—
9	Курган 2 группы «Частых» (раскопки А. А. Спасского)	1	С. Н. Замiatин, 1948, рис. 8, 1, Воронежский музей	—
10	Курган 7, там же, тех же раскопок	1	не падали	12, 13
11	Курган 2 у с. Мастогино	2	»	—
12	Кельмесские курганы	2	» 8 рм.	12, 14
13	Курган 491 у с. Макевка	1	» Зрм.	12, 9

кургана 453 у с. Макевка. Второй половиной VI в. до н. э. может быть датировано копье из кургана 491 у с. Макевка.

Концом VI и первой половиной V в. до н. э. датируются все копья второго варианта: по пулхорой амфоре и клинскому копью из курганов 401 и 400 в с. Журовка¹⁰, по стрелам и былькам в верхнем стиле копья из кургана 502 в с. Браварки¹¹. Близким временем по быльке в зверином стиле датировано копье из кургана 7 (группы «Частых») ¹². К IV—III вв. до н. э. может быть отнесен наконечник копья из кургана у с. Дарьевка¹³. Близки к нему по времени копья из Мастогиинских курганов и из кургана 2 группы «Частых» курганов.

Итак, наконечники копий этого типа появились еще в первой половине VI в. до н. э. и просуществовали до IV в., причем наибольшее распространение они имели в VI—первой половине V в. до н. э. Характерно, что среди поздних нет копий с широким пером и сильно дуговидными сторонами. Наконечники с узким вытянутым пером появляются в первой половине V в. до н. э.

3-й тип наконечников копий без ребра на пера. По общим очертаниям они близки к описанным выше, но перо их или совсем плоское, или расковано на два ската, утолщено в середине и тогда в разрезе имеет форму сильно вытянутого ромба. Из Северного Причерноморья, главным образом с территории среднего Приднестровья, мне известен 21 экземпляр (табл. VIII).

Длина этих наконечников копий колеблется в пределах от 23,5 до 52 см при отношении длины втулки к длине пера как 1 : 1, 1 : 2,5; ширина пера относится к длине пера как 1 : 3,2, 1 : 8.

Среди наконечников копий, так же как и в предыдущем типе, можно выделить три варианта.

Первый вариант. По размерам, пропорциям и очертаниям пера близки друг к другу наконечники копий из курганов 17 в с. Анскотинцы, 3 в с. Поповка, 344 на левом берегу р. Ташлык. Они имеют небольшую длину 23,5—25,5 см при длине втулки 12 см. Сравнительно узкое, мало вытянутое перо, с правильными слабо дуговидными гранями. Перо толстое, плоское, ширина его 2,8—3,5 см. Отношение ширины пера к длине 1 : 3,2 и 1 : 4,8. Втулки копчиковые, без кольца на нижнем конце (табл. 13, 2, 3).

Второй вариант. Наконечники копий из кургана 2 в быв. Богодуховском у. Харьковской губ. (раскопки Багалеев) и кургана 32 в Мастогино (раскопки П. Д. Либера, 1961 г.) отличаются от остальных тем, что имеют перо несколько короче втулки. Первый из них при длине 38 см имеет втулку длиной 20 см, у второго, длиной 47 см, втулка имеет длину 27 см. Перо у обоих копий правильной лавровидной формы, несколько утолщено в средней части.

Третий вариант. Наконечники копий этого варианта, несмотря на сравнительно большое колебание в размерах (длина их — 32—52 см), имеют сильно вытянутое перо со слабо дуговидными гранями, превосходящее длину втулки. Отношение между шириной и длиной пера выражается как 1 : 8 и 1 : 6,3. Перо обычно утолщено в средней части, поперечный разрез его имеет форму вытянутого ромба или ланца (табл. 13, 1, 4—6). Меньшей длиной и более легкими пропорциями отличается наконечник копья из кургана 493 в с. Ильинцы (раскопки Н. Е. Бранденбурга), но он близок к наконечникам третьего варианта по слабо дуговидным очертаниям граней пера и поперечному его разрезу (табл. 13, 4).

Датируются наконечники копий этого типа также разными временем. Наиболее ранним из них следует считать отнесенные к первому варианту, т. е. наконечники копий небольшой длины, с плоским, сравнительно тонким и легким поперечным пером. Концом VII — началом VI в. до н. э. датируется наконечник копья, найденный в кургане 344

¹⁰ С. Д. Руднова, 1911, стр. 130—141.

¹¹ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 478.

¹² В. А. Ильинская, 1957, стр. 234.

¹³ С. Н. Замiatин, 1948, стр. 32.

¹⁴ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 480.

Таблица VIII

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОК НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ I ОТДЕЛА 2-ГО ТИПА

№ п/п	Название памятника	Количество	Место находки и хранения	Табл. рис.
1	Курган 4, у с. Аксютяны (раскопки Д. Я. Само- класова)	1	не издан, ГИМ	—
2	Курган 7, там же, тех же раскопок	1	» ГИМ	13,2
3	Курган 17, там же, тех же раскопок	1	» ГИМ	—
4	Курган 3 у с. Поповка (раскопки С. А. Мазараки)	1	А. А. Бобрин- ский, 1894, табл. XXV, 8	13,3
5	Курган 484 у с. Плавиницы (раскопки Н. Е. Бранденбурга)	1	» Эрм.	—
6	Курган 425 у с. Кулешовка, тех же раскопок	1	» Эрм.	13,6
7	Курган у с. Сурмачевка (раскопки Д. Я. Само- класова)	1	» ГИМ	—
8	Курган 344 на левом берегу р. Ташлык	1	» ГКИМ	—
9	Курган 489 у с. Макеюка (раскопки Н. Е. Бранденбурга)	1	» Эрм.	—
10	Курган 493 у с. Ильицы, тех же раскопок	1	» Эрм.	13,4
11	Галущино Киевской обл., случайная находка	1	»	—
12	Курган 1G у с. Марицкино Николаевской обл. (рас- копки М. Збярта)	2	М. Ebert, 1913, стр. 12	13,1
13	Курган 2D там же, тех же раскопок	3	там же	—
14	Курган 2 Харьковской обл. (раскопки Багалеев)	1	Труды XIII АС, стр. 373, рис. 100	—
15	Курган Опшлянка Харьковской обл. (раскопки И. А. Зарешко)	1	А. А. Zakharov, 1932, ГИМ	—
16	Курган 31/3 группы «Часть» (раскопки П. Д. Ли- берова, 1954)	1	П. Д. Либеров, 1954, № 1024	—
17	Курган 32 у с. Мастюгино (раскопки П. Д. Ли- берова, 1961)	1	П. Д. Либеров, 1961, № 2118	—
18	Из собрания А. А. Бобринского	1	не издан, ГКИМ	13,5

ва левом берегу р. Ташлык вместе с описанным выше бронзовым наконечником копья.

VI веком по стрелам архаических типов датируются наконечники копий из курганов 4, 7 и 17 в с. Аксютяны (раскопки Д. Я. Самокласова) и из кургана в Сурмачевке тех же раскопок.

Концом VI—V в. до н. э. датируются наконечники копий из курганов 1G Марицкинского могильника и Опшлянка, из кургана 425 в с. Кулешовка (раскопки Бранденбурга). Этим же временем, как мне кажется, следует датировать и наконечник копья из кургана 3 в с. Поповка (раскопки Мазараки). К V в. до н. э. относится наконечник копья из кургана 484 у г. Плавиницы (раскопки Н. Е. Бранденбурга).

Более поздним временам датируются четыре наконечника копий этого типа. Вместе с копьем из кургана 2 в Богдучовском у. Багалеев была найдена греческая амфора с клеймом IV в. до н. э. К IV—III вв. до н. э. принадлежат наконечники копья из кургана 493 в с. Ильицы (раскопки Н. Е. Бранденбурга).

По стрелам к IV в. до н. э. относятся наконечники из курганов 32 группы Мастюгины и 31/3 группы «Часть» курганов (раскопки П. Д. Либерова).

Таким образом, наконечники копий третьего типа появляются вместе с началом скифской культуры, но к этому раннему времени (VII—VI вв. до н. э.) относятся наименее совершенные его варианты, небольшие наконечники копий, имеющие плоское, тонкое и поэтому легко ломающееся перо. Наибольшего распространения копья данного типа получили в конце VI — первой половине V в. до н. э., в то же самое время, что и копья 2-го типа. Для более позднего времени они не характерны, хотя в редких случаях употреблялись в IV в. до н. э.

За пределами Северного Причерноморья наконечники копий, которые можно отнести к первому отделу, в небольшом количестве известны в «скифских» погребениях, в Трансильвании¹⁴ и в Потисье, в Венгрии¹⁵. Обычно это небольшие наконечники с высоким ребром, переходящим во втулку, относящиеся к 1-му типу этого отдела. В связи с тем, что они встречаются вместе с наконечниками стрел скифских типов и аканнаками, мы вправе считать их заимствованными от скифов.

Исходя из того обстоятельства, что за пределами геродотовой Скифии аналогичные наконечники копий этого отдела встречаются лишь единично, можно говорить о местном их происхождении. Прототипом для них послужили отмеченные выше бронзовые наконечники копий эпохи поздней бронзы и предскифского периода. Ближе всего к этим последним наконечникам копий с ребром, переходящим во втулку (1-й тип). Дальше от бронзовых отстоят наконечники копий 2-го и 3-го типов, однако особенности их формы скорее всего можно объяснить особенностями новой техники производства, господствующей в железной индустрии. Выковать перо наконечника копья с узким ребром или без ребра значительно проще и быстрее, чем с ребром, переходящим во втулку. Поэтому, по-видимому, сразу же с распространением железа появились наконечники копий, по очертаниям пера аналогичные обычным бронзовым копьям, но плоские, без ребра. Однако, поскольку такое перо было тонким и быстро ломалось, копья этого типа не получили широкого распространения до тех пор, пока перо не стали делать утолщенным и сере-

¹⁴ M. Roska, 1937, рис. 14, 1.

¹⁵ A. Botlyán, 1955, табл. IX, 5; XII, 21.

дние и рискованным и краям (с поперечным разрезом в виде ромба). Более эффективными в действии и вместе с тем более прочными, очевидно, были наконечники копий с узким ребром на перо (тип 2).

II ОТДЕЛ. НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ С «ОСТРОЛИСТНЫМ» ПЕРОМ

Наконечники копий этого отдела имеют перо с прямыми, сходящимися к острому гравли. Наибольшая ширина пера находится в последней трети или в последней четверти длины пера, считая от острья. Ко втулке перо плавно сужается, так что стороны в нижней части пера криволинейны, округлы. Благодаря таким очертаниям наконечники копий этого отдела имеют длинное острье, которого не могло быть у наконечников копий с дуговидными сторонами пера и наибольшей шириной его у середины. Втулки по форме не отличаются от втулок наконечников копий первого отдела.

Отдел подразделяется на два типа: 1) наконечники копий с узким ребром посредине пера; 2) наконечники без ребра на перо. Наконечников копий с ребром, переходящим во втулку, в этом отделе нет.

1-й тип. Из курганов Северного Причерноморья мне известно 15 экземпляров таких наконечников копий (табл. IX). Большинство из них происходят из лесостепных районов, и только три найдены в степи. Общая длина наконечников копий этого типа колеблется в пределах 36,5—54 см. Отношение длины втулки к длине пера выражается как 1:1 и 1:3,5. Ширина пера 3,5—5 см, причем характерна меньшая ширина у наконечников с более длинным пером и большая у наконечников с коротким пером.

Наиболее вытянутое и узкое перо имели наконечники копий: из Каменной Могилы (два экземпляра), из Талаевского кургана и из кургана 3 в с. Аксютинцы. При отношении длины втулки к длине пера 1:2 и 1:3,5

отношение ширины пера к длине пера выражается как 1:8 и 1:11 (табл. 14, 2, 8, 4).

Иные пропорции имели наконечники копий из Мостюгских и «Частых» курганов. При отношении длины втулки к длине пера как 1:1 и 1:1,2 они имеют отношение ширины пера к длине пера, как 1:4 и 1:5. Менее узкое перо, но более широкое, чем у копий первого парняпта, имели наконечники копий из кургана 416 в с. Журовка и копия, опубликованные Б. И. и В. Н. Ханенко (табл. 14, 2).

Наиболее ранним из перечисленных наконечников копий 1-го типа второго отдела является наконечник копья из кургана 7 группы «Частых» курганов. По близости в виде стилизованной лынной головки и бронзовым стрелам, найденным вместе с ним, курган относится к первой половине V в. до н. э.¹⁶ Ковцом V — первой половины IV в. до н. э. датируются наконечник копья из кургана 3 у с. Аксютинцы. К середине IV в. до н. э., по А. П. Манцевич, относится наконечник копья из Талаевского кургана.¹⁷ Остальные экземпляры происходят из курганов IV—III вв. до н. э.

2-й тип. Наконечники копий с остролистным пером, без ребра. Из курганов степного и лесостепного Северного Причерноморья известно 60 наконечников этого типа (табл. X). Длина их колеблется в пределах 33,2—56,6 см. Отношение между длиной втулки и длиной пера выражается как 1:1,2 и 1:3. Только немногие наконечники имеют более длинную втулку, равную длине пера или незначительно превосходящую ее. Таковы наконечники копий из кургана 12 группы «Частых» и из кургана 3 группы «Пять братьев» у ст. Елизаветинской на нижнем Дону.

Перо в разрезе или ланцетовидное, или в виде вытянутого ромба, т. е. расковано на два ската. Втулки конические, диаметр верхнего края 1,5—2,5 см, нижнего 2—3 см. Иногда нижний конец втулки бывает стянут кольцом. Как и для предыдущего типа, здесь можно выделить два парняпта: 1) наконечники с широким и сравнительно коротким пером и 2) наконечники с узким и длинным пером.

¹⁶ С. Я. Замiatин, 1946, стр. 32, рис. 18—19; стр. 48—49.

¹⁷ А. П. Манцевич, 1937, стр. 155 сл.

Таблица IX

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОВ НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ II ОТДЕЛА 1-ГО ТИПА

№ п/п	Название памятника	Кол-во находок	Место находки	Место хранения	Табл. рис.
1	Каменная могила на южном Днепре	2	не падалы	Эрм.	14, 1
2	Талаевский курган 2, Крым (раскопки Н. И. Веселовского)	1	А. П. Манцевич, 1937, рис. 2, а	Эрм.	14, 8
3	Курган 416 в с. Журовка (раскопки А. А. Бобринского)	3	А. А. Бобринский, 1905а, стр. 80, рис. 5	—	14, 2
4	Курган группы «Частых» (раскопки А. А. Спиркина)	1	С. Я. Замiatин, 1946, стр. 32, рис. 18	Воронежский музей	—
5	Курган 11, там же, тех же раскопки	1	не падал	Воронежский музей	—
6	Курган 32 Бобринского могильника, (раскопки Е. А. Зноско-Боровского)	1	»	ГКИМ	—
7	Курган 3 у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самонясова)	1	»	ГКИМ	14, 7
8	Курган 2 у с. Мостюгино (раскопки Н. Е. Макаренко)	1	Н. Е. Макаренко, 1911, рис. 58, 1	Эрм.	—
9	Курган 3 там же, тех же раскопки	1	не падал	Эрм.	—
10	Б. Романский уезд Полтавской губ., случайная находка	2	»	ГКИМ	—
11	Курган 366 у с. Ташкино (раскопки А. А. Бобринского)	1	»	ГКИМ	—

ПЕРЕЧЕЬ НАХОДOK НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ II ОТДЕЛА 2-ГО ТИПА

№ п/п	Название памятника	Количество	Место извлечения	Место хранения	Табл., рис.	№ п/п	Название памятника	Количество	Место извлечения	Место хранения	Табл., рис.
1	Курган Чертомлык	1	не издад	Эрм.	14,8	21	Курган у с. Морян-цы	1	не издад	ГКИМ	—
2	Курган 2 Рядовые могилы (раскопки Н. И. Веселовского)	1	»	Эрм.	—	22	Курган 3, погребение 1 Бориспольского могильника под Киевом (раскопки ИА АН УССР, 1981 г.)	1	»	ИА АН УССР	—
3	Курган 19/21, погребение 2 Никопольского могильника	1	Б. Н. Граков, 1962, рис. 5, 1	Никопольский музей	—	23	Курган 6 того же могильника, тех же раскопок	1	»	ИА АН УССР	—
4	Курган 2, погребение 17 того же могильника	1	Б. Н. Граков, 1962, рис. 5, 4а	»	—	24	с. Софиевка Киевской обл. (раскопки Ю. Н. Захарука и Е. Ф. Лагодовской)	2	»	ИА АН УССР	—
5	Курган 6, погребение 1 того же могильника	2	Б. Н. Граков, 1962, рис. 5, 3а, б	»	—	25	Курган Рыкавонка (раскопки Г. Оссовского)	1	G. Ossowski, 1888, рис. 3	—	—
6	Курган 2 погребение 1 того же могильника (раскопки Б. Н. Гракова, 1945 г.)	2	по изданиям	—	—	26	Курган 7 у с. Курп-лома Винницкой обл. (раскопки Е. Ф. Лагодовской)	1	О. Ф. Лагодовская, 1956, стр. 18, рис. 3, 3	ИА АН УССР	—
7	Курган 16, погребение 2 у совхоза Аккермень на р. Молочной (раскопки М. И. Вязьмитина и др., 1980, стр. 165, рис. 40, б)	2	М. И. Вязьмитина и др., 1980, стр. 165, рис. 40, б	ИА АН УССР	—	27	Курган 12 группы «Частик» (раскопки ВУАР)	1	не издад	Воронежский музей	14,77
8	Курган 20, погребение 4 того же могильника, тех же раскопок	2	Там же, стр. 128, рис. 93, 1 (подробнее не приводятся)	»	—	28	Курган 1(2 той же группы (раскопки П. Д. Либровича, 1954 г.)	1	П. Д. Либрович, 1954, № 1024	»	—
9	Курган 11, погребение 2 у Солухи (раскопки Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой в 1962 г.)	2	не издад	Кафедра археологии МГУ	—	29	Курган у с. Владимировки Воронежской обл. (раскопки В. П. Шиловой, 1902 г.)	1	не издад	»	—
10	Тальевский курган 2 в Крыму (раскопки Н. И. Веселовского, 1881 г.)	1	»	Эрм.	—	30	Курган 3 группы «Пять братьев» у ст. Елизаветинской, на впадение Дону (раскопки В. П. Шиловой, 1954)	1	В. П. Шилов, 1954, № 1215	—	—
11	Курган 2 в Аксентидях	1	»	ГКИМ	14,7	31	Курган 1, там же, тех же раскопки	1	Там же	—	—
12	Курган 3, там же, тех же раскопки	1	»	ГКИМ	14,8	32	Курган 8 того же могильника, тех же раскопки 1959 г.	4	В. П. Шилов, 1959, № 1975	—	—
13	Курган у с. Волконцы Полтавской обл. (раскопки С. А. Мазарава)	1	»	ГКИМ	—	33	Курган у с. Хатмы на р. Удай Полтавской обл.	2	В. А. Ильинская, 1954, табл. 1, 8, 7	—	—
14	Курган 20 у Холодного Яра	2	А. А. Бобринский, 1887, стр. 121	ГКИМ	—	34	Курганы в Новоселках был. Липовицкого уезда	7	Swiatowit, V, 1904, 194, рис. 48, 90—93, 101, 103	—	—
15	Курган 62 у с. Тулицы (раскопки Звонско-Боровского)	1	не издад	ГКИМ	—	35	Из коллекции А. А. Бобринского, место находки неизвестно	1	не издад	ГКИМ	—
16	Курган 63 Бобринского (или Звонско-Боровского)	2	»	ГКИМ	—	36	Случайные находки в был. Ромешском уезде	2	»	ГКИМ	—
17	Курган 64, там же, тех же раскопки	1	»	ГКИМ	—	37	М. (Курсуш, случайная находка)	1	»	ГКИМ	14,10
18	Курган 484 у с. Маковица (раскопки Н. Е. Брендебургера)	1	»	Эрм.	—	38	Курган 385 у с. Такатно (раскопки А. А. Бобринского)	1	»	ГКИМ	14,9
19	Курган 489, там же, тех же раскопки	1	»	Эрм.	—						
20	Курган 6 у с. Борестяти	1	»	ГКИМ	—						

Наконечники копий первого варианта немного. Они характеризуются тем, что длина пера у них всего в 2,7—5 раз больше его ширины. Наиболее широкие пера у наконечника копья из кургана 4 у с. Новоселки (раскопки Бызловского). Длина его превышает ширину в 2,7 раза. У на-

конечника копья из кургана 3 группы «Пять братьев» из впадения Дона (раскопки В. П. Шиловой) длина пера превышает его ширину в 3 раза. В 3,6 раза длиннее больше ширины у наконечников копья из кургана у с. Владимировки и погребения 4 кургана 20 на земле совхоза Аккермень.

В 4 раза превышает ширину длина пера у копий из кургана 6 на Никопольском курганном поле. Отношение ширины к длине как 1 к 5 имеют наконечники копья из кургана 12 группы «Частых» курганов (табл. 14, 11).

Наконечники копий второго варианта (к их числу принадлежат все остальные из названных па табл. X) имеют перо, длина которого больше ширины в 6—12 раз. Среди них имеются сравнительно короткие наконечники (пемногом более 30 см), но преобладают те, которые имеют длину 38—51 см. Втулка у большинства наконечников короткая и только у некоторых, отличающихся от остальных меньшими размерами, она лишь немного короче пера (табл. 14, 5—10).

По времени наконечники копий обоих вариантов близки друг к другу. Наиболее ранние из них относятся к IV—V вв. до н. э. Это наконечники копий из курганов 2 и 3 у с. Асютинцы, из кургана у с. Хитцы на р. Удате¹⁸. Все остальные наконечники датируются IV и IV—III вв. до н. э.

Таким образом, наконечники копий 2-го отдела получают широкое распространение, начиная с конца V в. до н. э. В IV в. они почти полностью вытесняют двурольственные наконечники копий. Смена одних форм другими, вероятно, объясняется наибольшей эффективностью в действии копий, имеющих узкое и длинное острое перо.

За пределами Северного Причерноморья наконечники копий с узким листовидным пером без ребра были найдены в кургане Карагодеуцах на Таманском полуострове (10 экземпляров). Однако они отличаются от описанных меньшей длиной (16—18 см)¹⁹. Легкие наконечники копий с узким листовидным пером (длиной не более 25 см), часто по несколько экземпляров (4—7), известны в местных могильниках у ст. Пашковской²⁰ и Усть-Лабитской на Кубани²¹, которые датируются IV—III вв. до н. э.

Меньшая длина и более легкие пропорции кубанских наконечников копий как будто указывают на то, что здесь мы имеем дело с самостоятельным вариантом оружия скифского типа.

Наконечники копий с узким листовидным пером, близким к скифским по размерам, нередко встречаются в некрополях греческих городов²².

Отдельные находки таких же наконечников копий происходят из иллиро-фракийских погребений VI—V вв. до н. э. юга Румынии, исследованных Ал. Вульпе в Фериджеле²³ и Д. Берчу у с. Гогошу в Олтеши²⁴. Несмотря на близость к скифским, наконечники копий из могильников Румынии несколько отличаются от них по своим пропорциям. Скорее всего они восходят к местным галльским прототипам.

Относительно происхождения скифских наконечников копий второго отдела трудно сказать что-либо определенное. Отдаленными прототипами их можно считать наконечники копий с довольно узким и вытянутым пером предскифской поры, найденные в с. Бутенки. Однако отсутствие в раннескифских погребениях промежуточного звена заставляет думать, что наконечники копий с острым пером появились в V в. независимо от предскифских. Может быть, это произошло в результате поисков форм,

наиболее эффективных в действии, или в результате влияния иллиро-фракийского оружия. Возможно, что некоторую роль в этом сыграл греческий копья, которые, судя по изображениям, имели остроконечное перо.

Третий отдел объединяет всего четыре наконечника копий, происходящих из курганов разных районов Северного Причерноморья²⁵. Так же как наконечники копий второго отдела, они имеют прямые, сходящиеся к острому концу пера, но в отличие от последних, для которых характерен плавный переход от пера во втулку, перо резко переходит во втулку под тупым или почти прямым углом (табл. 13, 7—9). Перо в разрезе ланцетовидное, всегда без ребра. Общая длина наконечников копий этого отдела колеблется от 30 до 34 см, длина втулки от 10 до 15 см. Длина пера в 5—7 раз превышает его ширину. Все четыре наконечника датируются IV—III вв. до н. э. Очевидно, наконечники копий этого отдела были в употреблении в то же время, когда господствовали наконечники копий второго отдела. По своему происхождению наконечники копий третьего отдела связаны с Кавказом, где они в свою очередь появились из Закавказья. Там железные наконечники копий с пером в виде сильно вытянутого вверх треугольника, резко переходящим во втулку, типичны и восходят к местным бронзовым доспеховскому времени²⁶.

Особенно близки к найденным в Северном Причерноморье наконечники копий, происходящие из курганов IV—III вв. до н. э. у ст. Елизаветовский и Вороневской на Кубани (раскопки Н. И. Веселовского)²⁷, а также из местного могильника у ст. Пашковской²⁸. На Кубани эти наконечники копий встречаются вместе с копьями с узким листовидным пером.

Совершенно особую форму имеет наконечник копья из кургана 2 погребения 17 (раскопки 1935 г.) на Никопольском (табл. 13, 10)²⁹. Перо его четырехгранное, имеет форму правильной пирамиды. Наибольшая ширина пера 3,5 см при длине 28 см. Втулка с кольцом на нижнем конце имеет длину 10,5 см. Аналогичных копий в Скифии нам неизвестно. Б. Н. Граков предполагает, что эта форма копья была заимствована от греческих наконечников копий. Копья с четырехгранными наконечниками мы видим в руках греческих героев, изображенных на целом ряде краснофигурных греческих ваз. От изображенных там же копий с листовидными наконечниками они отличаются прямым обрезом нижнего края пера; это в свою очередь свидетельствует о том, что перо было четырехгранным, пирамидальным, следовательно, имело такую же форму, как и перо наконечника копья из раскопок на Никопольском.

Древние скифские копий в погребениях сохранились в незначительных обломках. Судя по форме втулки пера и подтоков, они были круглыми в сечении. Так как диаметр нижнего конца втулки наконечника копья обычно бывает равен диаметру верхнего конца подтока, то следует считать, что древко было цилиндрическим и имело диаметр 2—3,5 см. Однако известны случаи, когда диаметр верхнего конца подтока был на 0,5—0,6 см меньше диаметра нижнего конца втулки пера, т. е. древко копья постепенно

¹⁸ Курганы: 40 у с. Петуховка (раскопки М. Эберта, 1913, рис. 44; курган 20 у ст. Елизаветовской (раскопки А. А. Миллера, в 1909 г., А. А. Миллера, 1909, стр. 114, рис. 20, 2); курган 2. Рядовые могилы (раскопки Н. И. Веселовского) на мысе Днепр (Зрк.); курган XV и с. Новоселки (раскопки Бидловского). Swiatowit, V, рис. 105, 5.

¹⁹ Б. А. Куфтин, 1941, стр. 48, табл. XXXIV, XXXV, XLV, XLIX.

²⁰ На опубликованы, Зрк.

²¹ К. Ф. Смирнов, стр. 306, рис. 7, 8, 9, 18; 8, 7, 9.

²² Б. Н. Граков, 1902, стр. 106, рис. 5, 46.

¹⁹ В. А. Ильинский, 1954, стр. 68, табл. 1, 6, 7.

²⁰ А. Лаппо-Данилевский, В. Маммлерберг, 1894, стр. 54, рис. 31.

²¹ К. Ф. Смирнов, 1958, стр. 306, рис. 5, 2—5, 9—13; 10, 2.

²² Н. В. Анфимов, 1951, стр. 167, рис. 4, 12.

²³ В. В. Шкорняк, 1914, стр. 8, рис. 4.

²⁴ A. Vulpe, 1950, стр. 369, рис. 6, 1—3.

²⁵ D. Barcius и Eug. Comşa, 1956, стр. 430, рис. 155, 1—5, 7.

сужалось к концу³⁰. Так как уменьшение диаметра незначительно, то вряд ли можно предполагать, что это сделано с определенной целью, очевидно, здесь имеет место простая случайность. Однако наиболее тщательные наблюдения над скифскими скифскими копьями, возможно, уяснят количество таких случаев сужения древка копья к пясти копца. Тогда можно будет говорить о намеренном придавании древку копья такой формы, при которой центр тяжести находился возле наконечника копья. Это в свою очередь дает возможность для более определенного суждения о функциях копий, так как, несомненно, копья с центром тяжести, расположенным ближе к наконечнику, должны были служить в первую очередь для метания. Но, в сужаленно, такой работы пока провести нельзя, поскольку количество точно фиксированных находок наконечников копий и подтоков очень незначительно.

Трудно сказать, что-либо определенное и о породах дерева, употреблявшихся для древков копий, так как анализа остатков дерева, пахнущих во втулках и подтоках копий,迄今 не было произведено. Скорее всего скифы употребляли для древков копий, так же как для древков стрел, плотные породы дерева.

Третью часть скифских копий — подтоки — по форме, размерам и назначению (предохранять от повреждения лезвий копья древка) совершенно аналогична подтокам, найденным вместе с наконечниками дротиков. Поэтому на них я остановлюсь ниже.

Самым сложным вопросом является выяснение общей длины копий и тем более выяснение зависимости ее от разных форм наконечников. Количество случаев, когда в отчетах говорится об общей длине копий, невелико, так как даже там, где наконечник копья и подток сохранились *in situ*, измерение расстояния от наконечника до подтока сдвинуто далеко по земле. В большинстве случаев, когда эти замеры были произведены, длина копий была равна 1,75—2,20 м. Так, например, копье длиной 2,20 м отмечено А. А. Бобринским в кургане 453 у с. Турья Киевской обл.³¹ Длина копья из кургана 452 близ с. Копарки³² была 1,80 м; длина копья из кургана 487 у Златополя 2,12 м³³; 1,75 м — длина копья из кургана 419 близ с. Журовка³⁴; 1,85 м — длина копья из кургана 416 того же могильника³⁵; 1,80 м и 2,20 м — длина копий из Никопольских курганов³⁶.

Приблизительно такой же была длина греческих, персидских и других древних копий. Литвы у одного копья датируются, как отмечает Т. Сулимирский, были равны 3,5 м³⁷. Однако делать какие-либо далеко идущие выводы из этого одного случая не представляется возможным тем более, что наконечник этого копья принадлежит к 1-му типу первого отдела, т. е. датируется временем не позднее VI в. до н. э.; остальные же наконечники копий, общая длина которых примерно равна 1,75—2,25, принадлежат к типам, господствующим в более поздние времена. Это исключает возможность предположения об укорочении скифских копий с течением времени и тем самым превращении их в длинные штурмовые копья, аналогичные сарматским, изображенным в руках конных воинов в росписи боспорских склепов. Поэтому большое расстояние между на-

конечником и подтоком, отмеченное Т. Сулимирским, является просто случайным.

Есть отдельные указания на то, что наконечники копий находились в специальных футлярах, сделанных, подобно ножнам мечей и клинков, из дерева и кожи. Конец футляра иногда был бронзовым или железным, как на ножнах. Железная оковка конца футляра копья найдена в кургане 453 у с. Маевка (раскопки Н. Е. Брандбургера) (табл. 12, 1)³⁸. Она сделана из широкой железной пластины, между краями которой оставлена щель. Пластина была свернута таким образом, что наконечник имел форму усеченного конуса. Из футляра с таким наконечником остро копье должно было выходить наружу.

В кургане 408 в урочище Горятеево был найден литой бронзовый наконечник (табл. 12, 2). А. А. Бобринский считает его принадлежностью ножен меча, якобы усеченного грабительски³⁹. Однако, судя по размерам, этот предмет скорее всего был наконечником футляра одного из двух железных наконечников копий. Литой бронзовый наконечник от футляра для копья происходит из кургана у с. Ляховки, на Харьковщине (раскопки И. А. Заредного) (табл. 12, 3).

Бронзовые и железные оковки концов футляров для наконечников копий хорошо известны по находкам в так называемых скифских погребениях в Трахиллазиях⁴⁰ и франкских — в Болгарии⁴¹.

В заключение этой главы следует остановиться на функциях скифских копий.

К сожалению, основным материалом для суждения об этом служат только названные выше изображения. В большинстве случаев мы видим, что копье является копьем оружием конного воина или конного же охотника на хищников. Так, копьем пытается заколот противника конный скиф на гробе из Солохи, копыми же борются два конных скифа на золотой пластине, хранящейся в ГИМ. Копьем как копьем оружием действует всадник против пехотинца, изображенный на золотой пластине из Гермесовского кургана. Так же действует копьем конный охотник, представляемый на сосуде со сценами охоты из Солохи. Только конный скиф, изображенный охотящимся за зайцем на бляшках, найденных в Куль-Обе, действует копьем как метательным оружием.

Основываясь на том, что среди всех известных нам типов наконечников копий преобладают наконечники разных размеров, мы можем предположить, что копья с более короткими наконечниками употреблялись в первую очередь для метания, тогда как копья с массивными длинными наконечниками служили колющим оружием. Больше того, так как наиболее длинные наконечники копий были найдены главным образом в «царских» курганах, там, где имелись погребения полководцев или конского убора, можно считать, что копья с длинными наконечниками являлись оружием конных воинов-дружинников. Тем не менее при этом действии копьем, которым пользовались скифские всадники, был еще принятывшим. Как показывают изображения, всадник действовал главным образом силой руки, не используя силу движения коня, удара копья сверху, с размаху. Очевидно, это объясняется не столько отсутствием металлических стремян в упряжке скифских копий, сколько небольшим размером самих копий. Ведь у сарматских копий копья так же не были железными, а между тем изображенные на боспорских склепах сарматские конники действуют длинными копьями таким же

³⁰ Таласовский курган в Крыму. Курганы 416 между с. Журовка и с. Капитоновка (раскопки А. А. Бобринского, А. А. Бобринский, 1905а, стр. 80); курган 414 (там же, стр. 77).

³¹ А. А. Бобринский, 1906, стр. 5.

³² Там же, стр. 2.

³³ А. А. Бобринский, 1910, стр. 63.

³⁴ А. А. Бобринский, 1905а, стр. 82.

³⁵ А. А. Бобринский, 1906, стр. 80.

³⁶ Б. Н. Граков, 1962, стр. 90.

³⁷ T. Sulimirski, 1936, стр. 45.

³⁸ Н. Е. Брандбургер, 1908, стр. 127, Эри.

³⁹ А. А. Бобринский, 1905, стр. 31.

⁴⁰ М. Розка, 1837, рис. 8, 14.

⁴¹ И. Велков, 1932, стр. 19, рис. 18, 6.

образом, как, например, казавки действовали шишкой, т. е., пользуясь силой давления копья.⁴² Пошнее воины действовали копьями, по-видимому, так же как, коныи, т. е. употребляли их в качестве колющего или метательного оружия в ближнем бою.

ДРОТИКИ

Дротик встречается в скифских курганах гораздо реже, чем копья.

На территории Северного Причерноморья мне известно всего около 60 погребений, в которых были найдены дротики, в небольшом количестве случайных находок. Большинство дротиков происходит из местности, со среднего Днестра и среднего Дона. На южном Днестре и в Крыму они были обнаружены только в пяти курганах. Редко встречаются дротики в курганах у ст. Елгастинской, на южном Дону, нет их и в Мариупольском могильнике.

Обычно дротики находят в погребениях вместе с копьями. Мне известны всего четыре случая, когда в погребениях вместе с дротиками не были найдены копья (курган 42 Берестяговского могильника⁴³, курган 6 того же могильника⁴⁴, курган 480 у с. Каптановки⁴⁵, курган 6 группы «Частых»⁴⁶ курганов).

Количество дротиков бывает равно или больше количества копий, положенных при одном погребении. Лишь в трех курганах группы «Частых» курганов (курганы 11, 12⁴⁷ и 2⁴⁸), в кургане 2 у с. Рыжовки (раскопки Д. Я. Самарского)⁴⁹, в кургане «Ак-Буруз» в Крыму⁵⁰, количество дротиков превышало количество, положенных вместе с ними копий.

Скифские дротики, так же как и копья, состоят из трех частей: железного наконечника, древка и подтока (подток не обязательно).

Из коллекции ГИМ, Эрмитажа и ЛКИМ и по публикациям мне известно около 70 наконечников дротиков из 50 курганов. Большинство наконечников состоит из трех частей: пера, стержня, круглого или квадратного в разрезе, и втулки для всаживания на древко. Лишь три экземпляра, имеющие меньшую по сравнению с остальными длину, не имеют стержня.

Все наконечники дротиков имеют одну форму пера — жаловитую.

Общую форму составляют три коротких дротика, не имеющих более или менее длинного стержня между втулкой и пером, а состоящих только из втулки и пера (табл. 14, 12, 14). Остаток из таких дротиков происходит из кургана 478 у с. В. Будки⁵¹ Роменского у. Полтавской губ. второй — из Каменной могилы на южном Днестре⁵². По малым размерам (18 см) предположительно к этой же группе относятся наконечники дротиков из кургана 42 Берестяговского могильника⁵³. От прочих они отличаются не толь-

ко размерами и отсутствием стержня, но по большим размерами пера. Так, длина пера дротика из кургана 478 у с. В. Будки равна 8 см при длине наконечника дротика в 19 см. Длина пера дротика из Каменной могилы равна 15 см при длине наконечника в 25,5 см.

Вместе с дротиком в кургане 478 у с. В. Будки были найдены костяные посылы, стрелы архаических типов с копье с лавроватыми наконечником, с небольшим ребром посредине. На этом основании дротик может быть датирован временем не позднее середины VI в. до н. э. Таким же ратным предметом по-видимому вместе с ними архаические стрелы, вероятно еще первой половиной VI в. до н. э., датируется дротик из кургана 42 Берестяговского могильника.

К значительно более позднему времени относятся наконечники дротиков из Каменной могилы. Вместе с ними было найдено два копья, каждое из которых имело узкое, с длинным острием, «листовидное» перо, которые наиболее характерны для IV — III вв. до н. э.

Большинство наконечников дротиков, как уже было сказано, по своему строению близки друг к другу (табл. 14, 13, 15). Среди них можно выделить экземпляры, имеющие небольшую длину 23 — 26,5 см, но в отличие от остальных они имеют небольшое перо длиной в 5,5—6,5 см и втулку, но характерны для остальных наконечников, стержень между пером и втулкой, длина которого равнялась 7 — 8,5 см.

Таким наконечником мне известны из трех курганов: из кургана 6 Берестяговского могильника⁵⁴, из кургана 493 у с. Ишпыцы⁵⁵ и из смешанного греко-скифского погребения в кургане Ак-Буруз, в Крыму (пять экземпляров)⁵⁶. Остальные имеют длину больше 30 см (34,5—46 см). Из общей длины приблизительно 1/3 приходится на втулку, остальное на стержень и перо. Втулка всегда сужается сверху и плавно переходит в стержень, имеющий круглое или квадратное сечение.

Перо, как уже было сказано выше, жаловитое, очень часто неспиральное (они могут быть односторонне, другой длиннее). Длина пера варьирует в пределах 1 : 2,5—1 : 8 общей длины наконечника. Большую длину пера имеют главным образом наконечники дротиков из «Частых» и Мастюжских курганов⁵⁷ — 1 : 2,5—1 : 3,5. К ним близки наконечники дротиков из кургана 2 у с. Анютинки (раскопки Мазаракли) (1 : 2,5) и из кургана близ Дарьевки (раскопки Абзая) (1 : 3)⁵⁸.

Большой длиной всего наконечника (53 см) и малой длиной пера (4 см) от прочих отличается дротик из Чертомлыки. Отношение между длиной пера и длиной остальной части наконечника выражается как 1 : 12. Длина втулки равна 12 см (табл. 14, 13).

Диаметр втулки наконечников дротиков близок к диаметру втулки наконечников копий и равен 3—2,5—2 см. Так же как и на втулках копий, на втулке дротиков иногда залучено кольцо. Древки дротиков так же неизвестны, как древки копий.

Общая длина дротика, по-видимому, была близка к длине скифских копий. Она измерена только в одном случае, в кургане 487 у Каптановки, и равна 2,12 см⁵⁹.

Подтоки дротиков мало известны. Известные нам имеют те же формы и размеры, что и подтоки копий.

⁴² М. И. Ростовцев, 1913, табл. LI, LXV.

⁴³ А. А. Бобринский, 1901, стр. 18.

⁴⁴ Там же, стр. 18.

⁴⁵ А. А. Бобринский, 1910, стр. 57.

⁴⁶ С. Н. Замiatина, 1948, стр. 30.

⁴⁷ Там же, стр. 40 (по одному копы и два дротика).

⁴⁸ Там же, стр. 20 (три копы и шесть дротиков).

⁴⁹ Д. Я. Самарский, 1908, стр. 54.

⁵⁰ ОАК за 1875—1876 гг., стр. 7 (пять дротиков и одно копы).

⁵¹ Н. Е. Брандбург, 1908, стр. 151.

⁵² Л. С. стр. 73, Эрм.

⁵³ А. А. Бобринский, 1901, стр. 118 (дротик не сохранился).

⁵⁴ А. А. Бобринский, 1901, стр. 110.

⁵⁵ Н. Е. Брандбург, 1908, стр. 13 д. Эрм.

⁵⁶ ОАК за 1876 г. Атлас, табл. II, 74.

⁵⁷ С. Н. Замiatина, 1946, стр. 40, рис. 8, 3.

⁵⁸ Н. Е. Мазаракли, 1911, стр. 53, рис. 58, 3, 4.

⁵⁹ А. А. Бобринский, 1894, табл. XV, 3.

⁶⁰ А. А. Бобринский, 1910, стр. 71.

Датируется большинство наконечников дротиков со старшими временем «царских» курганов нижнего Приднестровья, т. е. IV—III вв. до н. э. Только несомненно относится еще к V в.: это дротик из кургана, раскопанного Фундуклеем в 1845 г. между Ромейниной и Петриковской Бродицкойского района Киевской обл.⁴¹ Среди прочих вещей вместе с дротиком были найдены пухлогортая амфора и довольно широкое в основании трехгранное опорушувальное стрелы, которые и определяют дату этого погребения (первая половина V в. до н. э.).

Концом V—IV в. до н. э. датируются дротики из кургана 3 в с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самохвалова) и из кургана 2, откуда же (раскопки Мазаракис), из курганов 8 Берестяговского могильника и 6 группы «Частых» курганов. К середине IV принадлежат дротики из Талавского кургана.

Остальные экземпляры относятся ко второй половине IV—III вв. до н. э. Это дротики из «Частых» курганов 2, 11, 12, Мостюгинских курганов, из кургана 487 у с. Капитановка, кургана 2 Богодуховского у. Харьковской губ. (раскопки Багалей), из кургана 493 у с. Ильшицы, из кургана 487 в с. Макаевка, о датировке которых этим временем было сказано уже выше.

Вместе с дротиком в кургане Ак-Вурун, в Крыму, была найдена монета Александра Великого и амфора конца IV в. до н. э.

Таким образом, по сравнению с короткими дротиками, с длинным пером и неразветвленным стержнем, эти дротики являлись более поздними. Следовательно, первые могут быть прототипами вторых. В процессе развития наконечник дротика увеличивается в длину, благодаря этому центр тяжести перемещается к острию, а это делало дротик более эффективным в действии против воинов, вооруженных щитами.

Вопрос о происхождении дротиков вряд ли может быть окончательно разрешен в настоящее время. Прототипов среди оружия, встречающегося на нашем юге в предскифское время, нет. Нет их и на западе, в области распространения галльско-латинской культуры. На Древнем Востоке дротики, близкие к скифским архаическим, встречаются, но представляют собой очень редкое явление. На ассирийских и персидских рельефах эта форма оружия не представлена. В областях, соседних со Скифией, дротики известны только в курганах Прикубанья, датирующихся IV—III вв. до н. э. (курганы Ульского аула, раскопки Н. Веселовского, 1909—1910 гг.).⁴² Поэтому представляется наиболее вероятным считать эту форму оружия местной по происхождению. Учитывая при этом, что она была распространена преимущественно в районах лесостепного Северного Причернозья, можно думать, что местом их происхождения были именно эти области.

Наблюдаемое с конца V — начала IV в. до н. э. более широкое распространение дротиков свидетельствует о возросшей потребности в оружии ближнего боя, сильного в борьбе с щитопосной пехотой.

ПОДТОКИ

О подтоках скифских копий и дротиков можно сказать лишь очень немногое. Представляли собой второстепенную часть этого оружия, не имевшую серьезного значения в действии, подтоки в течение всей скифской эпохи остаются неизменными. Наиболее обычной формой скифских подтоков следует считать цилиндрические трубки, имеющие незамкнутый или реже замкнутый нижний конец (табл. 13, 16). Длина их колеблется в пределах 5—20 см, диаметр — в пределах 1, 5—3 см. Подтоки этой формы господствовали на территории нижнего Приднестровья, крымской Скифии, а также в областях среднего Приднепровья (Киевщина и Полтавщина). Редкое явление они представляют на среднем Дону. В этих областях Скифии наряду с цилиндрическими подтоками встречаются и цилиндрикоконические, несомненно отличающиеся от первых (табл. 13, 16). Реже употреблялись конические подтоки (табл. 13, 11, 14).

Особенностью памятников среднего Дона являются подтоки рюмкообразной формы (табл. 13, 12, 13). В Мостюгинских и «Частых» курганах они представляют собой обязательную находку при копьях или дротиках. В курганах степной Скифии подтоки рюмкообразной формы совсем не встречаются, а из среднего Приднепровья они известны только несколько таких подтоков.⁴³ Длина их 7—13 см. Диаметр такой же, как у приведенных выше.

Все подтоки железные, кованные на одного листа. Только в кургане 101 Золотоношского района Полтавской обл. (раскопки Зноско-Боровского) были найдены два копия с бронзовыми латыми подтоками.⁴⁴

Кроме названных форм скифских подтоков, несомненно местного происхождения, в Скифии были найдены два подтока других форм. Один из них происходит из Старшей Могилы. Он имеет цилиндрическую втулку, к которой примыкает массивный наконечник в виде вытянутого треугольника. Д. Я. Самохвалов, а за ним В. А. Ильинский⁴⁵ принимали этот предмет за наконечник копья своеобразной формы. Но отсутствие пера и колющего острия делали его непригодным ни для метания, ни для нанесения колющего удара. Так как близкие к этому подтоку представляют собой обычную находку на территории Закавказья⁴⁶, мы можем предположить, что подток из Старшей Могилы происходит из этой области.

Второй подток типично латинский — конический, с черешком был найден при раскопках на Каменском городище.⁴⁷

⁴¹ А. А. Бобринский, 1901, табл. II, 7. Два подтока рюмкообразной формы неизвестного происхождения хранятся в ГИИМ.

⁴² А. А. Бобринский, 1901, стр. 143, табл. XVII, 1.

⁴³ В. А. Ильинский, 1951, табл. 1, 8, стр. 204.

⁴⁴ А. Каламандзе, 1953, табл. IX, 10, 11, 14.

⁴⁵ В. Н. Гравков, 1954, стр. 128, табл. XVII, 2.

⁴¹ Фундуклей, 1848, стр. 12, табл. XVII.

⁴² ОАК за 1909—1910 гг., стр. 156.

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ

Упоминания меча-аккиака в связи со скифами у античных историков встречаются неоднократно¹. Однако большая популярность этого оружия по сравнению с другими видами скифского вооружения объясняется использованием скифами аккиака в религиозных и ритуальных целях. Мечу, как символу бога войны, скифы приносили кровавые жертвы. Вполне реалистические изображения мечей переданы на каменных изваяниях скифов-воинов, обнаруженных в различных районах собственно Скифии и распространения скифской культуры (табл. 5). На провозведении греческих торсотов со сценами из скифской жизни изображены аккиаки встречаются сравнительно редко. Только на гробнице и обелиске горняка из Солохи мы видим в греческом воспроизведении скифские мечи, которыми борются в рукопашных схватках пешеходы и спешащиеся воины (табл. 4, 1, 2; 10, 8).

Мечи и кинжалы в скифских курганах встречаются значительно реже, чем наконечники стрел или наконечники копий. Обязательную находку меч или кинжал представляет только в «царских» погребениях и в погребениях более или менее богатых воинов, причем в Чертомлыцком кургане² и Солохе³, т. е. в сохранившихся лучше других царских курганах, при основных погребениях было найдено по несколько мечей. В двух богатых погребениях среднего Приднепровья было найдено по мечу и кинжалу (Старшая Могила⁴) и в кургане 13 у с. Кирпиковка (раскопки Е. Н. Мельника)⁵. Погребения рядовых воинов с мечом или кинжалом (то и другое одновременно в рядовых курганах не встречено) представляют сравнительно редкое явление. В раннескифское время находки этого вида оружия в рядовых могилах единичны, но к IV—III вв. до н. э. количество погребений с мечами и кинжалами заметно увеличивается. На этом основании мы можем предположить, что с течением времени возрастает значение этого вида вооружения в скифском военном обиходе. Однако и в IV—III вв.

до н. э. мечи и кинжалы не имели столь широкого применения, как лук со стрелами или копья.

Гораздо чаще, чем у скифов, встречаются мечи в сарматских погребениях. Как показывал К. Ф. Смирнов, меч в сарматском вооружении занимал второе место вслед за луком со стрелами. В Поволжье и Приуралье мечи встречаются не только в отшельнических богатых сарматских могилах, но очень часто в могилах рядовых общинников⁶. Скорее всего это обстоятельство объясняется тем, что меч был почти единственным оружием ближнего боя: ведь копья в противях сарматы почти не употребляли.

Сохранность мечей и кинжалов из погребений, как правило, низкая. Обычно сравнительно хорошо сохраняются только рукоятки, тогда как клинки в большинстве случаев дошли до нас в обломках. Поэтому не всегда возможно бывает определить, где мы имеем дело с мечом, а где с кинжалом, так как по размерам и форме рукояток тех и других шлем не различаются. Наибольшее количество находок целых мечей и кинжалов позволяет считать, что кинжалы имели длину от 17 до 40 см. Длина большинства мечей от 50 до 70 см, кроме того, известно 15 экземпляров длиной от 70 до 80 см.

Общим признаком для скифских мечей и кинжалов является то, что все они (за исключением двух бронзовых) железные, кованые. При этом клинок и стержень рукоятки выкованы из одного куска металла. Все они обязательно имеют перекрестие, обычно также железное, напускное и приваренное, назначение которого — предохранить руку от ранения — совершенно очевидно.

Навершие также обычно было железным, наваренным сверху на стержень рукоятки. Известно лишь несколько экземпляров мечей с бронзовой литой рукояткой или с железной рукояткой, но бронзовым навершием или перекрестием.

Большинство скифских мечей и кинжалов имеет двусторонние клинки, треугольные, более или менее вытянутые или с почти параллельными лезвиями и короткими острями. Но наряду с ними есть и односторонние мечи и кинжалы.

На изменчивость рукояток скифских мечей и кинжалов уже обратил внимание М. И. Ростовцев⁷, положение кото-

¹ Геродот, IV, 62, 70. ВДН, 1947, № 2, стр. 270; Лукан, Самосотский, Токсарис или дружба, ВДН, 1948, № 1, стр. 304; Клавдий Александровский, ВДН, 1948, № 2, стр. 281; Арриан, Против ямных, ВДН, 1949, № 3, стр. 251.

² ДТО, стр. 112, 113.

³ Н. И. Веселовский, 1913—1915, стр. 106.

⁴ П. Я. Сажоков, 1908, стр. 99.

⁵ Е. Н. Мельник, 1905, стр. 638.

⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 9.

⁷ М. И. Ростовцев, 1916а, стр. 55.

рого и дальнейшем развил В. Гиптис⁴. Знакомство с неподанным материалом, неизвестным М. И. Ростовцеву и В. Гиптису, позволяет несколько расширить и дополнить классификацию скифских мечей, сделанную ранее, и, таким образом, представить все разнообразие их форм и последовательность эволюции.

Всего по коллекциям Эрмитажа, ГИМ, Империальского музея, Киевского исторического музея и по изданиям в ответах к отдельным работам мне известно около 100 экземпляров мечей и кинжалов сравнительно хорошей сохранности. В предлагаемой ниже классификации мечи и кинжалы делятся по форме на две группы: 1) с прямыми наконечниками, брусковидными или овальными; 2) с антеципными наконечниками, простыми или заостренными. Типы внутри каждого отдела выделяются по форме перекрестия. В том и другом отделе имеются мечи с почковидными, бабочковидными и ланцетовидными перекрестиями. Кроме того, в каждом отделе имеются по несколько экземпляров мечей с перекрестием своеобразной формы. Причем, так же как среди наконечников мечей, среди мечей, объединяемых в один тип, нет абсолютного единства. Если принять во внимание золотые обкладки рукояток мечей, найденных в богатых погребениях, а также украшения, имеющиеся на болох скромных экземплярах и другие особенности, то можно сказать, что почти каждый экземпляр, входящий в тот или иной тип, представляет собой особый вариант.

I ОТДЕЛ

1-й тип. Мечи с прямыми брусковидными наконечниками и почковидными перекрестиями (табл. 15). Из курганов Северного Причерноморья и по случайным находкам известно 16 мечей и кинжалов с такой рукояткой (табл. XI). Этот тип характеризуется прямыми наконечниками в виде узкого или более широкого бруска, длина которого может лишь немногим превышать ширину стержня рукоятки (Старшая Могила, Рыжовка) или быть значительно шире его (меч из кургана 13 близ с. Курдюков).

Рукоять обычно разделена на три части так, что по краям образуются рельефные бортики, рисок — гладкая. Перекрестие довольно массивное, по форме напоминает почку, обращенную округлой стороной к стержню рукоятки. Клинок двух форм: а) с параллельными лезвиями, сужающимися к последней трети клинка; б) в виде треугольника. В разрезе клинки ланцетовидные или в виде вытянутого ромба. Мечи имеют разную длину. Самым длинным является меч из Старшей Могилы (75,58 см). Длина остальных мечей этого типа колеблется в пределах 40—60 см. Ширина клинков 3—4 см. Среди перечисленных экземпляров только три можно считать кинжалами (из кургана 77 у с. Курдюков, случайная находка в окрестностях Киева, случайная находка у с. Верхнее Салтово). Длина их колеблется в пределах 30—31,5 см. Кинжал, найденный в окрестностях Киева, в отличие от всех остальных имеет хорошо заметное ребро на клинке (табл. 15, 9).

Особый интерес представляет меч из кургана 2 у Райгородка. Он имеет железный клинок, выкованный вместе со стержнем рукоятки. Перекрестие, оправа рукоятки и наконечник литейные, бронзовые (табл. 15, 3). Железный стержень заполняет прорез, имеющийся в бронзовой оправе рукоятки, конец железного клинка вставлен в прорез бронзового перекрестия. Сочетание бронзовой рукоятки и

железного клинка характерно для мечей предскифской эпохи Кавказа и среднего Приднепровья⁵. В скифское время на основной территории распространения орудия скифского типа бронзовые рукоятки для железных мечей не типичны. В Северном Причерноморье известны еще одна бронзовая рукоять и одно бронзовое наконечник, принадлежащие железным мечам другой группы. На савроматской территории известен только один меч с бронзовой рукояткой⁶. В отличие от райгородского меча с савроматской территории имеет бабочковидное перекрестие. К. Ф. Смирнов и А. И. Шкурко считают савроматский меч одним из самых ранних мечей скифского типа и датируют его временем не позже второй половины VII в. до н. э.⁷ Райгородский меч по форме рукоятки с наконечником и перекрестием вполне может считаться одним из самых ранних мечей с почковидными перекрестиями. Однако найденный вместе с ним в погребении черепашковом клинок не позволяет относить эту находку ко времени ранее середины VI в. до н. э.⁸ Несколько необычным является наконечник меча из Старшей Могилы (табл. 15, 8). От остальных он отличается тем, что концы его слегка опущены вниз.

Золотая богато украшенная обкладка рукоятки и ножен делает своеобразным аксессуар из кургана у хутора Шумейко (табл. 15, 6). Характер орнамента на треугольниках, сделанных зерном на рукоятке и наконечнике ножен, свидетельствует о том, что меч был сделан в одной из греческих мастерских Северного Причерноморья, работавших по скифскому заказу.

Судя по курганным комплексам, мечи и кинжалы с брусковидными наконечниками и почковидными перекрестиями были в употреблении главным образом во второй половине VI в. до н. э. Эта датировка подтверждается находками пяти таких аксессуаров в погребениях второй половины — конца VI в. до н. э. в архаическом некрополе Олшанки⁹. Однако появились они, вероятно, несколько раньше. Об этом свидетельствует находка длинного (88 см) меча с брусковидными наконечником и почковидными перекрестием, близкого по форме рукоятки и клинка к мечу из Старшей Могилы, сделанная Б. Б. Пиотровским в Кармир-Блуре. Этот меч датирован концом VII — началом VI в. до н. э.¹⁰ Там же как некоторые наиболее ранние мечи с бабочковидными перекрестиями, он имеет небольшую петлю на рукоятке под наконечником. К VII—VI вв. до н. э. относится кинжал из кургана 77 у с. Курдюков.

К этому же типу мечей и кинжалов следует отнести два бронзовых кинжала из Киевского музея. Один из них найден случайно у с. Тимоновки Киевской обл.¹¹ Он имеет узкое брусковидное наконечник, рукоять с бортиками по краям, широкое почковидное перекрестие с глубоким вырезом клинкового края и треугольный клинок, ромбический в разрезе. Явная заимствование всех деталей формы от типичных скифских железных аксессуаров с почковидными перекрестиями и брусковидными наконечниками не позволяет считать этот кинжал наиболее ранним из всех тех, которые отнесены нами к этому типу. Скорее всего он может быть датирован тем же временем, что и большинство названных выше — VI в. до н. э.

⁴ В. Н. Гравков, 1953, стр. 5; А. И. Терсенович, 1957, стр. 55.

⁵ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 11, рис. 1, 4.

⁶ Там же, А. И. Шкурко, 1962, стр. 100.

⁷ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 479.

⁸ В. М. Скуднова, 1960, стр. 62, рис. 2, 1—4.

⁹ Б. Б. Пиотровский, 1959а, стр. 177.

¹⁰ А. А. Бобринская, 1901, стр. 146, табл. XI, 5.

¹¹ W. Ginters, 1928 (для нас важна только первая часть работы, посвященная скифским мечам и кинжалам).

Таблица XI

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОК МЕЧЕЙ И КИЖАЛЫХ I ОТДЕЛА I-ГО ТИПА

№ п/п	Пояснение памятника	Место находки	Место хранения	Табл., рис.
1	Курган 2 у Райгорода	Б. И. и В. Н. Хановичи, 1900, табл. XXXVIII, 168.	ГКНМ	15,3
2	Случайная находка в окрестностях Чаптырива	не издав	ГКНМ	15,4
3	Курган 77 у с. Курлиновка	"	ГКНМ	15,10
4	Случайная находка в окрестностях Кизва близ Зеленого сада	"	ГКНМ	15,9
5	Случайная находка в с. Журовка	"	ГКНМ	15,7
6	Случайная находка в окрестностях Чаптырива	"	ГКНМ	15,6
7	Случайная находка, место неизвестно	"	ГКНМ	—
8	"	"	ГКНМ	15,2
9	"	"	ГКНМ	—
10	Курган 8 погребение 8 у с. Курлиновка Харьковской обл. (раскопки Е. Н. Мельник)	Г. Т. Ковпаненко, 1961, стр. 75, рис. 4, 77	—	—
11	Курган 13, там же, тех же раскопки	Е. Н. Мельник, 1905, стр. 688, рис. 131	—	—
12	Курган 5 у с. Рынаковка	не издав	ГНМ	15,11
13	Курган Старшая Могла у с. Аксютинцы	В. А. Лилинская, 1951, табл. I, 1	ГНМ	15,8
14	Курган у хут. Шумбино	Б. И. и В. Н. Хановичи, 1900, табл. XLV	ГКНМ	15,0
15	Случайная находка у с. Сергеевка Воронежской обл.	не издав	ГНМ	—
16	Случайная находка у с. Верхнее Салтово	П. Д. Либера, 1962, стр. 35, рис. 6	ГНМ	—

Второй бронзовый кияжал известен только по рисунку Б. З. Рабиновича. Он имеет широкое оваловое навершие, рукоять с бортиками по краям и довольно массивный клинок с параллельными лезвиями, сходящимися к острию в последней трети длины. Посредняя клинка проходит широкая нервюра. По обеим сторонам рукояти расположены рельефные изображения стоящих один за другим животных, по всей вероятности, оленей и хитщиков. А. И. Тереножкин сравнивает эти изображения с резной костью, найденной В. В. Хвойко в кургане у с. Жаботино, и на этом основании датирует бронзовый кияжал VII—VI вв. до н. э.¹⁶ Однако такое сравнение мне представляется не убедительным. Переданные весьма схематично в рисунке Б. З. Рабиновича изображения не могут быть решающими при датировке бронзового кияжала. По форме перекрестия кияжал ближе всего к кияжалам из Шумбики и Феттерсфельде. По форме навершия, копья которого слегка опущены вниз, он близок к мечу из Старшей могилы. Эти сопоставления не позволяют датировать кияжал временем ранее середины VI в. до н. э. За пределами интересующей нас территории близкие к описанному мечу и кияжалы были найдены в небольшом количестве, но в разных районах. На Кавказе, помимо упомянутого выше длинного меча из Кармир-Блур, известен еще кияжал из гробницы IX Каррагского могильника¹⁷. Вместе с ними найдены двулопастные железные стрелы, обычные для скифской археологии, и бронзовый браслет, которые позволяют датировать этот кияжал VI в. до н. э.

С савроматской территории превосходят только два меча с брусковидным навершием и почковидным перекрестием¹⁸. По аналогии со скифскими они датированы К. Ф. Смирновым VI в. до н. э. Два коротких кияжала известны по могильникам аварино-псковской культуры¹⁹. Отдельно находки железных мечей с почковидным перекрестием и брусковидным навершием сделаны на территории городской культуры²⁰. Ближайшие к описанным бронзовые кияжалы имеют место среди находок Мишустинской котловины²¹ и Казахстана²². Однако последние по некоторым деталям отличаются от скифских.

Короткие мечи или кияжалы с брусковидным навершием и почковидным перекрестием известны и к западу от Скифии. Они представляют довольно обычную находку в Трансильвании и Венгрии²³. Большинство их местного происхождения, имели несколько отличные от скифских рукояти и лезвия. Последние часто были однолезвийными. Тем не менее заимчивость их от скифских форм совершенно очевидна. Некоторые кияжалы были найдены вместе с архайскими скифскими стрелами и поэтому могут быть датированы VI в. до н. э.

Самой знаковой находкой является рукоять меча с золотой обкладкой и золотой же обкладкой ножен на Фет-

¹⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 10, рис. 1, 2, 3.

¹⁷ А. В. Збруева, 1952, стр. 100, табл. XXI, 6, 8.

¹⁸ Д. И. Гуляев, 1961, стр. 263, рис. 2, 1—6.

¹⁹ С. Мельник, 1928, стр. 40, табл. IV—V.

²⁰ М. П. Грязнов, 1958, стр. 122, рис. 3, 5; С. С. Черняков, 1951, стр. 155, рис. 2.

²¹ W. Gintler, 1928, табл. 13, б, с; 14, б; М. Попова, 1937, рис. 7, 12; А. Болтунов, 1955, табл. XXXIV, 9, 10.

¹⁶ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 136, рис. 90, 2.

¹⁷ Д. Я. Сажоков, 1908, стр. 127, ГНМ.

Таблица XII

ПЕРЕКРЕСТЬЕ НАХОДОК МЕЧЕЙ И КИЖАЛОВ I ОТДЕЛА 2-ГО ТИПА

№ п/о	Название памятника	Место издания	Место хранения	Табл., рис.
1	Курган 425 у с. Кулешовка (раскопки Н. Е. Брандтабурга)	не издан	Эрм.	16,8
2	Курган 504 у с. Браварки, там же раскопки	В. А. Ильинская, 1957, рис. 2, 1.	Эрм.	—
3	Мельгуновский курган	Е. М. Придяк, 1911, рис. 2.	Эрм.	17,2
4	Келермесский курган	Б. Б. Пястровский, 1959, табл. LIII	Эрм.	17,1
5	Курган 2 Накопского могильника	не издан	Накопский музей	—
6	Курган 27 Казаровского могильника	»	ГКИМ	—
7	Случайная находка близ с. Сухино Киевской обл., дар Яржибовского	»	Эрм.	16,2
8	Случайная находка у с. Грушевка неизвестного происхождения	»	ГКИМ	10,4
9	Случайная находка близ Смелы из собрания А. А. Бобринского	»	ГКИМ	16,1
10	С. Беспечное на Уманщине	»	ГКИМ	16,15
11	Случайная находка близ с. Прусы	Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. II, 60	»	—
12	Из собрания А. А. Бобринского	не издан	ГКИМ	16,7
13	Курган Томаковка, или Острая могила (раскопки Забелина)	ДТС, стр. XXVI, рис. 16	Эрм.	16,6
14	Курган Старшая могила у с. Амшуты	В. А. Ильинская, 1951, табл. I, 3	ГИМ	16,3
15	Курган у с. Дарьевка и Василькова	А. А. Бобринский, 1894, табл. XV, 7	ГКИМ	—
16	Случайная находка на Бельском городище	не издан	»	—
17	Курган 1 у с. Маневка	Е. Покровская, 1949, табл. II, 6	»	—
18	Случайная находка из Ромежского уезда	Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. II, 63	»	—
19	Случайная находка у с. Волковы	там же, табл. II, 60	»	—
20	Случайная находка в Бахмутском уезде	А. И. Шкурко, 1962, стр. 98, рис. 1, 2	ГИМ	—
21	Из коллекции ГИМ	там же, рис. 3	»	—

терсфельда²⁴. По форме перекрестия и стилизации орнамента эта рукоять близка к рукояти меча из кургана в Шумейке. Судя по форме золотой обкладки ножен, клинок Феттерсфельдского акнака имел ту же треугольную форму, что и меч из Шумейки. Датируют находки в Феттерсфельде исключительно по стилизации орнамента вещей концом VI — началом V в. до н. э.

2-й тип. Мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (табл. 16, 1—8).

Всего, мне известен 21 экземпляр (табл. XII) таких мечей, найденных в курганах Северного Причерноморья. Некоторые из них, правда, входят сюда условно, так как их навершия не сохранились (кинжал из Старшей Могилы, рукоять Томаковского меча). Отличительным признаком этого типа является наличие массивного широкого перекрестия в виде раскрытых или полураскрытых крыльев бабочки. Навершие в виде довольно широкого и сравнительно короткого бруска, длина которого лишь незначительно превышает ширину стержня рукояти. Стержень рукояти чаще имеет бортики по краям, иногда рифленые или реже гладкие. Клинки, которые более или менее хорошо сохранились лишь в нескольких экземпля-

рах, так же как клинки мечей и кинжалов 1-го типа, двух форм: а) с параллельными на большей части длины лезвиями (Кулешовка 425, Томаковка), ширина клинка в 4,5 см и б) в виде треугольника. Причем клинки последней формы далеко неодинаковы по своей массивности. Очень широкие и сравнительно короткие клинки были у кинжалов из Старшей Могилы и из кургана 504 в с. Браварки (ширина клинка у перекрестия кинжала из Старшей могилы равна 7,5 при общей длине его 31 см). Более узкие и длинные, но также треугольные, клинки у мечей из дара Яржибовского и у кинжалов, опубликованных Б. И. и В. Н. Ханенко (ширина их около 5 см). Клинки в поперечном разрезе или лезвиевидные, или в виде вытянутого ромба, т. е. раскованы на два ската²⁵.

Общая длина целых мечей этого типа колеблется в пределах 55—58 см (60 см у меча из кургана 425 в с. Кулешовка, 64,5 см — одного меча из дара Яржибовского и 55 см другого оттуда же, 58 см для меча, найденного в с. Браварки). Длина кинжалов была 30—40 см. Из этой общей длины на рукоять приходится 12—14 см.

Как особый вариант описанного типа можно рассматривать мечи и кинжалы с прямыми брусковидными

²⁴ Хорошо сохранившийся кинжал длиной 31,3 см из с. Мошарышкова Воронежской обл. недавно опубликован А. С. Демядовой. А. С. Демядова, 1964, стр. 202, рис. 1.

²⁵ Издана много раз. Основное издание: A. Furtwängler, 1912, табл. 16, 2.

навершьям и сердцевидным перекрестьям. Они отличаются лишь тем, что имеют округлые очертания боковых сторон крыльев перекрестья. Таких акинаков в Северном Причерноморье известно несколько: это кинжалы из с. Дарьска (точное место находки неизвестно)²⁶, случайная находка с Бельского городища²⁷, три рукоятки мечей или кинжалов, место находки которых неизвестно²⁸, меч из кургана 1 у с. Макаевка²⁹.

Отличается от остальных в деталях формы рукоятки и главным образом по орнаментации ее золотой обкладки и обкладки ножен короткий меч из Мельгуновского кургана³⁰ (длина его 57 см). Почти полную аналогию ему представляет также короткий меч из Келермеса³¹ (табл. 17, 1, 2).

Смешанный древневосточный и скифский стиль украшения рукоятки и ножен этих мечей заставил исследователей по-разному смотреть на место их производства.

М. И. Ростовцев считал их произведением греческих или вавилонских мастеров, приспособившихся к вкусам и задачам скифских заказчиков³². Эту точку зрения безоговорочно воспринял и В. Гинтерс³³. Наиболее вероятной, однако, представляется гипотеза Б. В. Пнотровского, который считает, что эти мечи были сделаны скифскими мастерами под влиянием образцов урартского искусства или же сделаны для скифов в казахских районах, где урартская культура была еще жива³⁴.

Большинство мечей, найденных в курганах, относятся к архаическому эпохе. Началом VI в. до н. э. датируются мечи из Мельгуновского и Келермесского курганов; к середине VI в. до н. э. относится кинжал из Старшей могилы Рубежном VI—V вв. или началом V в. до н. э. принято датировать золотую обкладку рукоятки из Томасовки. К этому же времени можно отнести меч из Кургана 425 в с. Кулешовка.

Только три меча относятся к более позднему времени (из кургана 2 первой группы Никополюнского курганного поля, кургана 1 у с. Макаевка и кургана 504 в с. Бразарки). По стрелам и наконечникам копий меч из кургана в с. Бразарки может быть датирован или концом V или началом IV в. до н. э.³⁵ Ближе к нему по времени меч из кургана 1 в с. Макаевка³⁶. К несколько более позднему времени относится меч из Никополюнского кургана³⁷.

Возможно, что кинжалы, опубликованные Б. И. в В. Н. Ханенко, и меч из дара Ярмивовского также относятся к несколько более позднему времени, чем большинство происходящих из курганских комплексов. Они имеют менее массивные перекрестья, приближающиеся по своей форме к ложно-треугольным перекрестьям мечей и кинжалов следующего 3-го типа.

Итак, мечи и кинжалы с прямыми навершьям и бабочковидным перекрестьям появляются в Скифии, судя по Мельгуновскому мечу, в начале VI в. до н. э. Временем их наиболее широкого распространения был VI — первая половина V в. до н. э., позднее они продолжают встречаться, но не являясь господствующими, прямым перекрестья их теряют четкость формы предшествующих.

За пределами рассматриваемой территории мечи и кинжалы этого типа известны достаточно широко. Они найдены в некрополях греческих городов Северного Причерноморья, на Липсоре³⁸ и в Ольвии³⁹. Дополняли много их на Кавказе. Так, кроме упомянутого келермесского акинака, с территории Кавказа происходит несколько экземпляров близких к описанным выше. Таковы кинжалы из Нестеровского могильника и из кургана близ Кашкетая, а также случайные находки близ р. Сухожо⁴⁰. Аналогичный кинжал был найден в Каррасском могильнике, на Чеснок горе (гробница VIII)⁴¹. Железный меч с брусковидным навершьям и бабочковидным перекрестьем происходит из могильника близ г. Минеральные Воды⁴². К тому же типу мечей и кинжалов можно отнести мечи из Лутовского могильника⁴³. Они имеют брусковидные навершья и сравнительно узкие бабочковидные перекрестья. Кинжалы их отличаются от описанных тем, что имеют желобки, идущие от перекрестья к острию. Е. И. Крупнов сопоставил их с желобчатыми кинжалами кинжалов ноабанской культуры и бронзовых мечей пестральной Кавказа. Вполне возможно, что этот способ орнаментации кинжалов мечей скифского типа впервые был применен кавказскими мастерами, но, широко не распространившись, все же был известен в Северном Причерноморье. Желобчатый кинжал имеет одна из мечей Ювевского музея, происходящий из Ромеянского района. Меч имеет брусковидное навершье, рукоятка с бороздками по краям и сравнительно узкое бабочковидное перекрестье. Кинжал его украшен тремя желобками, сходившимися к острию.

Орнаментация желобков известна на кинжалах некоторых мечей, принадлежащих к другому отделу, но о них будет сказано ниже.

По времени эти кавказские находки близки к скифским. Концом VI — началом V в. до н. э. до стрелам и бронзовому наконечнику датируется кинжал из Каррасского могильника, VI — началом V в. до н. э. датирует Е. И. Крупнов остальные находки.

Хорошо известны железные мечи с брусковидным навершьям и бабочковидным перекрестьем, близкие к скифским, на савроматской территории. Кроме упомянутого выше меча с бронзовой рукояткой, К. Ф. Смирнов относит к этому типу еще одиннадцать экземпляров, датируя их по аналогии со скифскими VI—V вв. до н. э.⁴⁴

Несколько рукояток мечей или кинжалов с брусковидным навершьям и бабочковидным перекрестьем происходят из областей распространения азиатской культуры⁴⁵. В эту же группу предметов входит и несколько необычный акинак из Лутовского могильника⁴⁶.

Находки акинаков, которые следует отнести ко 2-му типу, известны к западу от собственно скифских земель: в могильнике у с. Бырешты и румынской Молдове⁴⁷, в могильнике у с. Фериджеле в Костенском районе в Болгарии⁴⁸. Акинак из могильника у с. Бырешты аналогичен кинжалу из Днепровского музея⁴⁹. Два меча из Фериджеле отличаются от обычных скифских по оформлению

²⁶ А. А. Бобринский, 1894, табл. XV, 7.

²⁷ Не указан. Известен мне по рисунку Г. Т. Ковчаненко.

²⁸ ГИМ.

²⁹ Е. Покровская, 1949, табл. II, 6.

³⁰ В. М. Придан, 1911, табл. I.

³¹ Там же.

³² М. И. Ростовцев, 1925, стр. 470.

³³ W. Ginters, 1928, стр. 16.

³⁴ Б. В. Пнотровский, 1944, стр. 319.

³⁵ В. А. Илларионов, 1937, стр. 237.

³⁶ Е. Ф. Покровская, 1949, стр. 142.

³⁷ В. Н. Грязнов, 1962, стр. 90.

³⁸ Н. И. Соколовский, 1954, стр. 132, табл. II, 4, 5.

³⁹ С. И. Капошова, 1950, стр. 207, ГИМ.

⁴⁰ Е. И. Крупнов, 1960, стр. 278, рис. 20, 5, ГИМ.

⁴¹ Д. Я. Самойлова, 1908, стр. 127, ГИМ.

⁴² Н. М. Егоров, 1955, стр. 57, рис. 20, а.

⁴³ Е. И. Крупнов, 1958, стр. 104, рис. 6, 1—5; 1960, стр. 281, рис. 47; стр. 282; Р. М. Мунчаев, 1963, рис. 8, 3; 13, 10; 27, 6.

⁴⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 11—12.

⁴⁵ А. В. Збруева, 1959, стр. 100, табл. XXI, 7.

⁴⁶ А. В. Збруева, 1947, стр. 142.

⁴⁷ S. Motinik, 1950, стр. 233, рис. 3.

⁴⁸ Al. Vulpe, 1959, стр. 369, рис. 6, 8.

⁴⁹ А. И. Шкурко, 1902, рис. 1—2.

рукояток. Навершие одного из них в плато ромбическое, рукоятка рифляная, перекрестие массивное, с прямыми краями верхнего края. На клинке заметны четыре рифленых полосы, сходящихся к острию, как на клинках мечей из Лугового могильника. Второй меч отличается от обычных скифских тем, что на брусковидном навершии его, бабочковидном перекрестии п клинке сделан пуповидный орнамент. Могильник у с. Бырешты датируется С. Моринцем VI—V в. до н. э. Могильник у с. Фердимене относится к VI—IV в. до н. э. Несколько железных кинжалов, близких к скифским по форме рукоятки с лавровидным и перекрестием, происходят из Трансильвании³⁰. Однако в деталях они, как правило, отличаются от найденных в Северном Причерноморье. Это позволяет предполагать существование местных мастеров, лаготорвавших акинаки по скифскому образцу. Вероятно, что и акинаки из Фердимене происходят из какой-либо мастерской, существовавшей на землях к западу от Скифии.

Говоря о мече и кинжалах с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, следует отметить, что именно они по своей форме ближе всего к персидским акинакам, известным нам по изображенным на иранских рельефах. Большинство воспринятых на гробнице Дария представителей подданных народов имеют акинаки с брусковидным навершием и широким бабочковидным перекрестием³¹.

Изображения аналогичных мечей-акинаков представляли и на персидских рельефах, где они являлись отличительной чертой вооружения мидийцев и саков³². Такое же изображение меча с широким бабочковидным перекрестием и прямым ватерлином мы видим на правом боку сака на бляшке из Агу-Дарьинского клада³³. Эти изображения свидетельствуют о широком распространении акинаков, по форме близких скифским, на территории Иранского Востока VI—V вв. до н. э.

В эту же группу памятников следует включить привозной персидский меч из Чертомлыцкого кургана³⁴. Навершие его в виде двух барьных голов, перекрестие, широкие бабочковидные, имеют достаточно четкую форму. Персидское происхождение меча во вызывает сомнений. Интересно, что дата его—IV—III вв. до н. э.—оставляет предполагать, что на Иранском Востоке мечи с широким бабочковидным перекрестием жила гораздо дольше, чем в Скифии, и употреблялись и тогда, когда в Северном Причерноморье господствовали мечи шихи форм.

3-й тип. Этот тип мечей и кинжалов может рассматриваться как производный из форм 2-го типа. Навершие большинства мечей имеют форму уплощенного овала. Рукоятки прямые, с узким бортиком по краям, только у четырех мечей рукоятки имеют форму вытянутого овала (три меча из Чертомлыка³⁵ и меч с костяной обкладкой рукоятки из кургана 489 у с. Макаевки). Перекрестие отличается от бабочковидных меньшей шириной и массивностью. По форме оно может быть лавовидно-треугольным, потому что середина его, обращенная к стержню рукоятки, имеет вид вершины равнобедренного треугольника (угол прямой или тупой), а нижняя сторона, составляющая как бы основание этого треугольника, по прямой, а сложена вверх под углом к середине (табл. 18, 1—3, 6—10).

Клинок известных нам кинжалов и мечей этого типа все имеют только одну форму в виде узкого, вытянутого к острию треугольника (ширина у черкестов 3,5—4 см).

Из курганов Северного Причерноморья мне известно 20 мечей и один кинжал. Шесть из мечей были найдены в Чертомлыцком кургане (табл. XIII). По длине все известные мечи этого типа неодинаковы: от 41,5 см (меч из кургана 36. Марининского могильника) до 71 см (меч из кургана 17. Никопольского могильника).

Богато ornamentированными золотыми обкладками отличаются от остальных мечи из Чертомлыка, Воронежского кургана и кургана 8 у с. Елизаветовской (раскопки В. Л. Шилова). По сюжету и стилю ornamentации все названные мечи близки друг к другу. На навершиях каждого из них изображена сильно стилизованная фигурка животного с повернутой назад головой. На перекрестии по два грифона, сидящих друг против друга. На стержне рукоятки изображен олень с ветвистыми рогами или спина теравия хищника такого же оленя, или, как на стержне рукоятки воронежского меча, ряд фигурок одного и того же животного, изображенных одна под другой (табл. 18, 3). Такой же ornament выкован на железной рукоятки кинжала, опубликованного Б. И. и В. Н. Ханенко³⁶.

Эти украшения рукояток мечей чрезвычайно близки к ornamentации других предметов, найденных в скифских курганах IV—III вв. до н. э. Совершенно аналогична, например, не только по ornamentации, но и по форме, рукоятка бронзового зеркала, найденная в кульбском кургане.

Своеобразна рукоятка меча из кургана 489 у с. Макаевки. Она не имеет железного перекрестия. Последнее вместе с навершием и обкладкой рукоятки было выковано из двух костяных пластинок. Наложенные с двух сторон на железный стержень рукоятки, являющийся продолжением клинка, они вполне заменяли детали, обычно сделанные из железа. В отличие от остальных навершии этого меча имеют форму почти правильного круга (табл. 18, 9).

Костяную обкладку рукоятки, судя по объемам кости на рукоятки, имел меч, найденный в кургане 19/21. Никопольского могильника³⁷.

Большой шириной клинка у основания (8—8,5 см) и ornamentом в виде углубленных полос, идущих от перекрестия к острию клинка, отличаются мечи из Софиевки и из Киевского музея, навершии которых не сохранились, а перекрестия имеют ложно-треугольную форму (табл. 18, 1, 10). Клинок их по форме и ornamentации близки к упомянутым выше клинкам мечей из Лугового могильника на Северном Кавказе.

Особое место среди мечей и кинжалов 3-го типа занимает меч, случайно найденный в с. Ковали и хранящийся в Киевском музее (табл. 18, 11). Он имеет узкое брусковидное навершие, слегка овальную рукоятку с четырьмя прорезными прямоугольниками в центре и треугольное перекрестие.

Только по форме прорезей на рукоятки отличается от него меч из с. Сухого (дар Яржибовского). Прорезная рукоятка меча из Полтавской области, по форме близкая рукоятки меча из с. Ковали, имеет ажурное овальное навершие, украшенное фигурой крылатой пантеры и треугольное перекрестие с изображением двух грифонов³⁸. Редкие в Северном Причерноморье мечи с прорезями на рукоятках на других территориях мне неизвестны.

³⁰ И. Н. Скриба, 1955—1958, табл. I, 24; N. Vlassa, 1961, стр. 29, рис. 8, 1.

³¹ П. Степанова, 1915, рис. 1.

³² E. Herzfeld, 1941, табл. LXXV, LXXXIX.

³³ E. Minna, 1913, стр. 245, рис. 174.

³⁴ Там же, стр. 163, рис. 51.

³⁵ ДПС, XXXVII, 8.

³⁶ Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900, табл. XXXVIII, 166.

³⁷ Б. Н. Граков, 1962, стр. 91, рис. 4, 2.

³⁸ М. Я. Рудинский, 1928, табл. VII, 11.

рукоятей. Навершие одного из них в плане ромбическое, рукоять рифленая, перекрестие массивное, с прямым обрезаем верхнего края. На клинке заметны четыре рифленых полосы, сходящихся к острью, как на клинках мечей из Лутовского могильника. Второй меч отличается от обычных скифских тем, что на брусковидном навершии его, бабочковидном перекрестии и клинке сделан пуповинный орнамент. Могильник у с. Бырешты датируется С. Моринцем VI—V вв. до н. э. Могильник у с. Феридже относится к VI—IV вв. до н. э. Несколько железных кинжалов, близких к скифским по форме рукояти с завершением и перекрестием, происходят из Трансильвании⁵⁰. Однако в деталях они, как правило, отличаются от найденных в Северном Причерноморье. Это позволяет предполагать существование местных мастеров, изготавливавших акинаки по скифскому образцу. Вероятно, что и акинаки из Феридже происходят из какой-либо морской, существовавшей на землях к западу от Скифии.

Говоря о мече и кинжалах с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, следует отметить, что именно они по своей форме ближе всего к персидским акинакам, известным нам по изображениям на персидских рельефах. Большинство воспроизведенных на гробнице Дария представителей подвластных народов имеют акинаки с брусковидным навершием и широким бабочковидным перекрестием⁵¹.

Изображения аналогичных мечей-акинаков представлены и на персепольских рельефах, где они являются отличительной чертой вооружения мидийцев и саков⁵². Такое же изображение меча с широким бабочковидным перекрестием и прямым навершием мы видим на правом боку сака на бляшке из Аму-Дарьинского клада⁵³. Эти изображения свидетельствуют о широком распространении акинаков, по форме близких скифским, на территории Иранского Востока VI—V вв. до н. э.

В эту же группу памятников следует включить привозной персидский меч из Чертомлыцкого кургана⁵⁴. Навершие его в виде двух бараньих голов, перекрестие, широкое бабочковидное, имеют достаточно четкую форму. Персидское происхождение меча не вызывает сомнений. Интересно, что дата его — IV—III вв. до н. э. — заставляет предполагать, что на Иранском Востоке мечи с широким бабочковидным перекрестием жили гораздо дольше, чем в Скифии, и употреблялись и тогда, когда в Северном Причерноморье господствовали мечи иных форм.

3-й тип. Этот тип мечей и кинжалов может рассматриваться как производный из форм 2-го типа. Навершие большинства мечей имеют форму удлиненного овала. Рукоятки прямые, с узкими бортиками по краям, только у четырех мечей рукоятки имели форму вытянутого овала (три меча из Чертомлыка⁵⁵ и меч с костяной обшивкой рукоятки из кургана 489 у с. Манасина). Перекрестие отличается от бабочковидных меньшей шириной и массивностью. По форме оно может быть названо ланго-треугольным, потому что середина его, обращенная к стержню рукоятки, имеет вид вершины равнобедренного треугольника (угол прямой или тупой), а нижняя сторона, составляющая как бы основание этого треугольника, не прямая, а сломана вверх под углом к середине (табл. 18, 1—3, 6—10).

Клинок известным нам кинжалов и мечей этого типа все имеют только одну форму в виде узкого, вытянутого к острью треугольника (ширина у перекрестия 3,5—4 см).

Из курганов Северного Причерноморья мне известны 20 мечей и один кинжал. Шесть из мечей были найдены в Чертомлыцком кургане (табл. XIII). По длине все известные мечи этого типа неодинаковы: от 41,5 см (меч из кургана 36, Марицкского могильника) до 71 см (меч из кургана 17 Никопольского могильника).

Богато орнаментированными золотыми обкладками отличаются от остальных мечи из Чертомлыка, Воронежского кургана и кургана 8 у ст. Елизаветовской (раскопки В. Л. Шилова). По сюжету и стилю орнаментации все названные мечи близки друг к другу. На навершиях каждого из них изображена сильно стилизованная фигура животного с повернутой назад головой. На перекрестии по два грифона, сидящих друг против друга. На стержне рукоятки изображен олень с ветвистыми рогами или сцена терзания хищником такого же оленя, или, как на стержне рукоятки вороньего меча, ряд фигурок одного и того же животного, изображенных одна под другой (табл. 18, 3). Такой же орнамент выкован на железной рукоятки кинжала, опубликованного Б. И. и В. Н. Ханеиной⁵⁶.

Эти украшения рукояток мечей чрезвычайно близки к орнаментации других предметов, найденных в скифских курганах IV—III вв. до н. э. Совершенно аналогична, например, не только по орнаментации, но и по форме, ручка бронзового зеркала, найденная в кулбоском кургане.

Своеобразна рукоять меча из кургана 489 у с. Манасина. Она не имеет железного перекрестия. Последнее вместе с завершением и обкладкой рукоятки было вырезано из двух костяных пластинок. Наложение с двух сторон на железный стержень рукоятки, являющийся продолжением клинка, они вполне заменяли детали, обычно сделанные из железа. В отличие от остальных навершии этого меча имели форму почти правильного круга (табл. 18, 9).

Костяную обкладку рукоятки, судя по обломам кости на рукоятке, имел меч, найденный в кургане 19/21 Никопольского могильника⁵⁷.

Большой шириной клинка у основания (6—8,5 см) и орнаментом в виде углубленных полос, идущих от перекрестия к острью клинка, отличаются мечи из Софиевки и из Киевского музея, навершия которых не сохранились, а перекрестия имеют ланго-треугольную форму (табл. 18, 1, 10). Клинок их по форме и орнаментации близки к упомянутым выше клинкам мечей из Лутовского могильника на Северном Кавказе.

Особое место среди мечей и кинжалов 3-го типа занимает меч, случайно найденный в с. Ковали и хранящийся в Киевском музее (табл. 18, 11). Он имеет узкое брусковидное навершие, слегка овальную рукоять с четырьмя прорезными прямоугольниками в центре и треугольное перекрестие.

Только по форме прорезов на рукоятке отличается от него меч из с. Сухоно (дар Ярымбоковского). Прорезная рукоять меча из Полтавской области, по форме близкая рукоятки меча из с. Ковали, имеет ажурное овальное навершие, украшенное фигурой крылатой пантеры и треугольное перекрестие с изображением двух грифонов⁵⁸. Редкие в Северном Причерноморье мечи с прорезами на рукоятках на других территориях мне неизвестны.

⁵⁰ И. Н. Крига, 1955—1956, табл. I, 24; N. Vlasa, 1961, стр. 29, рис. 8, 1.

⁵¹ П. Стензона, 1915, рис. 1.

⁵² E. Haffelfeld, 1941, табл. LXXV, LXXXIX.

⁵³ E. Minia, 1913, стр. 255, рис. 174.

⁵⁴ Там же, стр. 163, рис. 51.

⁵⁵ ДТС, табл. XXXVII, 3.

⁵⁶ Б. И. и В. Н. Ханеиной, 1900, табл. XXXVIII, 168.

⁵⁷ Б. Н. Граков, 1902, стр. 91, рис. 4, 2.

⁵⁸ М. Я. Рудинский, 1928, табл. VII, 11.

Таблица XIII

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОК МЕЧЕЙ И КИЖАЛОВ I ОТДЕЛА 3-го ТИПА

№ п/п	Название памятника	Место издания	Место хранения	Табл., рис.
1	Чертомлык — 6 мечей	ДГС, табл. XXXVII, 3; XLV, 9, 12, 14	Эрм.	18,3
2*	Курган 17 Никопольского могильника	Б. Н. Граков, 1962, рис. 4, 1	Никопольский музей	—
3	Курган 19/21, погребение 2 Никопольского могильника	Б. Н. Граков, 1962, рис. 4, 2	—	18,8
4	Курган 3G Мариупольского могильника (раскопки М. Бегета)	М. Бегет, 1913, рис. 55	—	—
5	Курган 18 у ст. Елизаветовской в окрестностях Догу (раскопки А. А. Миллера)	А. А. Миллер, стр. 236, рис. 34	—	—
6	Курган 8 группы «Пять братьев» у ст. Елизаветовской (раскопки В. П. Шилова)	В. П. Шилова, 1961, рис. 11	—	—
7**	Курган 3 группы «Частых» Вороневской обл. (раскопки А. А. Смирнова)	С. Н. Замыatin, 1946, стр. 26, рис. 11	—	—
8	Курган Циркуны близ Харькова	Б. А. Шрико, 1956, рис. 48, 1	—	—
9	Курган на Лысой горе близ Лубен	Л. Скороник, 1882, табл. II, 18	—	—
10	Курган 4 у с. Новоселки близ Липового уезда	Wudlowa, 1904, рис. 85	—	—
11	Курган 488 у с. Маневы (раскопки Н. Е. Бранденбурга)	не издан	Эрм.	18,9
12	Случайная находка в Дубенском уезде Волынской губ.	Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900, т. XXXVIII, 167	ГКИМ	18,2
13	Место находки неизвестно	Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. III, 87	—	—
14	Курган 7, погребение 1 Бориспольского могильника под Киевом (раскопки ИА АН УССР, 1961 г.)	не издан	ИА АН УССР	18,7
15***	Софиевка Киевской обл.	—	—	18,10
16	Случайная находка, место неизвестно	не издан	ГКИМ	18,1
17	Случайная находка в Полтавской области	М. Я. Рудинский, 1928, табл. VII, 1.	—	—

* На рукоятке под № 2 слабо заметны рельефные фигурки зверей.

** Рукоять меча под № 7 с выемкой обломка.

*** № 15 и 16 выделены в этот тип мечей условно, перекрестия их обломаны.

По времени все мечи, найденные в курганах, близки друг к другу. Они появились лишь в IV в. до н. э. и существовали в первой половине III в. до н. э.

За пределами причерноморской Скифии мечи и кинжалы с ложно-треугольным перекрестием встречаются гораздо реже мечей двух первых типов. С территории Прикубанья мне известен только один подобный меч. Он происходит из раскопок Н. И. Веселовского, 1913 г.⁶⁰ Для сарматского оружия такие акинakes не характерны. Среди мечей и кинжалов, известных К. Ф. Смирнову на территории Сарматии, только один меч может относиться к данному типу. Он найден у дер. Измайлово Бутурусланского уезда.⁶¹ От обычных скифских этот меч отличается тем, что рукоять его украшена по краям выгнутыми нарезкой, а узкое ложно-треугольное перекрестие пронзеными фигурками двух животных, обращенных мордами друг к другу. К. Ф. Смирнов объясняет его с сибирскими бронзовыми кинжалами, хотя и отмечает отсутствие среди последних вполне тождественных форм. Мне представляется, что измайловский меч скорее всего следует считать особым местным вариантом скифских мечей 3-го типа и сближать

его с акинakes с золотой обкладкой на рукоятке тапмин, как мечи из Чертомлыка и все близкие к ним. Основанием для этого является то, что как по форме перекрестия, так и по стилю изображений измайловский меч ближе к скифским, чем к сибирским. Сходство с чертомлыцкими мечами позволяет датировать этот меч IV—III вв. до н. э.

Редко встречаются акинakes с прямыми брусковидными или овальными навершием и ложно-треугольным перекрестием к западу от Скифии. Их нет в тех местах, где обычно встречаются кинжалы первых двух типов — в Трансильвании и в других областях Румынии и Венгрии. Небольшой кинжал с ложно-треугольным перекрестием происходит из местности Юрукер, в Болгарии.⁶¹

4-й тип. Представлен акинakes, которые имеют прямое брусковидное навершие и прямое же перекрестие в виде прямоугольника со слегка скругленными углами (табл. 18, 12). Они встречаются редко, хорошо документированные находки их известны только на гречко-варварских погребениях на Керченском полуострове. Один из них происходит из погребения некрополя Боспорского города Кешы⁶², второй — на погребении 9 могильника Фронтон-

⁶⁰ Место находки точно неизвестно.⁶¹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 13, рис. 1, 9.⁶¹ И. Велков, 1934, стр. 48, рис. 67.⁶² Раскопки П. П. Сорочинной, 1960 г. Хранится в ГИМ.

вою III (раскопки Ю. Г. Колосова, 1960 г.)⁵³. Оба погребения датируются V в. до н. э. Вполне возможно, что по форме рукоятки аккипак из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко⁵⁴. В курганах Скифия таких аккипак пока неизвестно. Клинок меча из Фроногового несколько массивнее всех остальных. При небольшой длине в 41,5 см он имеет клинок ширинной в 4,5 см, сужающийся только у острия. Судя по всему, этот меч был предназначен прежде всего для рубящего, а не для колющего удара, как обычные скифские. Может быть, в его форме следует видеть влияние греческого меча-ксифоса на скифскую форму. Греческо-меч, известные главным образом по изображениям на вазах, имели прямоугольные перекрестья с короткой, но довольно массивной рукояткой, обычно с расширением. В Северном Причерноморье имеется только одна находка греческого ксифоса из некрополя Ольвии⁵⁵. Клинок описанного меча близок к ольвийскому. Вполне возможно, что по только меч из Фроногового III, по всем остальным мечам с прямым перекрестьем появились в Скифии под влиянием греческого ксифоса.

К этому же типу можно отнести единственный в Скифии меч, перекрестье которого трактовано как сильно стилизованные головы двух хищных птиц, орлов или грифонов, со спиральными клювом и одним большим глазом в центре, который может принадлежать к той или к другой голове⁵⁶. Навершие меча имеет форму сравнительно широкого бруска, рукоять гладкая, клинок в виде вытянутого треугольника, ромбический в разрезе (табл. 18, 5). Мечи и кинжалы с перекрестьем, трактованным в виде двух голов птиц или животных, повернутых в разные стороны, особенно характерны для Сибири и Прикамья⁵⁷.

Возможно, этот меч был изготовлен под влиянием скифских аккипак, но безусловно местным мастером. На это указывает форма навершия, рукоятки и клинка, причем не отличающаяся от характерных для типичных скифских мечей, найденных в Северном Причерноморье. Сибирские находки имеют, как правило, иные навершия. Судя по стилизованным грифоновым головам, меч можно датировать скорее всего V в. до н. э.

Два меча с брусковидным навершием и прямоугольным перекрестьем происходят с сарматской территории⁵⁸. Оба датируются концом VI — началом V в. до н. э.

5-й тип. Включает всего два аккипак, имеющие перекрестья в виде сегмента, повернутого округлой стороной к клинку (табл. 18, 4). Кинжал длиной 32,5 см, с брусковидным навершием, гладкой рукояткой, согнотовидным перекрестьем и треугольным клинком хранится в Киевском музее (происходит из дара Терещенко, место находки неизвестно). Второй совершенно такой же кинжал найден в Трансильвании⁵⁹. О времени их бытования ничего определенного сказать нельзя, так как оба представляют собой случайные находки. Однако, если принять во внимание, что все другие предметы скифского типа, найденные в Венгрии, относятся к VI—V в. до н. э., мы можем предположительно их датировать этим же временем.

6-й тип аккипак, так же как и пятый, представлен пока всего двумя экземплярами: меч происходит из кургана на земле Кекуватского⁶⁰ (табл. 19, 7), недалеко от Пантикалея, рукоять меча или кинжала была найдена в кургане Карагодеуаш⁶¹. Для них характерно трапециевидное перекрестье; навершие, сохранившееся только у одного из них, овальное, такое же как у мечей 3-го типа, найденных в Чертомлык. Клинок также близок к клинкам чертомлыкских мечей, имеет форму узкого, сильно вытянутого треугольника. Рукоятки были обложены золотым листом. На рукоятки меча из кургана Кекуватского чаканкой воспроизведен тот же орнамент, что на рукоятках мечей из Чертомлыка. Рукоять из Карагодеуаша гладкая. Оба экземпляра близки по времени. М. И. Ростовцев датирует курган на земле Кекуватского концом IV — началом III в. до н. э., а Карагодеуаш — первой половиной III в. до н. э.⁶² Очевидно, они существовали в то же время, когда господствовали в Скифии мечи и кинжалы 3-го типа, имеющие ложно-треугольное перекрестье.

За пределами Северного Причерноморья подобные мечи мне неизвестны.

II ОТДЕЛ. МЕЧИ И КИНЖАЛЫ С АНТЕННЫМ НАВЕРШИЕМ

По особенностям формы навершия их можно разделить на два подотдела: 1) мечи и кинжалы с простым антенным навершием и 2) с антенным навершием, трактованным в зверином стиле. По форме рукоятки, перекрестья и формам клинков они не отличаются друг от друга, а также от аккипак первого отдела.

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ С ПРОСТЫМ АНТЕННЫМ НАВЕРШИЕМ

По форме перекрестья они делятся на три типа: с почковидным, бабочковидным и сегментовидным перекрестьем.

1-й тип. Мечи и кинжалы с почковидным перекрестьем представлены пятью экземплярами, которые обнаружены в лесостепных районах Северного Причерноморья (табл. XIV, 20, 4, 5, 7). Кроме того, один меч такой же формы найден в топорском каменном ящике Байдарской долины⁶³, второй — в одном из погребений некрополя Гермонасы⁶⁴, третий происходит из погребения в некрополе Ольвии⁶⁵. Все перечисленные экземпляры этого типа имеют довольно большие волноки, концы которых касаются основания навершия. Рукоятки с узкими рельефными бортиками по сторонам. Перекрестья массивные, но не широкие, края их лишь незначительно выступают за пределы основания клинка. Клинки аккипак треугольные, плавно сужающиеся от основания к острию. Три экземпляра принадлежат кинжалам длиной 35 см, остальные мечам длиной 42,5—51 см.

⁵³ Хранится в ИА АН УССР.

⁵⁴ Б. И. и В. Н. Ханенко, 1898, табл. II, 52 (прислуживает из Кавказского уезда).

⁵⁵ В. М. Скуднова, 1960, стр. 81, рис. 1.

⁵⁶ Б. И. и В. Н. Ханенко, 1898, табл. III, 51.

⁵⁷ В. А. Збруев, 1952, стр. 170, табл. XXXII, 10; Д. А. Клемент, 1888, табл. XXIV.

⁵⁸ К. Ф. Симронов, 1961, стр. 14, рис. 1, 7; происходит из кургана 4 у с. Норка; второй не издан, о нем мне сообщил К. Ф. Симронов.

⁵⁹ М. Розка, 1937, рис. 5.

⁶⁰ ДБК, стр. XIX.

⁶¹ А. Лаппо-Данилевский, В. Мальберг, 1894, табл. V, 4.

⁶² М. И. Ростовцев, 1925, стр. 401, 370.

⁶³ И. Родичков, 1909, стр. 141, рис. 17.

⁶⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 158, рис. 4, 1.

⁶⁵ В. М. Скуднова, 1960, стр. 64, рис. 3, 1.

Таблица XIV

Перечень находок мечей и кинжалов и отдела в подотдела 1-го типа

№ п/п	Название памятника	Место находки	Место хранения	Табл. рис.
1	Курган 86 у с. Семенов	А. А. Бобринский, 1884, стр. 8	ГКИМ	—
2	Курган Н. Курпловского могильника	А. А. Бобринский, 1901, стр. 132	—	—
3	Случайная находка у Ивановского склада близ Сметы	А. А. Бобринский, 1887, табл. VII, 2	—	20,7
4	Случайная находка у с. Сахновки Киевского уезда	не издам	—	20,4
5	Случайная находка близ Сметы (на собрании А. А. Бобринского)	—	—	20,5

Достаточно точно определяется дата только одного акинака, из некрополя Гермоны, который датируется греческой керамикой — второй половиной VI в. до н. в.

Акинаки с простыми атенными навершием и почковидным перекрестием хорошо известны на савроматской территории, в Поволжье и Приуралье. К. Ф. Смирнов называет девять экземпляров таких мечей в каталогах. Все они по своеобразию их форм относятся к концу VI — началу V в. до н. в.⁷⁶ Несколько акинаков близкой формы известно среди азиатских древностей Прикамья.⁷⁷ Среди сибирских бронзовых кинжалов эта форма, как указывает К. Ф. Смирнов, встречается крайне редко. Кинжалы этого типа происходят также из ряда пунктов Северного Кавказа. Одни из них вполне аналогичны описанным, другие отличаются по форме и размерам клинка.⁷⁸

Железный кинжал, по форме и размерам близкий к найденному А. А. Бобринским у Ивановского склада, происходит из Тимского района Курской обл.⁷⁹

Находки акинаков с атенным навершием и почковидным перекрестием нередко встречаются и к западу от скифской территории. Один из них происходит из могильника Феридже в Румынии.⁸⁰ От обычных скифских он отличается только своеобразной орнаментацией рукояти.

Особое место среди акинаков с атенным навершием и почковидным перекрестием занимает кинжал, найденный недалеко от с. Тудорова, в южной Молдавии.⁸¹ Округлые концы навершия этого кинжала лишь слегка загнуты вверх. Рукоять гладкая, перекрестие четкой почковидной формы, клинок расширяется в средней части, сужаясь к перекрестию и острою, посередине клинка проходит узкое, но довольно высокое ребро. На навершии с одной, подвижной литевой, стороны сделан орнамент в виде насекомых, обрамляющих концы волот, двух пар небольших круглых глазов и двух пар точек между ними. Кинжал не имеет прямых параллелей среди скифских находок мечей и кинжалов данного типа. Тем не менее по форме рукояти с навершием и перекрестием он не выходит за пределы обычных скифских форм. Такое же навершие можно ви-

деть, например, у кинжала, падающего Б. И. и В. Н. Хавенко. Перекрестие ничем не отличается от обычных почковидных, имеющихся на мечях и кинжалах разных групп. Только клинок его не имеет аналогий среди скифских и может быть поставлен в связь с клинками гальштатских мечей. По всей вероятности, он был сделан в какой-то западной мастерской, где были одинаково хорошо известны скифские и гальштатские формы мечей. Судя по сохранившимся кинжалам сосудов готского типа, наиболее вероятной датой его является V—IV вв. до н. в.

2-й тип. Мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестием (табл. 20, 1, 2, 5, 12). Всего из курганов Северного Причерноморья мне известно шесть экземпляров данного типа. Пять из них были найдены в Среднем Приднепровье, один в Марицком могильнике на Нижнем Буге (табл. XV). По форме перекрестия, в плане широким,

Таблица XV

Перечень находок мечей и кинжалов и отдела в подотдела 1-го типа

№ п/п	Название памятника	Место находки	Место хранения	Табл. рис.
1	Курган 5 в Скороборе близ Бельского городища	Г. Т. Ковпаченко, 1961, стр. 77, рис. 5, 9	ГКИМ	20,4
2	Курган 3 в с. Поповка	А. А. Бобринский, 1884, табл. XXV, 11	—	—
3	Курган в с. Грищенцы (д.р. Таровского)	не издам	Эрм.	—
4	Случайная находка в окрестностях с. Журовки	А. А. Бобринский, 1905а, стр. 88, рис. 37	ГКИМ	20,12
5	Случайная находка, место неизвестно	не издам	ГКИМ	20,1
6	Курган 16 Марицкого могильника	М. Е. Богач, 1913	—	—

раскрытых крыльев бабочки, они близки друг к другу, а также и мечам с кинжалами 2-го типа первого отдела. По форме и величине волот они довольно разнообразны. Очень маленькие волоты с концами, прилегающими к основанию навершия, у кинжала из кургана 1 в Скороборе (табл. 20, 2), длина кинжала 32 см. Небольшие волоты с незаостренными концами у меча (длина его 61,1 см) из кургана 16 Марицкого могильника. Елпкин и Ильи волоты навершия акинака из кургана 3 в с. Поповка (длина меча 50 см). Большинство волотов с незамкнутыми концами у навершия рукояти меча или кинжала из Киевского музея и у меча из с. Журовки.

Рукояти большинства мечей имеют более или менее широкие бортики по краям. Только у меча из кургана в с. Грищенцы и случайно найденного в с. Журовки рукояти были гладкими. Как особенность следует отметить чеканный орнамент в виде зигзагов и точек на стержне рукояти меча из с. Журовки (табл. 20, 12). Клинки большинства мечей и кинжалов имеют параллельные лезвия, сходящиеся к острою только в последней трети длины. Ширина их около 4 см. Большей шириной и вместе с тем массивностью отличается клинок меча из кургана в с. Грищенцы. При длине всего меча в 57 см ширина клинка у перекрестия равна 6,5 см; он плавно сужается к острою. Отличается от других клинок меча из кургана 16 Марицкого могильника. Лезвия его не прямые, как у большинства известных из Скифии мечей и кинжалов, а слегка выпуклые, или у меча из окрестностей Тудорова, в СССР.

⁷⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 17.

⁷⁷ А. В. Бобринский, 1952, стр. 100, табл. XXI, 20.

⁷⁸ Е. И. Крупнов, 1960, стр. 280—281 и примечания 475—476.

⁷⁹ Р. Ф. Воронина, 1960, стр. 131, рис. I, 1.

⁸⁰ Раскопки А. Вуды. Не издам, хранится в институте РАН.

⁸¹ Г. П. Сорговец, 1960, стр. 282, рис. 1.

По поперечному разрезу клинка этого типа мечей и кинжалов ничем не отличаются от других; они или раскопаны на два ската, а тогда посредине клинка проходит более или менее заметный дол, поперечный разрез такого клинка имеет форму растянутого ромба или сильнее раскопаны к краям и углощены в середине, разрез их длинновидный.

Датируется этот тип кинжалов VI — первой половиной V в. до н. э. Так, к VI в. относится меч из кургана 3 в с. Поповка. Концом VI или началом V в. до н. э. датируется меч из кургана 1G Маршанского могильника. К несколько более позднему времени следует отнести меч из кургана в с. Гриппенцы. Вместе с ним были найдены наконечники стрел, характерные для второй половины V — начала IV в. до н. э., однако находка там же двух бронзовых була в виде стилизованных лопатных голов не позволяет датировать курган позднее середины V в. до н. э.

Мечи и кинжалы с простыми оплечеными навершием и бабочковидным перекрестком известны на сарматской территории с VII в. до н. э. Остатки их, например, меч и кинжал из с. Волоска или из с. Берлячево⁸², очень близки к скифским, тогда как другие имеют сильно закрученные, сплывшие друг с другом волнаты навершия. Для скифских кинжалов также волнаты не характерны. Сарматские мечи этого типа, как и скифские, датируются второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. Два кинжала, близкие к скифским, происходят из Анапийского могильника⁸⁴.

Кинжал с авторным навершием, бабочковидным перекрестком и очень коротким клинком происходит из Трапезнишан⁸⁵.

3-й тип. Мечи и кинжалы с сегментовидным перекрестком (табл. 20, 3). Представлены четырьмя экземплярами, происходящими из случайных находок Среднего Приднепровья, у с. Волковца⁸⁶, Староселье⁸⁷ и в Ромешковском уезде⁸⁸. Три из них имеют небольшие волнаты, с загнутыми внутрь несильно изогнутыми концами, гладкую рукоятку и плавно сужающийся к острому клинок. Перекрестки у них такой же формы, что и у мечей и кинжалов 5-го типа первого отдела. По форме оплеченности от всех остальных мечей и кинжалов этого отдела отличается меч из Волковцев. Навершие не имеет загнутых концов, форма его серповидная. Рукоятка гладкая, клинок с параллельными лезвиями, конец обломан (табл. 20, 3). На навершии и рукоятке меча орнамент в виде небольших кружочков и дуг, сделанных чеканкой, так же как на приведенном выше мече из с. Журовка. Никаких данных для датировки этого типа нет. За пределами интересующей нас территории подобных кинжалов не встречено.

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ С АНТЕННЫМИ НАВЕРШИЯМИ, ТРАКТОВАННЫМИ В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Мечи и кинжалы второго подотдела более характерны для Скифии, чем мечи с простыми антеннами.

Большинство экземпляров, объединенных в этот подотдел, имеют навершия в виде пары ногтей хвостной птицы, только три навершия из Скифии оформлены как птички или грифонов головы. Одно из них было на рукоятке длин-

ного (0,80 м) меча из кургана 401 в с. Журовка (табл. 20, 14)⁸⁹, второе на рукоятке меча или кинжала, хранящийся в Киевском музее (место находки неизвестно). Третий меч длиной 0,45 м случайно найден в с. Гамарня Каневского района⁹⁰ (табл. 20, 13).

Первые два меча по форме перекрестков могут быть отнесены к типу бабочковидных. Третий имеет сегментовидные перекрестки.

Навершия жуrowsкого меча и меча из с. Гамарня в виде больших широко расставленных антен трактованы как пара грифонов голов, на которых отчетливо видна шея, голова с глазом и большой клюв с характерным углощением на конце, как это обычно для грифонов голов, изображаемых в скифском искусстве (табл. 20, 13, 14). Концы навершия рукоятки из ГКИМ сделаны как орлиные головы с загнутыми к основанию клювами. Рукоятки обычной формы, с широкими рифлеными бортиками, по краям у жуrowsкого меча и с узкими у рукоятки из Киевского музея. Рукоятка меча из с. Гамарня гладкая. Клык у жуrowsкого меча массивный, широкий (5,5 см), плавно сужающийся к острому; клинок меча из с. Гамарня такой же по форме, но более узкий (3 см). Меч по форме навершия по перекрестку, близкий к жуrowsкому, найден Н. В. Анфиновым в одном из погребений Краснодарского могильника на Северном Кавказе⁹¹.

Первой половиной V в. до н. э. хорошо датируется меч из кургана 401 в с. Журовка. Остальные экземпляры не поддаются датировке.

Прижимая во внимание весьма ограниченное количество находок в Скифии рукояток с навершиями в виде грифонов или орлиных голов, можно сделать вывод о том, что орлиные и грифонов головы не были характерным мотивом украшения навершия скифских мечей. Они не свойственны также и сарматскому оружию. Полную противоположность Скифии и Сарматии в этом отношении представляют области, лежащие на восток от них, особенно Сибирь, где эти мотивы господствовали на навершиях бронзовых кинжалов⁹². Достаточно обычны навершия в виде орлиных или грифонов голов на анапийских мечах⁹³.

Характерными для скифских кинжалов являются авторные, трактованные как пара ногтей хвостной птицы, скорее всего орла. Первое правильное объяснение этому мотиву дано в работе Б. Н. Гракова⁹⁴. То, что на описываемых ниже поперечных изображениях птичьи ногти, а не голые птичьи или грифонов, как объясняли их М. И. Ростовцев⁹⁵, В. Густер⁹⁶, А. А. Миллер⁹⁷, говорит сделанное Б. Н. Граковым сравнение навершия с бронзовыми близкими из Киевского музея, сходными с ними по только по стилю изображения, но и по размерам ногтей. В основании ногтевой лапы орла, сжатой в хватательном движении, обычно изображены глаза. Пальцы делятся в три пальца, благодаря чему схема орлиной лапы всегда характеризуется трехкратной удлинённостью. Этим она резко отличается от навершия с двумя орлиными или грифоновыми головами, что заметно даже при плохой сохранности предмета. Ноготь и глаз — символы силы и меткости удара —

⁸² А. А. Бобринский, 1905, стр. 13; Зри.

⁸³ ГКИМ, Аб. № 23714.

⁸⁴ Н. В. Анфинов, 1949, стр. 257, рис. 9.

⁸⁵ F. R. Martin, 1883; Д. А. Клоков, 1886. Атлас.

⁸⁶ А. В. Збруева, 1952, табл. XXXII, 8—10.

⁸⁷ Б. Н. Граков, 1947, стр. 70—71; 1961; стр. 142; Н. Я. Мер-
порт, 1948, стр. 74.

⁸⁸ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 418.

⁸⁹ V. Sirtoga, 1928, стр. 38.

⁹⁰ А. А. Миллер, 1910, стр. 115.

⁸¹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 18—20, рис. 3.

⁸² Там же.

⁸³ А. В. Збруева, 1952.

⁸⁴ М. Розка, 1937, стр. 181, рис. 1.

⁸⁵ В. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. II, 35.

⁸⁶ А. А. Бобринский, 1894, табл. VII, 3.

⁸⁷ В. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. II, 36; второй меч из
этого, хранится в ГКИМ.

как вельня лучше подходит к оружию, которое они украшают.

1-й тип представлен лишь восьмью экземплярами. Только четыре из них происходят из курганных комплексов, остальные являются случайными находками (табл. X¹, 20, 10, 11). Все сравнительно хорошо сохра-

Таблица XVI
Перечень находок мечей и клинков и отщипа по поводам 1-го типа

№ п/п	Название памятника	Место находки	Место хранения	Табл. рис.
1	Курган 393 у с. Ковале (раскопки Н. В. Брандлебург)	не опубликовано	Эрм.	—
2	Курган 1Т Маршенинского могильника	М. Е. Барт, 1913, рис. 10	"	—
3	Случайная находка, место неизвестно	Н. Я. Марпарт, 1948, стр. 74, рис. 1	ГМИИ	—
4	Случайная находка, место неизвестно (рукоять)	не опубликована	ГКМ	—
5*	Случайная находка у с. Грищенцы Киевской обл.	А. А. Бобринский, 1914, стр. 105, рис. 27	"	20, 11
6**	Курган 7 у ст. Елизаветовской, на Дону (рукоять)	В. П. Шилов, 1959, стр. 21, рис. 2	—	—
7	Курган 13 у с. Мачеха Полтавской обл. (раскопки М. Я. Рудинского)	Г. Т. Ковпаченко, 1961, рис. 5, 10	—	—
8	Случайная находка в Елизаветовской губ.	не найдена	—	20, 10

* Меч под № 5 с бронзовым рукоятью.

** Рукоять под № 6 с бронзовым навершием.

нившиеся экземпляры этого типа принадлежат мечам довольно большой длины. Меч из кургана 1Т Маршенинского могильника имел длину 70,1 см, меч из с. Грищенцы — 72 см. Бабочковидные перекрестья довольно массивные, клинки имеют треугольную форму, сравнительно широкие в основании (около 6 см). Необычны для скифских мечей две рукояти. Рукоять меча, найденного в с. Грищенце, целиком отлита из бронзы, так же как рукоять меча из кургана у Райгорода, описанная выше. Но если у райгородского меча рукоять падалась на железный стержень, откопанный из одной полосы вместе с клинком, то у меча из с. Грищенцы такого стержня не было. Основание клинка оставлено в следящий паз на перекрестье и там закреплено. На рукояти имеется три углубленных вертикальных полос, которые были продолжены на клинке при его ковки (табл. 20, 11).

У меча из кургана 7 ст. Елизаветовской бронзовым было только одно навершие в виде когтя несколько необычной формы. Как установил В. П. Шилов, литое бронзовое навершие имело штырь, вокруг которого в горячем состоянии была обернута железная рукоять, представлявшая одно целое с клинком.

Мечи, объединенные в этот тип, по крайней мере те, которые были найдены в погребениях, относятся к раннему времени. Меч из кургана 1Т Маршенинского могильника датируется концом VI — началом V в. до н. э. по найденным вместе с ним хитской амфоре и черполаковому киле. К концу V — началу IV в. до н. э. В. П. Шилов относит курган 7 у ст. Елизаветовской. Принимая во внима-

ние, что широкое бабочковидное перекрестье не характерно для мечей других типов, употреблявшихся позднее V в. до н. э., мы можем предполагать, что елизаветовский меч был одним из немногих экземпляров данного типа, дошедших до конца V — начала IV в. до н. э.

Мечи с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестьем встречаются за пределами Северного Причерноморья в разных районах. Небольшие экземпляры их известны из Северного Казахстана, в Луговом могильнике⁹⁸, в погребении под Кисловодском⁹⁹. По аналогии со скифскими эти мечи датируются последними V в. до н. э.

С саарматской территории происходит только один меч этого типа (имение Соловья Бугурусланского уезда)¹⁰⁰. В деталях рукояти его отличается от скифских. Когтевидное навершие трапециевидно по своему, рукоять расчленена четырьмя бороздками. Похожую аналогичную бугурусланскому акинаку К. Ф. Смирнов видит в одном из бронзовых клинков из Мизусавской котловины.

В группу мечей с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестьем следует включить меч из Алдоболы в Трансильвании (рис. 2, 1)¹⁰¹. На первый взгляд он кажется совершенно необычным. Но сравнение его с мечами, описанными выше, позволяет считать, что он является лишь особым вариантом данного типа. Меч длиной 115 см имеет большое литевое навершие, в котором М. И. Ростовцев видел два обращенных друг к другу, стилизованных орлиных головы¹⁰², а В. Гинтерс — дельфиний мотив, особенно характерный для искусства Средиземноморья эпохи Флавиев¹⁰³. Однако нет необходимости прибегать к столь далеким сопоставлениям. Навершие алдобольского меча по всем признакам очень близко к бронзовому навершию рукояти меча из кургана 7 близ ст. Елизаветовской. Так же как и последнее, оно представляет собой несколько необычную схему орлиной лапы. Рукоять с рифлеными бортиками по сторонам заканчивается массивным широким перекрестьем бабочковидной формы. В отличие от обычных скифских, каждое крыло перекрестья трапециевидно как фигурка хищника кошачьей породы. Клинок с параллельными лезвиями украшен шестью бороздками, отличается от обычных скифских лишь большей длиной (97 см). Большую длину клинка, вероятно, следует объяснять влиянием ранне-латинских мечей, всегда имевших длинный клинок. Фигурки пантер или львов на перекрестье меча сделаны в скифо-фракийском зверином стиле. Самыми близкими к ним являются изображения хищников кошачьей породы на бляшках из крайского клада IV в. до н. э. в Румынии¹⁰⁴. Однако по сравнению с типичными алдобольскими пантерами представляются несколько более древними.

Приведенные аналогии позволяют датировать меч из Алдоболы скорее всего V—IV вв. до н. э. Вероятно, он был сделан в какой-то фрагийской мастерской, где были хорошо знакомы с изделиями скифских мастеров и старались подражать им.

2-й тип. Мечи и клинки с когтевидным навершием и ложно-треугольным перекрестьем представляют собой следующую ступень развития предыдущего типа. В Скифии и за ее пределами они встречаются чаще мечей 1-го типа и все чаще встречаются в погребениях.

⁹⁸ Погребение 26 (раскопки Е. И. Крушина, 1957 г.); Р. М. Мунчаев, 1963, рис. 29, 4.

⁹⁹ С. П. Замiatин, 1935, стр. 210, рис. 200, 2, 3; В. В. Богин, 1958, стр. 130, рис. 18.

¹⁰⁰ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 20, рис. 4, 1.

¹⁰¹ Идент многократно; см. например: W. Gintars, 1928, табл. 20.

¹⁰² М. И. Ростовцев, 1925, стр. 607.

¹⁰³ W. Gintars, 1928, стр. 68.

¹⁰⁴ K. Munkina, 1928, рис. 2.

Рис. 2. Ваши из раскопок в Румынии:

1 — медь из Алдобой; 2 — бронзовый выгнутый амулет из Маджары

типа. Из курганов степного и лесостепного Северного Причерноморья происходит 12 целых и фрагментированных экземпляров (табл. XVII). Только один из них принадлежит к числу кинжалов. Остальные представляют собой мечи разной длины (60—88 см и один 72 см).

Схема орлиной лапы хорошо прослеживается на всех навершиях и ваде одинакова, но в деталях одни навершия отличаются от других (табл. 20, б, 8, 9).

Таблица XVII

Перечень находок мечей и кинжалов II отдела и подотдела 2-го типа

№ п/п	Название памятника	Место находки	Место хранения	Табл., рис.
1	Погребение на поселении у с. Жаботино (раскопки Е. Ф. Покровской)	не издав	ИА АН УССР	—
2*	Курган Солоха (Боговое погребение)	ОАН, 1913—1915 гг., стр. 109, рис. 181	Зрм.	20, б
3	Курган 2 в Аксютинцах Полтавской обл. (раскопки С. А. Мазараки)	А. А. Бобринский, 1894, табл. XXII, 4	—	—
4	Курган 4 в Осиатах близ Бельского городища (раскопки А. В. Гордцова)	В. А. Гордцов, 1911, табл. III	—	—
5	Курган 10 у ст. Елизаветовской, из Доли (раскопки А. А. Миллера)	А. А. Миллер, 1910, табл. V, 29	—	—
6	Курган 1, погребение в Никополюском могильнике	Б. Н. Граков, 1962, стр. 103, рис. 4, 13	—	—
7	Курган 6 у ст. Елизаветовской (раскопки А. А. Миллера)	А. А. Миллер, 1914, стр. 229, рис. 22	—	—
8	Курган 34, там же, там же раскопки	там же, рис. 57	—	—
9	Курган 2 (?) в с. Волковцы (раскопки С. А. Мазараки)	Б. И. и В. Н. Хасенко, 1899, табл. VII, 59	—	20, 9
10	Случайная находка в Ромешинском уезде (из собрания А. А. Мазараки)	не опубликована	ГНИМ	20, 8
11	Случайная находка, место неизвестно (из собрания Е. А. Зноско-Боровского)	Б. И. и В. Н. Хасенко, 1900, табл. LV, 6	—	—
12	Случайная находка, место неизвестно	там же, табл. ILV, 6	—	—

* Меч, обозначенный звездой 24 3—4, имеет рукоять с золотой обкладкой.

Мечи с золотой обкладкой рукоятей (их четыре) имели сплошное навершие в отличие от ажурных навершиев простых железных акинавов. Золотая пластина набита на железную основу навершия, следовало по общим очертаниям со всеми остальными, не имевшими золотой обкладки. Поверхность всех четырех навершиев на рукоятках с золотой обкладкой украшена совершенно одинаково (табл. 20, б). В основании воспроизведена пара глаз, от которых отходит вверх сильно стилизованные птичьи ноги. Орнамент сделан чеканкой. В целом ornament представляет собой как бы свободную копию деталей, обяза-

тельных на ажурных навершиях мечей без золотой обкладки рукоятей.

Рукояти этих четырех мечей имеют рифленные бортики по краям и по-разному орнаментированную среднюю часть (лосиные головы на рукояти из Солохи, ромбы на рукояти из кургана 2 в с. Аксютинцы, олень с повернутой назад головой на рукоятках мечей из кургана 4 в с. Осиаты и кургана 10 у ст. Елизаветовской). Ложно-треугольные перекрестья этих мечей, так же как перекрестья с золотой обкладкой рукоятей мечей 3-го типа первого отдела, украшены в зверином стиле. Среди простых железных мечей этого типа только один, из кургана 1 Никополюского могильника, возможно, имел сплошное, не ажурное навершие, но уверенно сказать об этом нельзя, так как меч сильно корродирован.

При сравнении навершиев акинавов этого типа, с описанными выше, можно заметить, что только два из них абсолютно тождественны большинству навершиев 1-го типа (у меча из кургана 13 в с. Мачута и из кургана 2 в с. Волковцы). Остальные отличаются тем, что имеют перекладку, соединяющую сверху оба зонта орла. Рукояти всех мечей с бортиками по краям рифленные или реже гладкие. Средняя рукояти иногда украшалась вертикальными углубленными полосками, как например, на одном из акинавов из ГНИМ. Отсутствием бортиков по краям на рукояти отличается кинжал из погребения в с. Жаботино.

Клинок всех мечей и кинжала данного типа одной формы — в виде сильно вытянутого и вершине треугольника. Изредка клинок украшался углубленными полосками, сходившимися к острию.

Все мечи, происходящие из датированных комплексов, за исключением меча из Волковцев, относятся приблизительно к одному времени — концу V—IV в. до н. э. Дата курганов, в которых они были найдены, устанавливается по греческой керамике, стрелам и принадлежностям конской сбруи.

Вызывает сомнение датировка меча, якобы происходящего из кургана 2 в с. Волковцы. Комплекс вещей, обозначенный Б. И. и В. Н. Хасенко, как найденный вместе с ними, может быть датирован временем не позднее конца VI в. (посланные псалы, крестообразная бляха ольпийского производства, лепная местная керамика¹⁰⁶). Однако мечей и кинжалов с ложно-треугольным перекрестьем нет и в других отделах. Близкое сходство этого меча с происходящими из курганов V—IV вв. до н. э. дает основание предполагать, что Мазараки или Хасенко ошибочно отнесли этот меч к комплексу вещей из кургана 2.

За пределами интересующей нас территории находки акинавов, близких к описанным, известны в разных местах. Н. Я. Мерперт опубликовал два интересных меча с ложно-треугольным и узким треугольным перекрестьем, один из которых происходит из с. Пилликовки Елецкого района Орловской обл., второй — из коллекции Шуклина, хранящейся в ГИМ¹⁰⁷. К. Ф. Смирнову известно семь мечей с сарматской территории, которые появлялись там под воздействием скифских акинавов данного типа¹⁰⁸. Почти не отличается от обычных скифских мечей и с. Новая Богдановка¹⁰⁹. Остальные имеют некоторые своеобразные черты в деталях навершия и перекрестья. Несколько мечей, сделанных на месте по образцам скифских с ложно-

¹⁰⁶ Б. И. и В. Н. Хасенко, 1899, стр. 7.

¹⁰⁷ Н. Я. Мерперт, 1948, рис. 22.

¹⁰⁸ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 21—22, рис. 4.

¹⁰⁹ Б. Н. Граков, 1961, стр. 140 сл.

видным наваршнем и локно-треугольным перекрестием, известным с территории городской культуры¹⁰⁹.

Среди скифских древностей имеются два меча, наваршья которых в отличие от всех остальных, возможно, имели кольцевидную форму. Плохо сохранившийся меч, наваршье которого уцелело только на $\frac{1}{3}$, происходит из Золотого кургана близ Симферополя¹¹⁰. Второй меч, известный только по изданию, происходит из кургана 1 у ст. Елизаветовской (раскопки А. А. Миллера, 1910 г.)¹¹¹. Полной уверенности в том, что эти наваршья были кольцевидными, нет, так как оба могут принадлежать к мечам с антемиными наваршьями. Концы антеми у елизаветовского меча, возможно, слепились в результате коррозии. Только одна находка свидетельствует о том, что кольцевидное наваршье у мечей появлялось еще в скифское время. Акинак со сравнительно широким бабочковидным перекрестием был случайно найден под Кисловодском¹¹². Его кольцевидное наваршье было сделано из одного куска железа. Меч из Золотого кургана относится к началу V в. до н. э. Там же или несколько более поздним временем можно датировать елизаветовский меч по стилю орнамента на его ножках¹¹³. Судя по форме перекрестия, близок к ним по времени акинак, найденный под Кисловодском.

Отсутствие среди скифских и сарматских мечей и кинжалов IV в. до н. э. и более позднего времени экземпляров с кольцевидным наваршнем не позволяет видеть в описанных мечах прототипы хорошо известных сарматских мечей с кольцевидным наваршнем, как думает Н. И. Соколовский¹¹⁴. Более правильным представляется мнение М. И. Ростовцева, считавшего, что кольцевидные наваршья сарматских мечей развились из антеминых наваршья скифских акинakov IV в. до н. э.¹¹⁵

Ни к одному из двух отделов не может быть отнесен кинжал из Киевского музея¹¹⁶. Он имеет наваршье в виде широкого треугольника, ребристо-мелкобугорчатую рукоять, сердцевидное перекрестие и сравнительно короткий клинок в виде вытянутого треугольника. Рукоять с наваршнем и перекрестием литая, бронзовая, клинок железный. А. И. Терещенко считает этот кинжал одним из самых ранних предметов скифского типа. Однако отсутствие сколько-нибудь близких параллелей лишает нас возможности сказать что-либо определенное о времени этого кинжала. Основываясь на том, что мечи и кинжалы с сердцевидным перекрестием употреблялись в Скифии, главным образом в VI — начале V в. до н. э., мы предположительно можем отнести к этому же времени и кинжал из Киевского музея.

Самостоятельную группу представляют мечи, имеющие односторонний клинок (табл. 19, 8—11). Из курганов Северного Причерноморья происходят семь таких мечей. По форме рукояток и клинков они поодиночке. Три из них односторонние (из Чертомлыка¹¹⁷, кургана в Новоиколаевке¹¹⁸, кургана 487 близ Златополя)¹¹⁹. Хорошо сохранились только рукоятки этих мечей с золотой обкладкой. От меча из кургана 487 у Златополя остался еще золотой наконечник ножен с частью клинка. Это дает возможность восстановить меч целиком и предположить, что такими же

были два других меча, имевшие одинаковые с ними рукоятки (табл. 19, 12). По форме наваршья они близки к мечам 3-го типа первого отдела. Толщина лезвия с ними форма рукояток, а также декорировка поверхности в зверином стиле. Перекрестие имеет форму, близкую к прямоугольному трапеции. Оно выступает только с одной режущей стороны клинка, так что защитная функция его совершенно ясна. Клинок представляет собой как бы половину обычного треугольного клинка дуэлянтских мечей. Спинка клинка утолщенная. Длина восстановленного меча на златопольского кургана 70 см. Датированы все три меча одним временем — IV—III вв. до н. э.

Меч, найденный А. В. Добровольским в кургане в урочище Кругляк у с. Федоровка на территории Днепропетровщины¹²⁰, длиной 56 см, был сделан из железной полосы, сложенной пополам в продольном направлении, а затем отогнутым таким образом, что спинка его осталась утолщенной, а лезвие заострено. Лезвие прямое, спинка клинка слегка выгнута. Рукоять является продолжением клинка, причем со стороны спинки она выгнута, со стороны лезвия — прямая. Наваршья нет (может быть, оно просто не сохранилось). На рукоятке заметны следы от деревянной обкладки, прикрепленной немыслимыми железными гвоздиками. Перекрестие по форме близко к описанным (табл. 19, 9). Датирован этот меч, судя по найденным вместе с ним стрелам, началом IV в. до н. э.

Появление односторонних мечей в Скифии В. Гинтер объясняет возникшим на скифские греческого одностороннего меча-махайры или латинского длинного кривого ножа¹²¹. Действительно, трудно представить себе, что этот вид оружия независимо появился в Северном Причерноморье. Местных прототипов для него нет, широкого распространения он не имел. Вместе с тем скифы, вероятно, хорошо были известны греческая махайра и от самих греков, и от фракийцев, также употреблявших этот меч. Заимствовал у них идея одностороннего меча, скифские мастера осуществляют ее по-своему, сохраняя привычную форму наваршья и приспособляя знакомую форму перекрестия. Из четырех описанных экземпляров ближе всех к махайре федоровский меч, однако и он не является полной копией этого оружия.

Несколько находок типичной махайры известно из погребений в некрополях боспорских городов¹²². Серебряная рукоять махайры в виде головы грифона происходит из третьего Симферопольского кургана¹²³. В степной и лесостепной Скифии мечей такой формы не встречено.

Существенно отличается от описанных кривой односторонний меч, длиной 41 см, найденный в погребении у с. Софиевка под Киевом¹²⁴. Как и федоровский, он не имел наваршья. От костяной или деревянной обкладки рукоятки сохранились железные гвоздики со шляпками. Перекрестие прямое, слегка выступает со стороны лезвия. Кривой клинок с выгнутым лезвием сужается к острию. Сторона, противоположная лезвию утолщена (табл. 19, 10). По форме клинка, перекрестия и рукоятки этот меч ближе всего к махайре, которую Дашелет считает характерной для адриатического круга древностей¹²⁵.

Перечисленными типами ограничиваются все известные нам формы скифских мечей и кинжалов.

¹⁰⁹ В. Н. Гранов, 1961, стр. 140 сл.; В. Н. Гуляев, 1961, стр. 263, рис. 1, 2.

¹¹⁰ Звз, 1954, стр. 138, рис. 3.

¹¹¹ С. И. Замитин, 1935, стр. 216, рис. 200, 3.

¹¹² Н. И. Соколовский, 1964, стр. 130.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ М. И. Ростовцев, 1918, с. стр. 40.

¹¹⁵ А. И. Терещенко, 1932, стр. 105, рис. 11, 4.

¹¹⁶ Звз, 1954, стр. 130.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ А. А. Бобринская, 1910, стр. 70, рис. 8, 9а.

¹¹⁹ А. А. Добровольский, 1940, стр. 133, рис. 11.

¹²⁰ W. Gintarz, 1928, стр. 36—37.

¹²¹ Н. И. Соколовский, 1954, стр. 132—134.

¹²² Н. И. Соколовский, табл. 1, 5.

¹²³ Раскопки Ю. Н. Захарины 1948 с. Не издав, хранится в ИА АН УССР.

¹²⁴ I. Déchalotte, 1927, рис. 470.

Подводя итог классификации, следует отметить, что, так же как и другие категории скифского вооружения, мечи и клинки не оставались неизменными с течением времени. Выделение типов позволило проследить, что самые известные и Скифии формами этого оружия были мечи с клинками с прямыми брусковидным завершем и широким массивным бабочковидным перекрестием. Их появление относится, возможно, еще к концу VII в. до н. э. Временем наибольшего распространения этого типа были VI — первая половина V в. до н. э. Позднее как производные от них появились мечи с клинками с завершем в виде уплощенного овала и с ложно-треугольным перекрестием, а также и экземпляры, имеющие трапециевидное перекрестие.

Возможно, также в конце VII в. до н. э., судя по мечу из Кармир-Блур, появились мечи с клинками с почковидным перекрестием и брусковидным завершем, но в отличие от отмеченного выше типа они живут лишь до начала V в. до н. э. и в редких случаях производных форм.

К VI же, а все к V в. до н. э., как считал В. Гинтерс¹²⁶, следует отнести последние мечи с широким завершем в виде простых волнот и почковидным или бабочковидным перекрестием. Развитие их идет таким же путем, как развитие мечей первого отдела. Исчезают в начале V в. до н. э. мечи с широким завершем и почковидным перекрестием. В V в. до н. э. еще употребляются мечи с широким завершем и бабочковидным перекрестием, а в конце V в. бабочковидное перекрестие заменяется ложно-треугольным. Вместе с тем завершие в виде простых волнот уступает место еще в начале V в. до н. э. более сложным антемам, трактованным в зверином стиле, главным образом в виде пары когтей хищной птицы. Позднее, IV в. до н. э., мечи с когтеобразным завершем и ложно-треугольным перекрестием не применяются.

Кроме изменений в формах рукоятей, с течением времени происходили изменения и в форме клинков. Если в VI—V вв. до н. э. сосуществовали две формы клинков: с параллельными лезвиями и треугольные, сравнительно массивные, то с конца V в. до н. э. и позднее употребляется только одна форма дугообразных клинков в виде узкого, сильно вытянутого треугольника. Клинок, таким образом, превратился в длинное и узкое острие. Эта эволюция клинков скифских мечей указывает на то, что скифские мечи были в первую очередь колющими, а не рубящими оружием. В зависимости от основной функции меча изменялась форма клинка. Клинок становится более совершенным для лассесной колющего удара.

Однородные мечи, появившиеся как результат влияния майхры на бытовые скифские формы, не вносят никаких существенных функциональных изменений.

О происхождении скифских мечей можно сказать вполне определенно лишь то, что оно не было местным. Известные нам бронзовые и железные листовидной формы позднего бронзового века и железные мечи с бронзовыми рукоятками червошеской поры не имеют ничего общего с ранними скифскими мечами и поэтому никак не могут считаться даже отдаленными их прототипами.

Учитывая распространение клинковой в областях Иранского Востока, известного нам, правда, только с VI в. до н. э., а также и то обстоятельство, что греки считали клинок оружием прежде всего персов и лидийцев, кажется возможным поддержать точку зрения М. И. Ростовцева о происхождении этой формы скифского оружия с Иранского Востока. Причем несомненно, что только один тип

акнэкол, наиболее близкий к изображенным на персидских рельефах, является прототипом в ранней, архаической Скифии. От него в Причерноморской Скифии появились мечи с клинками с почковидным перекрестием и прямым завершем, а также те, которые имели широкое завершие. Эти последние М. И. Ростовцев рассматривает как результат влияния гальштатских мечей с антемами и завершем¹²⁷. Приспавшая во влиянии различных характер антемы тех и других мечей, следует предполагать независимое от гальштатских местное появление завершения этой формы.

Несомненно скифским, независимым от персидских акнэкол, было употребление уже в архаическую эпоху сравнительно длинных мечей (длиной более 60 см), так как все изображенные в персидском искусстве акнэкол имеют длину не более 60 см, о чем свидетельствует сам способ их ношения. Находка скифского меча скифского типа в одной из кладовых урартской крепости Тейшбаини показывает, что мечи, значительно превосходящие по длине персидские акнэкол, появились не позднее конца VII в. до н. э.

Несколько позволяют судить данные об персидских акнэколах, широкие бабочковидное перекрестие и клинок с коротким острием оставались там неизменными с течением ряда веков.

К. Ф. Смирнов отметил большую близость основной группы сарматских мечей со скифскими, особенно для VII—VI вв. до н. э.¹²⁸ Происходя из одного источника, они развиваются параллельно, однако полного сходства в эволюции форм тех и других не наблюдается. Сарматы уже с конца VI в. до н. э. стали широко использовать мечи длиной более 1 м. В Скифии длинные мечи (более 70 см длиной) представляли большую редкость. Широко распространенные в IV—III вв. до н. э. в Скифии мечи с ложно-треугольным перекрестием не характерны для сарматов. Последние в то же время выработали свои собственные формы — мечи без металлического перекрестия, мечи с перекрестием в виде согнутого под прямым углом бруска и мечи прохоровского типа. Порочные формы мечей не употреблялись скифами, но были известны меготам Прикубанья¹²⁹. Ряд сарматских мечей, отличающихся по деталям оформления рукоятей от скифских, сближаются с скифскими¹³⁰. Сближение влияния на скифских акнэколах гораздо менее заметно.

От скифов и сарматов скифские мечи стали известны многим народам, с которыми так или иначе они соприкасались. У соседних племен, как например у скидов или меготов, они ничем не отличались от скифских или сарматских. В более отдаленных местах воспалки местные порожания им, как например в Трансильвании и Ветрии, на западе или у племени городишкой или аламанской культур на востоке. Некоторые местные черты можно видеть и на ряде мечей и клинков Северного Кавказа.

ПОЖНЫ СКИФСКИЕ МЕЧЕИ

Судя по остаткам дерева и кожи, обнаруженным на большинстве клинков скифских мечей, ножны делались из дерева и покрывались сверху кожей. В некоторых случаях кожу заменяла материя: так например, материей

¹²⁶ М. И. Ростовцев, 1918 г. стр. 55.

¹²⁷ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 20.

¹²⁸ Н. В. Афанасьев, 1953, стр. 467 сл.

¹²⁹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 29—31.

была обшита деревянная основа пожев меча из кургана 4 у с. Берестяги¹³¹. Иногда поверх дерева или кожи набились костяные пластины. На дереве, на коже, на кости не сохранились пластины, чтобы по ним можно было восстановить форму ножа.

В богатых скифских курганах вместе с мечами, рукоятки которых были обложены золотой пластиной, сохранились золотые же обкладки, покрывавшие всю поверхность деревянных ножен и поэтому повторявшие их форму¹³². Количество таких золотых орудий не велико, однако они найдены в курганах разных эпох, а поэтому дают возможность судить о формах как архаических, так и более поздних пожев.

Форма ножен определяется формой клинка меча и способом пошива последнего. Поэтому нам известны пожки со сходившимися к концу сторонами, соответствующую клинку мечей треугольной формы и пожки с параллельными сторонами, предназначенные для мечей с параллельными лезвиями клинков. Как мы уже видели, мечи с теми и другими клинками существуют в VI—V вв. до н. э., то же самое может относиться и к ножам.

Способом прикрепления пожев к поясу объясняется наличие бокового выступа на ножках, который имеет место почти на всех более или менее хорошо сохранившихся ножках с золотой оправой.

Но менее важной особенностью, объясняющейся также, по-видимому, способом ношения¹³³, является форма внешнего конца пожев.

По форме внешнего конца известные нам ножки можно разделить на две группы: 1) ножки с расширением на конце; 2) ножки, не имеющие такого расширения.

К первой группе относятся одинаковые ножки из Мельгуновского и Келермесского курганов¹³⁴, вполне тождественные друг другу ножки из Чертомлык и кургана 8 у ст. Елизаветовской (раскопки В. П. Шилова)¹³⁵, а также ножки меча из Солохи¹³⁷ (табл. 17, 1—4). По форме они могут быть оставлены в связь с ножками, изображенными на персидских рельефах и на золотой пластине из Аму-Дарьинского клада. По всей вероятности именно эта форма ножен вместе с акинаками с брусковидным пазом и сибирскими перекрестьями была приспосабливаема в Скифию с Иранского Востока. Наиболее близки к персидским ножкам Мельгуновского и Келермесского акшаков, имеющие параллельные стороны, соответствующие параллельным лезвиям клинков, которые переходят в округлое расширение на ширком конце, и выступ в виде лопасти сверху. В устье ножен имеется специальное расширение для перекрестья меча.

На ножках из Келермесского кургана в стиле древневосточного искусства изображены фантастические существа с туловищами быков и львов, с крыльями в виде рыб, с головами в виде львов, баранов, быков и грифонов. Некоторые из них держат натянутые луки с готовыми к спуску стрелами. В верхней части ножен священное дерево, около которого стоят две крылатые человеческие фигуры. На боковой лопасти изображены олень в скифском зверином стиле, а по краю — стилизованные головы

птиц. Мельгуновские ножки только в деталях декорировки отличаются от келермесских. Б. Б. Piotrowski убедительно сопоставил изображения на этих двух ножках с памятниками Закавказья, с одной стороны, в скифском, с другой, и пришел к интересному выводу об изготовлении келермесского и мельгуновского мечей и ножен скифами под влиянием урартского искусства или же по заказу скифов в кавказских районах¹³⁸.

С наконечниками ножен из Келермесского и Мельгуновского курганов по форме и орнаментации полностью совпадает золотой наконечник ножен, найденный вместе с другими предметами в местности Зивийе, в Иранском Курдистане¹³⁹.

Остальные три пары ножен, включенные нами в первую группу, относятся к более позднему времени (IV—III вв. до н. э.) и могут рассматриваться как производные от ранних. В отличие от последних они не имеют специального расширения в устье для перекрестья меча. В них входил только клинок до перекрестья. Для того чтобы меч плотно прилегал к ножкам, в устье ножен был сделан специальный вырез, соответствующий форме нижнего края перекрестья рукоятки меча. В деталях формы, а также по изображениям на них сценам, ножки из Солохи отличаются от ножен мечей из Чертомлыка и Елизаветовского кургана. У ножен соловиховского меча расширение на конце имеет форму почти правильного круга. С одной из сторон имеется два продолговатых выступа. Один из них, верхний, с небольшим круглым отверстием в правом углу, служил для прикрепления ножен к поясу. Второй, расположенный почти посредине, скорее всего имел только орнаментальное назначение. На золотой обкладке несколько раз повторен один и тот же мотив терзания хищником оленя. На круглом расширении конца ножен изображение головы медведя-горного. Сталь изображений и сюжет обычно для предметов, сделанных греческими мастерами по скифскому заказу.

Ножки чертомлыкского и елизаветовского мечей имели небольшое овальное расширение на конце и одну лопасть сбоку для прикрепления меча к поясу. На боковом выступе, обрамленном крупной зернью, нанесено изображение сцены терзания лани или оленя грифоном. Из-за недостатка места лань помещена на дельном, представляла голова с рогами и часть шеи. На верхней части обкладки ножен изображено два грифона в геральдической позе, держащих пальмовую ветвь. На большей части поверхности ножен представляли сцены битвы варваров-персов или скифов с греками¹⁴⁰. Всего имеется пять сцен, отражающих разные моменты битвы. Полная идентичность чертомлыкской и елизаветовской обложки ножен мечей позволяет считать, что эти предметы, так же как одинаковые обкладки четырех, описанных выше и горитов, были сделаны одним мастером по одной матрице. Ближе к этим двум обложкам еще одна, хранящаяся в метрополитанском музее в Нью-Йорке и происходящая как будто бы из района Никополя¹⁴¹. От чертомлыкской и елизаветовской она отличается по форме бокового выступа и изображению на нем. Здесь помещены две сцены: терзания львом оленя и львиноголовым грифоном самки оленя. Изображение на самих ножках не отличается от первых двух.

Находясь идентичных предметов греческого ювелирного мастерства, рассчитанных на скифских заказчика, все

¹³¹ А. А. Бобринский, 1901, стр. 94.

¹³² Золотые оправы не исключают кожаною обложку ножен, наоборот, золотой лист прикрывался скорее всего к коже, а не к дереву.

¹³³ О способах ношения мечей см. стр. 63.

¹³⁴ Е. М. Придяк, 1911, табл. III, 1; Б. Б. Piotrowski, 1950, табл. LII, LIII.

¹³⁵ ДПС, табл. XXXV.

¹³⁶ В. П. Шилова, 1961, рис. 11.

¹³⁷ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 106, рис. 180; W. Ciniaga, 1928, табл. 22, 4.

¹³⁸ Б. Б. Piotrowski, 1944, стр. 312 сл.; 1959, стр. 252.

¹³⁹ R. Ghisleria, 1950, стр. 185, рис. 7; Б. Б. Piotrowski, 1959, стр. 254.

¹⁴⁰ М. И. Ростовцев выдал в варваров персов; М. И. Ростовцев, 1918, стр. 70; В. П. Шилова, 1961, стр. 159—160.

¹⁴¹ Gisela M. A. Richter, 1931, стр. 44—48.

более и более убеждают нас в том, что центром производства этих высокохудожественных вещей были восточные города Северного Причерноморья и скорее всего города Босфора, как в свое время предполагал М. И. Ростовцев. Топография находок одинаковых горшков и ножен мечей подтверждает эту точку зрения.

О существовании ножен скифских мечей, с расширением на конце, можно судить и по некоторым другим находкам. Так, в погребении I кургана I и в кургане 19/21 Никопольского могильника находились мечи, к концам клинков которых прикрепили железные пластины округлой формы. Эти пластины являются остатками железных оковок дорвавшихся ножен с расширением на конце¹⁴².

В кургане близ с. Дарьевки, на Киевщине, найден костяной наконечник полукруглой формы, украшенный резным изображением в зверином стиле¹⁴³ (табл. 19, 2). А. А. Бобринский, издавший этот предмет, назвал его «набалдашником от ножа». Однако по форме он больше всего напоминает расширенный конец ножен калермесского и мильгунковского мечей. Аналогичные костяные наконечники ножен были найдены в Египте¹⁴⁴. Их отличает лишь другая стилизация изображенных на них животных, хотя поза козлов такая же, как поза хищника на наконечнике из с. Дарьевки. Судя по особенностям звериного стиля, этот наконечник следует датировать скорее всего первой половиной или серединой IV в. до н. в.

Таким образом, на основании немногочисленных данных мы можем говорить о том, что ножи «иранского» типа, имеющие выступ сверху, сбоку и расширение на конце, существовали в Скифии без особых изменений на протяжении всего изучаемого периода, с конца VII до III в. до н. в. Причем они были свойственны только коротким мечам, которые можно было носить привязанными к ноге. Может быть, признаком ножен равнинского времени является то, что меч входил в ножны вместе с перекрестьем; тогда как в ножнах IV—III вв. помещался только клинок.

Вторую группу, представленную большим числом находок, составляют ножи, не имеющие расширения на конце. Среди них известны ножи с металлическими и костяными наконечниками и ножи, лицевую сторону которых покрывала золотая пластинка (табл. 17, 3; 18, 3—6).

Ножи с золотыми наконечниками были у мечей из курганов у хутора Шумейко¹⁴⁵, Томаковки¹⁴⁶, Золотого близ Симферополя¹⁴⁷. Золотые же наконечники ножен были найдены при археологических раскопках в курганах 478 у Златополя¹⁴⁸, у Ново-Николовски¹⁴⁹. К ножам этого типа относятся бронзовые литежные наконечники, найденные вместе с мечами и кинжалами из Старшей могилы¹⁵⁰ и с мечом из кургана 5 в с. Рыжовка¹⁵¹ (табл. 15, 8, 11). Железная оплыва конца ножен без расширения была найдена вместе с мечом в одном из погребений Нестеровского могильника¹⁵².

Роговой наконечник ножен, с резным орнаментом в зверином стиле (изображение по рисунку в поздней респираторной неосомоно), происходит из погребения в могильнике близ г. Минеральные Воды (табл. 19, 2)¹⁵³. Серебряная оковка ножа из питерского растительным орнаментом была найдена П. Д. Либеровым в кургане 11 группы «Частых» курганов (табл. 19, 6)¹⁵⁴. Соответствующие формы клинков мечей, для которых они были изготовлены, ножи или мечи параллельные стороны, или клинок суживался к концу. Это видно по изображению и в форме наконечников ножен. Наконечники ножен с параллельными сторонами лишь очень незначительно сужаются к концу, наконечники ножен для клинков треугольной формы сильнее сужаются к концу. Особенно хорошо это заметно при сравнении наконечника ножен меча с параллельными сторонами с наконечником ножен кинжала с широким треугольным клинком из Старшей могилы. Последний в отличие от остальных ажурный, орнаментирован сильно стилизованной фигурой хищника кошачьей породы (табл. 19, 3).

Ножи мечей на Томаковке, Шумейки и Золотого кургана, кроме наконечников, имели еще золотые оправы верхних частей. Эти оправы показывают, что мечи входили в ножны вместе с перекрестьем. Там, где в ножнах помещалось перекрестье, было сделано специальное расширение, повторяющее форму перекрестья меча, так же как на калермесском и мильгунковских ножнах. Боковые выступы для прищипывания ножен к поясу на всех трех оковках отсутствуют. Однако небольшие круглые отверстия с одной стороны верхних оковок ножен свидетельствуют о том, что боковые выступы и здесь имели место, но были изготовлены из отдельного листа и не сохранились. Золотая оковка верхней части ножен меча из Петтерфельда имеет характерный боковой выступ¹⁵⁵.

Верхние и нижние части оковок ножен мечей на Томаковке, Шумейки и Петтерфельде были орнаментированы по-разному. Наконечники ножен были украшены зернью (Шумейка) или филигранью с эмалью (Томаковка) в той же технике и стиле, что и рукоятки мечей, с которыми они найдены. Верхние оправы ножен из Томаковки и Шумейки орнаментированы в зверином стиле, обычном для скифского искусства конца IV — начала V в. до н. в. Различный характер орнаментации привел В. Гинтерса к заключению, что эти ножи прошли через две мастерские¹⁵⁶, в одной из них, греческой, были изготовлены обкладки рукояток мечей и наконечники ножен, в другой, местной — верхние оправы, орнаментированные в азиатском стиле. С таким предположением В. Гинтерса трудно согласиться. Более вероятно, что мечи вместе с ножнами были сделаны в одной мастерской, работавшей в греческом стиле и входившей в Ольвию¹⁵⁷ или в Боспор.

Обкладка верхней части ножен меча из Петтерфельда украшена фигурными зверей, выполненными в стиле, не свойственном для скифского искусства. А. Фуртвальгер¹⁵⁸, Н. Феттх¹⁵⁹ и др. отмечают, что малоразвитые изображения близка к понтийскому искусству, и на этом основании предполагают, что ножи были сделаны в одной из греческих мастерских, скорее всего в Ольвии. Однако отсутствия предметов с подобной орнаментацией

¹⁴² Б. Н. Граков, 1982, стр. 105, рис. 4, 2—3.

¹⁴³ А. А. Бобринский, 1894, стр. 132, рис. 13.

¹⁴⁴ E. Fattah, 1944, стр. 285—286, рис. 367.

¹⁴⁵ Б. Н. Граков, 1982, табл. XLV, 401.

¹⁴⁶ М. И. Ростовцев, 1918, стр. 22. Правильную реконструкцию их сделал В. Гинтерс, W. Günter, 1928, табл. 111.

¹⁴⁷ М. И. Ростовцев, 1918, стр. 27.

¹⁴⁸ А. А. Бобринский, 1910, стр. 70, рис. 8 а.

¹⁴⁹ Не издан. Эпх.

¹⁵⁰ В. А. Липинская, 1951, стр. 198, табл. I, 2; табл. III, 7.

¹⁵¹ Не издан. ГИМ.

¹⁵² Е. И. Крупнов, 1960, рис. 21, 5.

¹⁵³ Е. И. Крупнов, 1960, рис. 21, 4.

¹⁵⁴ П. Д. Либеров, 1954, № 1024.

¹⁵⁵ W. Günter, 1928, табл. 3.

¹⁵⁶ Там же, стр. 10.

¹⁵⁷ С. И. Калашникова, 1956, стр. 180.

¹⁵⁸ A. Furtwängler, 1883, стр. 51—52.

¹⁵⁹ N. Fethlich, 1934, стр. 54—56.

ций на нашем юге заставляет думать, что местом их производства скорее был один из городов Западного, а не Северного Причерноморья. А. П. Мандевич¹⁴⁰ считает, что южные мечи из Феттерсфельде и Томаковки были сделаны в мастерских Северо-Востока. Но для доказательства этой точки зрения пока нет серьезных оснований. Все найденные в Семагальде предметы, украшенные в стиле, подражающем скифскому, существенно отличаются от изображений на утомленных полах мечей. Кроме того, разный характер ornamentации обкладок ножен из Томаковки и Феттерсфельде не позволяет говорить об одном центре их происхождения.

Сплошные обкладки ножен мечей без расширения на конце, покрывавшие всю наружную поверхность ножен, представлены четырьмя экземплярами. Две из них, происходящие из кургана у ст. Елизаветовской¹⁴¹, принадлежали ножным мечей VI и V вв. до н. э. с параллельными лезвиями. Две других, из кургана 10 у ст. Елизаветовской¹⁴² и из Куля-Обы¹⁴³, были сделаны из ножен мечей, имевших треугольный клинок (табл. 17, 5). Они относятся к IV в. до н. э. У трех из них сохранились боковые лопасти, причем на ножнах ушаковского меча золотая обкладка лопастей была заготовлена отдельно от обкладки ножен, как и на ножнах мечей из Томаковки, Шумейки и ряда других памятников. Ножны меча из кургана 1 у ст. Елизаветовской, так же как и некоторые из ранних ножен с расширением на конце, были сделаны таким образом, что в них входил клинок вместе с перекрестом. Остальные ножны имели вырез по краю, соответствующий форме нижнего конца перекрестия и, таким образом, покрывали только клинок меча без перекрестия. Интересно заметить, что к числу последних принадлежат и ножны ушаковского меча, наиболее ранние из всех ножен этой группы.

По характеру ornamentации все четыре обкладки близки друг к другу. Они украшены сценами терзания зверей, выполненными в скифском (ушаковские ножны) и скифотроическом стиле, характерном для многих скифских предметов, особенно тех, которые относятся к концу V и IV — III вв. до н. э.

Из Меджида в Добрудже (область Констанца) происходит интересный бронзовый дитой предмет, передающий акинах в ножнах (рис. 1, 2)¹⁴⁴. Рукоять, перекрестие меча и выступ ножен украшены в скифо-фракийском зверином стиле, по которому можно датировать эту вещь серединой или второй половиной V в. до н. э. Особного внимания заслуживает та часть акинаха, на которой воспроизведены ножны. Верхняя половина, очевидно, передает деревянную основу ножен, повторяющую форму клинка с ребром посредине. На кошке изображения, по-видимому, металлический наконечник, по форме близкий к наконечнику ножен из Томаковки.

Предмет из Меджида уникален. Судя по массивным выступам на оборотной стороне, он мог быть прикреплен к какому-то мотузку или статусу, изображающей скиф-воина. Но даже если это не так, то он, несомненно, относится к категории зотивных предметов, служащих эмблемой или символом воинской воли.

Ножны мечей без расширения на конце, так же как и те, которые относятся к первой группе, существовали

в течение всей скифской эпохи. Сравнительно большое количество находок остатков таких ножен, а также то, что именно эта форма изображения на асех, кроме одного, наименее скифских ювелирных, позволяет предположить, что она была господствующей в Скифии.

В связи с тем, что на переднеосточных рельефах нет изображений воинов акинахов без расширения на конце, можно считать эту форму местной по происхождению. По всей вероятности, она появилась в связи с распространением мечей большой длины, чем те, которые можно было носить прижатными к ноге, как это было характерно для персов.

Различные формы наконечников ножен, решая для нас мечей, а также изображения на фигурах скифов-воинов позволяют считать, что единого способа ношения мечей у скифов не было. Правда, обзоры для всех способов было то, что меч в ножнах всегда прикрывался к поясу. Для этого на клинке делался специальный выступ-лопасть с отверстием в углу для ремня, посредством которого ножны соединялись с поясом. Лопасть вместе с тем придавала нужное направление мечу на фигуре воина. Находки большинства мечей справа от погребенного свидетельствуют о том, что скифы чаще всего носили меч на правом боку. Это и понятно, так как слева прикрывался к поясу горят или молчан с луком. Однако отдельные случаи нахождение меча слева от погребенного позволяют предположить, что иногда меч прикрывался у левого бока воина. Это было возможным тогда, когда у воина не было гората. Изображения меча на левом боку у одного из скифов, представленных на рельефе из Салжи, подтверждает данные археологии (табл. 4, 1, 2).

Короткие мечи-акинахи, вложенные в ножны с расширением на конце, по всей вероятности, скифы носили так же, как персы, т. е. прижатными к ноге. Расширение на конце ножен было необходимым при таком способе ношения, оно не давало мечу выскальзывать из-под ремня при движении. Однако прижатными к ноге можно было носить только те мечи, длина которых не превышала 55—60 см. Меч не должен был доходить до колена, в противном случае воину было трудно передвигаться и не менее трудно сидеть верхом на коне и управлять им.

Возможно, персидский способ ношения меча у скифов не был широко распространенным, поскольку ни на одном из изображений скифов-воинов он не получил отражения. Об этом же говорит широкое употребление скифскими ножен без расширения на конце, не приспособленных для ношения мечей в ножнах по персидскому образцу, и изображения на ювелирных фигурах скифов-воинов. Изображения показывают, что самым обычным был тот способ ношения, при котором ножны меча прикрывались к поясу спереди, ближе к правому боку, боковой выступ ножен давал направление прикреплению, таким образом, мечу от середины пояса к левому колену. Этим способом можно было носить и короткие, и более длинные мечи (табл. 5).

Таким же образом, вероятно, носили и кинжалы, если они имелись на вооружении воина, без сопровождения меча. Если же воин имел меч и кинжал, то последний мог помещаться в одних ножнах с первым, как об этом свидетельствует положение кинжала вместе с мечом в кургане 13 у с. Кириновки (раскопки Е. Н. Мельник)¹⁴⁵. В отдельных случаях в ножны вместе с кинжалом было вложено шило, как, например, это было отмечено в Старшей Могиле¹⁴⁶.

¹⁴⁰ А. П. Мандевич, 1959, стр. 74—79.

¹⁴¹ Курганы раскопаны А. Ушаковым; W. Gintler, 1928, табл. 7, с. Курганы 1 (раскопки А. А. Миллера); ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210.

¹⁴² А. А. Миллер, 1910, стр. 104, рис. 9 и табл. 21.

¹⁴³ ДВК, табл. XXVI, 2.

¹⁴⁴ D. Bercea, 1959, стр. 7—48, 1958, стр. 93 сл.; 1960, стр. 171 сл.

¹⁴⁵ Е. Н. Мельник, 1905, стр. 686.

¹⁴⁶ Д. Я. Самаровская, 1908, стр. 98.

Здесь же следует остановиться на назначении мечей и кинжалов. Судя по изображению на гробу из Солохи, мы можем говорить о том, что короткие мечи употреблялись в качестве колющего оружия пешех или спешившихся воинов. Так как эволюция клинка скифских мечей идет в направлении увеличения эффективности действия мечом, как колющим оружием, мы можем предполагать, что в течение всей скифской эпохи меч был колющим оружием пешехого боя в первую очередь.

Изображение более длинного скифского меча в качестве рубящего оружия в руках всадника на обшивке горшка из Солохи (табл. 10, 3) свидетельствует о том, что более длинные мечи могли употребляться конными воинами как рубящее оружие. Тем не менее совершенно очевидно, что скифские мечи для конного боя еще были мало приспособлены.

СКИФСКИЕ БОЕВЫЕ ТОПОРЫ И ПРАЦИ

БОЕВЫЕ ТОПОРЫ

помысливая древних авторов о скифских боевых топорах или секирах (*σάγρις*) многочисленности. Городот называет секиру два раза; один раз — в числе другого скифского оружия: стрел и дротиков — секира опускалась в чашу с вином и кровью при заключении клятевного договора¹. Второй раз Геродот называет секиру при описании скифского варягата легенды о происхождении скифов. Боевой топор (*σάγρις*) входит в число священных даров, упавших с неба и доставшихся младшему брату Колаксаю, ставшему во главе скифского царства². Из других авторов только Юлий Понядека³, грамматик и софист второй половины II в., называет скифский боевой топор в числе варварского вооружения.

По словам Геродота⁴, секирой (*σάγρις*) были вооружены также и азиатские скифы-саксы. Причем в этом случае секира уподобляется персидским топорам. Более или менее подробного описания ви скифской, или сакской секеры античные историки не дают. Сакские боевые топоры известны нам только по изображениям, где они представлены двулезвийными. Так, изображенные на Персепольском рельефе⁵ саксы приносят в дар персидскому царю двулезвийные боевые топоры. Двулезвийным же топором сражались с персидским царем сак, изображенный на персидском цилиндрической печати⁶.

Скифские боевые топоры, известные по изображениям в главном образом археологическому материалу, отличаются от сакских. На предметах греческой торевтики, связанных со скифами, скифский боевой топор всегда изображается однолезвийным. На воронежском сосуде в руках трех из шести изображенных скифов имеется по боевому топору. Один из них имеет форму, близкую к форме современной кирки и изображает, вероятно, клевец. Два

других имеют широкий клинок в виде трапеции и довольно длинный обухом (табл. 4, 3, 5).

Аналогичные этим двум топоры изображены в руках пешего полунагого скифа, сражающегося с всадником, на серебряной позолоченной обкладке гората из Солохи (табл. 10, 3) и чертомлыцких ножнах (табл. 17, 4).

Однолезвийным же боевым топором с трапециевидным клинком и длинным, немного отогнутым обухом сражается с грифоном варвар, изображенный на золотом калатосе из Большой Блязницы⁷. К этому можно прибавить еще изображения близких по форме боевых топоров на олимпийских испанских монетах конца IV—III в. до н. э. (табл. 3, 1). На предметах скифского мастерства изображения боевого топора встречаются сравнительно редко. Они имеются на трех каменных казаянских скифов-воинов, два из которых происходят с территории Скифии⁸ и одно из Добруджи⁹. Боевые топоры с длинным обухом схематично воспроизведены здесь подвешенными к поясу на правом боку. Топор держит в руках сидящий скиф на золотой бляшке от пояса, найденной Мазарак в кургане у с. Аксютинцы¹⁰. В отличие от остальных изображений здесь скорее всего передан не боевой топор, а завершение начальнического жезла в виде секеры. Об этом говорит несколько необычная форма предмета, понятная только при сравнении изображений с бронзовыми топориками-навершиками, найденными в Северном Причерноморье.

Полное представление о скифских боевых топорах дают археологические находки, сделанные в курганах Северного Причерноморья. Скифским топорам, рабочим и боевым, посвящена специальная статья В. А. Ильинской¹¹.

По сравнению с другими видами скифского оружия — стрелами, копьями, мечами и кинжалами — боевые топоры редко сопровождали погребения скифов-воинов. По сводке В. А. Ильинской, в Северном Причерноморье известно около 50 боевых топоров, найденных главным

¹ Геродот. IV, 70. ВДН, 1947, № 2, стр. 270.

² Геродот. IV, 5, стр. 259.

³ Ю. Полидаев. Словарь о варварском вооружении. ВДН, 1948, № 2, стр. 285.

⁴ Геродот. VII, 81.

⁵ E. Herzfeld, 1941, табл. LXXVII.

⁶ E. Minns, 1913, стр. 61, рис. 23.

⁷ E. Minns, 1913, стр. 425, рис. 315.

⁸ А. И. Малахова, 1952, стр. 125, рис. 1. Одно из Ждановского, а второе из Херсонского музея; А. А. Силин, 1928, стр. 487, рис. 2.

⁹ V. Savastrache, 1853, стр. 709, 714.

¹⁰ Отчет Московского исторического музея за 1906 г., стр. 14, рис. 1, 2.

¹¹ В. А. Ильинская, 1961, стр. 27 и сл.

образом в лесостепных областях и прежде всего в курганах левобережного Среднего Приднепровья. В степных скифских памятниках их найдено девять, из которых сохранилось только один, обнаруженный в Талаевском кургане близ Симферополя¹².

Небольшое количество находок боевых топоров в погребениях свидетельствует о том, что этот вид оружия имел лишь второстепенное значение в скифском военном быту. Они редко употреблялись скифами-кочевниками в несколько чаще войнами из оседлых земледельческих племен. В тех немногих случаях, когда топор находился непосредственно при погребении, он лежал близ правого бока (в кургане 3 у хут. Поповка, в кургане 46 близ с. Ярмолыцы, в кургане 1 у с. Волковцы, в Талаевском кургане). Такая позиция топоров в могиле, как и приведенные выше изображения на керамических пазаньях, указывают на то, что воины носили это оружие справа.

Количество боевых топоров, найденных в погребениях, не всегда одинаково. Обычно встречается по одному боевому топору в могиле воина, но в трех погребениях было положено по два (в кургане Старшая Могила, в кургане 1 у с. Троицкое, в кургане 8 у хут. Поповка). В кургане у хут. Шумейко было найдено даже три боевых топора.

Все топоры, которые можно отнести к числу боевых, судя по их форме и положению при погребении вместе с другими видами оружия, были железными, проуными. Все они однолезвийные, но отличаются друг от друга по форме и размерам обуха и лезвия. Они могут быть разделены на два отдела: к первому относятся клиновидные топоры с массивным четырехгранным обухом, ко второму — легкие топоры-молоты с узким длинным обухом. Количество топоров второго отдела значительно преобладает над первым.

Топоры первого отдела подразделяются на два типа: 1-й тип представлен клиновидными топорами с прямой лобной частью и несколько расширяющейся от проуха к лезвию тыльной. Топоры 2-го типа отличаются тем, что имеют полукруглую выемку в основании.

К 1-му типу принадлежит всего четыре топора (табл. 21, 17)¹³. Они близки друг к другу по форме и по размерам. Три из них уверенно могут быть датированы VI в. до н. э., и только топор из кургана 34 группы «Частых» курганов, возможно, относится к несколько более позднему времени.

Ко 2-му типу относятся восемь экземпляров¹⁴. Различия в форме между ними незначительны, но они отличаются друг от друга по размерам. Топоры из Старшей могилы и кургана в Поповке наиболее массивные. Они имеют длину 22—22,5 см при ширине лезвия 6 см (табл. 21, 18). У них четырехгранный обух, прямой верх лобной части, глубокая дуговидная выемка посредине тыльного бока, слегка скошенное лезвие. Проух топоров овальный, расположен в обухной части, но ближе к лезвию. Сопоренные аналогичны по форме, но отличаются меньшей массивностью топор из кургана в с. Веремьска.

Топоры из курганов 411 у с. Пекарн, 472 у с. Осипьянка, кургана близ с. Прусы отличаются малыми размерами, длина их 11—15 см. При этом проух находится почти посредине, так что обуховая часть почти равна по длине дугообразному лезвию. Грива обуха слегка закручена у топора из кургана 411 у с. Пекарн. У одних из них проух круглый, у других — овальный.

Датируются топоры этого типа по-разному: большинство находок относится к VII в. до н. э. Топор из кургана 411 у с. Пекарн принадлежит к первой половине V в. до н. э., топор из кургана 472 у с. Осипьянка — к IV в. до н. э.

Клиновидные топоры — молоты — известны в небольшом количестве за пределами интересующего нас района. Один из них происходит из таврского погребения в каменной ящике в Байдарской долине¹⁵, два топора найдены на Кавказе: один в Нестеровском могильнике, второй в могильнике в Кашкотэ¹⁶. Третий топор, близкий к описанным, приведенный В. А. Ипатьской, происходит из погребения IV—III вв. до н. э. у с. Фальчиный Геленджик¹⁷. К клиновидным топорам-молотам по форме близки рабочие топоры, найденные преимущественно на городищах и поселках скифского времени в лесостепных областях Украины и в Молдавии¹⁸. вполне возможно, что описанные выше и найденные среди предметов вооружения в погребениях топоры-молоты употреблялись не только как оружие, но были одновременно и орудиями труда.

II ОТДЕЛ. ТОПОРЫ-МОЛОТЫ С ДЛИННЫМ УЗКИМ ОБУХОМ

Они могут быть разделены на два основных типа: к первому из них относятся топоры с прямой спилкой, ко второму — с дугообразной изогнутой спилкой.

В пределах указанных типов топоры могут значительно варьировать. Они различаются размерами, формой обуха, проуха и лезвия. К 1-му типу относятся пятнадцать топоров, имеющих прямой край лобной части и заходящей на одной стороне с ним верхний край обуха. В месте проуха сделано овальное или ромбовидное расширение. По форме клинка топоры этого типа могут быть разделены на два варианта: к первому относятся те из них, которые имеют клип, расширяющийся от проуха к лезвию, с тыльной стороны. Во второй вариант объединяются топоры, лезвия которых слегка расширяются в обе стороны от проуха.

Топоры первого варианта представлены девятью экземплярами (табл. 21, 10, 16, 20, 21)¹⁹. Только два из них довольно массивные (из Старшей Могилы и из кургана у с. Ленковцы), имеют четырехгранный сравнительно короткий обухом. Короткий обух с молоточковидным расширением на конце у топора из кургана 468 у с. Аксютинцы, по пропорции его более легкий, чем у двух первых (табл. 21, 16). Остальные топоры этого варианта имеют довольно длинный обухом, почти равный длине клинка, чаще круглый, реже четырехугольный в разрезе, с более или менее ярко выраженным расширением на конце (табл. 21, 14, 19, 21). Все объединенные в этот вариант топоры датируются VI в. до н. э.

Ко второму варианту принадлежит пять топоров (табл. 21, 9, 14, 19, 22). Все они, кроме одного, имеют обух почти равный по длине клину, без расширения, или едва заметный на конце расширение. Боковое утолщение в месте проуха у них гораздо слабее выражено, чем у топоров первого варианта. Только топор из кургана 485 у с. Каптановки имеет сравнительно короткий круглый обухом с грибовидным расширением на конце.

¹² Н. И. Раппанов, 1908, стр. 143.

¹³ Е. И. Кривов, 1980, стр. 247, рис. 45.

¹⁴ В. А. Ипатьская, 1961, стр. 51, рис. 13, 2.

¹⁵ Там же, стр. 30, рис. 2.

¹⁶ Там же, стр. 37, рис. 6, 6—14.

¹⁷ А. П. Манцевич, 1957, стр. 455 и сл.

¹⁸ В. А. Ипатьская, 1961, стр. 32, рис. 3, 1—4.

¹⁹ Там же, рис. 3, 5—6; 4, 7—2.

VI в. до н. э. датируются топоры из кургана в с. Новосалка, Гримайловская в кургана 1 в урочище Скоробор. К IV в. до н. э. относится топор из кургана 485 у с. Капипаловка. Остальные два не могут быть датированы, так как найдены вне комплексов.

Как особый вариант этого типа следует рассматривать топор из Талаевского кургана. Он очень легкий, отличается от всех остальных по форме корпуса и лезвия. Корпус его имеет вид круглого прилого стержня с небольшим расширением на месте проуха и едва заметным утолщением на конце обуха (лезвие полукруглое) (табл. 21, 23).

Сколько-нибудь близких к талаевскому топоров мне неизвестно. Сопоставление с топорами из погребений на Сухумской горе, сделанное В. А. Ильинской, неправомерно. Топоры западного Кавказа не только по общей форме, но и по форме лезвия далеки от талаевского.

Также совершенно уникальным является топор из Кеберисского кургана, но по общим очертаниям он напоминает топоры рассматриваемого типа. Лезвие его симметрично расширяется от проуха в две стороны, обухная часть массивная, заканчивается расширением, проух сбоку специально не выделен. Проушная часть, обух и рукоять топора имели золотую обкладку с изображениями в скифском и персидском стиле, таком же как на ножнах меча отсюда же.²⁰

Топоры 2-го типа представлены четырьмя экземплярами (табл. 21, II—13, 15).²¹ Все они близки друг к другу по форме и размерам. От тех, которые объединены в 1-й тип, они отличаются тем, что клинок и обух их слегка опущены вниз по отношению к проуху. Вместо проуха у них, как и у топоров первого варианта 1-го типа, имеется овальное расширение. Обухная часть по длине почти равна клинку, последний по форме не отличается от тех, которые имеются у топоров 1-го типа. Обух круглый или четырехгранный, с плоской или полукруглой шляпкой на конце. Проух в плане круглый или овальный. Второй половинкой в конце VI в. до н. э. датируются топоры из кургана у хут. Шувейко и кургана 448 у с. Журовка. К IV—III вв. до н. э. принадлежат топоры из кургана 9 у с. Пруссия.

Находки боевых топоров с клиновидным лезвием и довольно длинным и узким обухом, близких к описанным, известны далеко за пределами лесостепных областей Северного Причерноморья, для которых они были свойственны.

На Северном Кавказе они встречались неоднократно. Близок к топорам 1-го типа топор, найденный в могиле 10 VI в. до н. э. в Каррасском могильнике.²² Несколько топоров происходит из Луговского могильника.²³ Последние, несмотря на типологическую близость к описанным, отличаются некоторым своеобразием. Они более узкие и длинные, без утолщения на конце.

Среди железных топоров аналитической культуры известно два весьма близких к топорам, объединенным нами в 1-й тип.²⁴ По мнению А. В. Збруева, эти топоры не были местными по происхождению, а проникли в область аналитической культуры благодаря связям со скифскими племенами Северного Причерноморья.²⁵

Топор с четырехгранным обухом, очень близкий к найденному в кургане у с. Ленковцы, происходит из погребения в кургане у с. Бирсеты в румынской Молдавии.²⁶

Топоры-молоты найдены на территории лужицкой культуры в Польше²⁷ и в памятниках раннего железного века в Чехословакии.²⁸ Среди них известны топоры, которые можно отнести как к 1-му, так и ко 2-му типу по нашей классификации. И. Костяевский считает, что в лужицкой культуре Польши топоры распространились из Чехословакии. Отмечая близость их со скифскими, И. Костяевский полагает, что скифы восприняли эту форму у населения лужицкой культуры во время своих военных походов на эту территорию.²⁹

Ближние к скифским железные топоры происходят из погребений скифского типа на территории венгерского Потисья. По встречным вместе с ними находившимся скифским стрел они датируются VI—началом V в. до н. э.³⁰ Одни из этих топоров ничем не отличаются от скифских 1-го, и главным образом 2-го типов, другие лишь подражают им и характеризуются некоторыми особенностями. Так, например, топор из Надкаланы-Хомон имел длинный тонкий обухом, на конце которого вместо грибовидного расширения выжжена головка какого-то животного. Топор из могильника в Мешес отличается большей длиной и сильной изогнутостью обуха, имевшего круглую шляпку на конце. Говоря о топорах, близких к найденным в Северном Причерноморье, следует обратить внимание на тот факт, что они были распространены в венгерском Потисье шире, чем все остальные предметы вооружения скифского типа.

Среди переднеазиатских древностей топоров, подобных скифским, неизвестно. Это заставляло отклоняться от предположения М. И. Ростовцева о происхождении данного вида оружия из областей древневосточной цивилизации.³¹ В настоящее время представляется наиболее вероятным считать местом происхождения топоров с довольно длинным обухом Кавказ. Это предположение, высказанное в свое время мною благодаря новым материалам, собранным Е. И. Крупиным, получило дополнительные обоснования. В. А. Ильинская подробно осветила этот вопрос и привела серию бронзовых топоров IX—VII вв. до н. э., из кавказских древностей, которые могли быть прототипами скифских.³² В. А. Ильинская полагает, что, появившись в Северном Причерноморье с Кавказа, секеры распространились затем на запад, в области лужицкой культуры, в области венгерского Потисья, а также на восток, в Прикаспье. Местное происхождение их исключается в связи с отсутствием среди бронзовых изделий предскифской поры топоров, которые могли бы служить прототипами.

Гипотеза И. Костяевского не может быть принята потому, что в средней Европе боевые топоры-молоты появились одновременно со стрелами и другими наделами скифского типа в VI в. до н. э., более ранних топоров там не найдено.

Особую группу боевых топоров составляют кельцы. Железные кельцы найдены всего в трех курганах.³³ Все они

²⁰ В. Б. Платорский, 1959, табл. IIV, LV.
²¹ В. А. Ильинская, 1961, рис. 6, 1, 2, 4—5. Секеры из Пастирского (В. А. Ильинская, 1961, рис. 6, 3), на мой взгляд, не относятся к скифскому времени.

²² ГИМ, № 2050.

²³ Е. И. Крупинов, 1960, табл. XXI, 2, табл. XI, 3.

²⁴ А. В. Збруев, 1962, стр. 33, табл. II, 21.

²⁵ Там же, стр. 107.

²⁶ S. Morint, 1959, рис. 4.

²⁷ L. Kostrowski, 1932, стр. 160.

²⁸ J. P. табл. XXX, 3; XXXI, 7.

²⁹ L. Kostrowski, 1932, стр. 173.

³⁰ M. Párdúcz, 1952, табл. LXVII, LXVI, LXVIII. A. Botyán, 1955, табл. V, 1, 2; VI, 11, 15; VII, 6.

³¹ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 347—348.

³² В. А. Ильинская, 1961, стр. 49—51.

³³ Там же, стр. 34, рис. 5, 1—3.

однотонны: с длинным ромбическим в сечении клинком, слегка выгнутым и круглым в сечении, коротким обухом. На конце обуха клявца из кургана близ с. Дарьевка имеется конусообразное расширение. Проухо клявцов круглый, с вставленной в него шишковатой втулкой для рукоятки (табл. 21, 5—7). Длина клявцов около 30 см. Датируются все три клявца одним временем — IV—III вв. до н. э. К этому же времени относится упоминаемое выше еднотонное изображение клявца на воронежском сосуде.

Малое количество находок свидетельствует о том, что данный вид боевых топоров иногда не был сколько-нибудь широко распространенным в Северном Причерноморье. Однако, судя по тому, что клявцы были найдены в курганах как среднего, так и нижнего Приднестровья, можно думать, что употребляли их сельскохозяйственное и кочевое население.

Из кургана близ Цукурского лимана, на Таманском полуострове, происходит бронзовый клявец, отличающийся по форме от привнесенных выше железных (табл. 21, 2) ⁴¹. Клинок его слегка выгнутый, жалобчатый, с острым концом, с боков на месте проуха небольшое расширение, обух имеет форму заостри со слегка скошенным с тыльной стороны лезвием. Лопасть по краю украшена внешними рельефным ободком. По родословной эпохе эта секпра датируется концом VII — началом VI в. до н. э. Тождественные по форме, но железные клявцы найдены в курганах VIII Каррасского могильника и в погребениях Лугоного могильника VI—V вв. до н. э. на Северном Кавказе ⁴².

М. И. Ростовцев пытался связать по происхождению клявец Цукурского лимана с хеттскими древностями ⁴³. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Также мало дают поиски прототипов, предпринятые Е. О. Прушевской в памятниках Западной Европы ⁴⁴. По-видимому, права В. А. Ильинская, считавшая, что клявцы в Северном Причерноморье появились с территории авантиской культуры. В этой последней они стали известны благодаря связи местного населения с племенами Западной Сибири, широко пользовавшимися этим видом оружия. С памятниками авантиской культуры Прикамья или тагарскими памятниками южной Сибири связывает по происхождению кавказские клявцы Е. И. Крупнов ⁴⁵.

О размерах и форме рукоятей боевых топоров мы можем судить только по изображениям. Они поражают рукоятки топоров прямыми, имеющими длину около $\frac{1}{3}$ человеческого роста. Несколько большей длиной и надгипернатяга в верхней части отличается рукоять топора, изображенного в руках одного из скифов на воронежском сосуде ⁴⁶ (табл. 4, 3). Судя по изображениям топоров на каменной фигуре скифа-воина из Иджановского музея и на ольховских монетах, топоры по длине были равны лукам ⁴⁷.

Специальную группу составляют небольшие бронзовые секпры, украшенные в зверином стиле (табл. 21, 24—29) ⁴⁸. Связь их с железными боевыми топорами совершенно очевидна. Однако они не могли служить оружием и употреблялись наряду с железными секспрами. Для этой цели бронзовые секпры слишком малы и легки.

Поскольку бронзовые секспры по форме очень близки к изображенным в руках скифа на бляшках из кургана в Аскютянах, упомянутых выше, можно считать их завершающим циклом. Были ли эти секспры знаками царской власти, как думал М. И. Ростовцев ⁴⁹, а вслед за ним другие исследователи ⁵⁰, или же жезлами волеизъявления, командовавших какими-то войсковыми подразделениями, как полагает В. А. Ильинская, сказать трудно. В связи с тем, что эти предметы не имеют прямого отношения к нашей теме, считаем излишним давать подробную их характеристику.

ПРАЦА

О скифской праце можно сказать очень немного. Античные авторы не оставили никаких свидетельств о ней. Единственным материалом, по которому мы можем судить об употреблении пращи скифами, являются находки пращевых камней как в курганах, так и на городищах. Однако ограниченный количество погребений, сопровождавшихся пращевыми камнями (известно не менее 40 случаев), свидетельствует о малом значении этого вида оружия для скифских воинов. Интересно, что находки пращевых камней отмечены в целом ряде скифских погребений, в которых оружие других типов не встречается ⁵¹. Количество находимых в гробницах пращевых камней колеблется от одного до десяти и более штук, причем в большинстве могил содержалось от двух до пяти камней. Положение их при погребении в гробнице бывает различным: в ногах, у головы, у рук, в одном из углов могильной ямы. Лишь в кургане «Острая могила» у с. Яблоновки (раскопки Д. Я. Савокласова) пращевые камни были положены в длинную миску ⁵².

Пращевые камни сделаны из гранита и имеют более или менее правильные округлые очертания. Размеры их неодинаковы, большинство известных мне камней по размерам близки к градиному ореху, но встречаются и более крупные — в виде куриного яйца или яблока. Датируются пращевые камни разным временем — от VII до III в. до н. э.

Действовали пращой, несомненно, пешим войном; употребление пращи конными воинами вряд ли возможно. Находки пращевых камней в женских погребениях, а также на городищах, свидетельствуют, по-видимому, о том, что прашу употребляли в первую очередь при осаде или отражении противника паз-за укреплений, в которых могло участвовать все население.

⁴¹ М. И. Ростовцев, 1913, стр. 8—9.

⁴² Б. Н. Граков, 1950, стр. 11.

⁴³ Напримеч., курган 423 в с. Журино (А. А. Бобринский, 1905а, стр. 84); курган 463 возле Златополья (А. А. Бобринский, 1906, стр. 17); курган XX у Холмского Яра (А. А. Бобринский, 1937, стр. 71).

⁴⁴ Д. Я. Савокласов, 1908а, стр. 116—117.

⁴⁵ Е. О. Прушевская, 1917, стр. 31; В. А. Ильинская, 1961, стр. 50.

⁴⁶ Е. И. Крупнов, 1960, табл. XXXVI, 7; 1958, стр. 104, рис. 6.

⁴⁷ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 347.

⁴⁸ Е. О. Прушевская, 1917, стр. 38.

⁴⁹ Е. И. Крупнов, 1960, стр. 205.

⁵⁰ В. А. Ильинская, 1961, рис. 9, 2.

⁵¹ Там же, рис. 8, 1.

⁵² Там же, рис. 1.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ

Защитное оружие скифов известно нам хуже наступательного. В античной литературе встречаются лишь отдельные упоминания о скифских щитах, на другие его виды греческие писатели почему-то не обратили внимания. Редко встречаются воспроизведения скифской брони на предметах греческого мастерства, сделанных для скифов. Из всех известных нам изображений на вещах этого производства только гробец на Солохи дает некоторое представление о разных видах защитного вооружения (табл. 4, 1, 2). На вороньемском и кульбоском сосудах передавались лишь скифские шиты и пояса. Несколько изображений защитного вооружения скифов известно и на предметах скифского искусства. На каменной стеле из Краснодарского музея воспроизведен чешуйчатый панцирь и бронированный пояс (табл. 5, 2, 3). Такие же пояса из продолговатых металлических чешуек, но более узкие воспроизведены на термовской стеле и на статуе из Киевского музея (табл. 5, 1). В чешуйчатые панцири одеты скифы, изображенные на гермесовской пластине (табл. 3, 16). Чешуйчатый пояс отчетливо передан на золотых бляшках с сидящей фигурой скифа из Аксютинского кургана. Несмотря на малочисленность, эти изображения исключительно важны, потому что археологический материал крайне фрагментарен и только при сопоставлении его с изображениями можно получить представление о видах и формах скифской брони.

Находки металлических предметов, относящихся к защитному вооружению скифов, в курганах воинов представляют гораздо более редкое явление, чем находки различных видов наступательного оружия. Это показывает, что металлическую броню употребляли лишь небольшая часть скифского воинства. Другая часть или совсем не имела защитного вооружения, что мало вероятно, или пользовалась предметами, сделанными из кожи и материи, не сохранившимися в курганах. Вполне очевидно, что роль доспеха играли кожаные безрукавки, известные нам по изображениям: защитную функцию могли иметь и кожаные островерхие шапки-бабушки. По-видимому, шпорок применялись шиты, сделанные из дерева и кожи, хорошо представленные на изображениях, но почти не сохранившиеся в погребениях.

Полный набор защитного вооружения, такой как изображение на фигуре конного воина на солохском гробце,

в составе металлических шлема, панциря и киемид, чрезвычайно редко встречается в курганах Северного Причерноморья. Он найден только в нескольких самых богатых погребениях. Из всех видов защитного вооружения относительно частой находкой являются остатки панцирей, реже встречаются бронированные пояса, еще реже шлемы и попоны.

ПАНЦИРИ

Изображения скифских воинов в панцирях, перечисленные выше, позволяют говорить о том, что скифы и их ближайшие соседи употребляли панцири двух видов: один целиком металлический, сделанный из пластинок или чешуек и поэтому обычно называемые чешуйчатыми; вторые были кожаными, некоторые из них имели металлические нагрудники. Эти же изображения являются надежным источником, на основании которого можно судить о формах и размерах тех и других панцирей. Они особенно ценны в связи с тем, что от кожаных панцирей до нас ничего не дошло, а от чешуйчатых, как правило, сохраняются лишь рассыпавшиеся железные и бронзовые пластинки, по которым трудно определить целые формы. И все же археологический материал не только подкрепляет наблюдения, сделанные на основе изображений, но и дополняет этот источник.

По сводке Е. В. Черненко, значительно более полной, чем та, которая была представлена в моей диссертации, остатки чешуйчатых панцирей известны из 134 курганов степного и лесостепного Северного Причерноморья: в 49 курганах в степи, главным образом в «царских» курганах нижнего Приднепровья и в Крыму, в 71 кургане среднего Приднепровья, в 17 курганах среднего Дона, в 13 курганах нижнего Дона. Кроме того, 22 находки остатков чешуйчатых панцирей происходят из курганов Прикубанья¹.

¹ Тему о скифском защитном вооружении разрабатывает Е. В. Черненко. Им написана большая работа, в которой подвигнуты дальнейшему рассмотрению все известные в настоящее время материалы. К сожалению, работа Е. В. Черненко «История скифского защитного вооружения» еще не опубликована. Приношу благодарность автору за разрешение воспользоваться некоторыми его данными.

Остатки панцирей в большинстве случаев найдены в погребениях скифской археологической культуры или в погребениях богатых дружинников. Обычно эти погребения сопровождаются конскими захоронениями или погребениями вместе с погребенными частями конского убора, символизирующих конское захоронение. Очевидно, металлические чешуйчатые панцири были на вооружении более или менее богатых конных воинов и почти не употреблялись рядовыми скифами. Показательно, например, обилие находок остатков панцирей в «царских» скифских курганах нижнего Приднепровья и отсутствие таковых в рядовых могильниках той же территории. То же самое наблюдается и на среднем Приднепровье. Так, например, в большом курганном могильнике у с. Аксютинцы остатки панцирей найдены только в больших курганах, в погребениях с бедным инвентарем панцири отсутствуют. Вместе с тем необходимо заметить, что металлическими чешуйчатыми панцирем могла пользоваться какая-то небольшая часть царских слуг, не отличавшаяся богатством. В этом отношении представлял интерес не богатые погребения под небольшими курганами насыпями, исследованные нами совместно с Б. Н. Граковым возле Солохи. По всей погребальной обстановке эти погребения близки к рядовым погребениям Никопольского или Кутского могильников, однако расположение курганов в непосредственной близости от «Царского» кургана заставляет видеть в погребенных приближенных и царю людей, скорее всего его слуг. В одном из таких погребений, к сожалению ограбленном, были найдены куски железного чешуйчатого панциря².

Положение панцирей в курганах не всегда одинаковое. В большинстве случаев панцири были положены возле покойника сбоку или у одной из стенок могильной ямы. Вместе с тем известно несколько погребений, где панцири были найдены у покойника, как, например, в курганах 486, 490, 491 у с. Маковеева³, в кургане 5 у ст. Елизаветовской⁴, в кургане 3 у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самоковасова)⁵, кургане 3 у того же села (раскопки С. А. Мазараки)⁶ и некоторых других (всего известно 12 случаев).

Какую форму имели панцири, представленные в курганах отдельными чешуйками или комками из склепанных чешуек, сказать трудно. Однако исследователями зафиксировано несколько относительно хорошо сохранившихся чешуйчатых панцирей разных форм, по всей вероятности, близких к изображенным на предметах греческого и скифского производства. К сожалению, описания панцирей весьма кратки. Говоря о форме панцирей, исследователи обращали мало внимания на их конструкцию. Короткая безрукавная рубаша реконструирована Н. Е. Бранденбургом из кургана 490 у с. Маковеева⁷. Недлинная рубаша с короткими рукавами отмечена им же в кургане 491 у того же села⁸.

Е. В. Черненко считает произвольной реконструкцию панцирей Н. Е. Бранденбургом. Верхняя часть панциря из кургана 490 у с. Маковеева была сильно разрушена, и поэтому о ней судить не приходится. Что касается панциря из кургана 491, то Е. В. Черненко удалось установить, что чешуйчатой броней была покрыта лишь ее передняя часть. Вырез горловины панциря был менее широким и глубоким, как это имеет место на рисунке Н. Е. Бранденбурга.

Таким же панцири в виде безрукавных рубаш, где металлическими чешуйками покрывалась только передняя часть, выпущены Е. В. Черненко в курганах 1 и 3 у с. Вермошки и у с. Щучьего⁹.

Панцири в виде рубаш с короткими или длинными рукавами, сплошь покрытые металлическими чешуйками, известны по находкам в курганах 38 у с. Гуляй-город¹⁰, 3 у с. Аксютинцы¹¹, в Солохе¹², в Мелитопольском кургане¹³, в Старшей Могиле¹⁴, в Бориспольском могильнике¹⁵, в погребении 1 кургана 9 у Солохи¹⁶. В кургане 5 у ст. Елизаветовской А. А. Миллер нашел железный чешуйчатый панцирь, снабженный ошейником из бронзовых чешуек¹⁷. В кургане 3 у с. Волковцы С. А. Мазараки, кроме железного чешуйчатого панциря, отметил бронзовую нагрудник¹⁸. Сопоставляя эти находки с изображениями, мы можем говорить о том, что население Северного Причерноморья было известно несколько форм чешуйчатых панцирей.

Простейшим видом, вероятно, являлся панцирь в виде безрукавной рубаш, у которого только передняя часть была защищена броней из металлических чешуек. Вторым видом следует считать панцирь в виде рубашки с короткими или более длинными рукавами, сплошь покрытые панцирными чешуйками.

Более сложными по конструкции были чешуйчатые панцири с ошейником. О форме ошейника, найденных вместе с панцирем в кургане 5 у ст. Елизаветовской, А. А. Миллер ничего не говорит. Можно лишь предположить, что они были такими же, как изображенные на фигуре конного воина на соловиховской гробнице.

Какой вид имели чешуйчатые панцири, снабженные нагрудником, сказать трудно, так как описания и изображения их отсутствуют.

Кроме чешуйчатых панцирных рубаш простой и более сложной конструкции, защищавших главным образом грудь и спину, употреблялись чешуйчатые наколенники и набедренники. Находка остатков такой брони отмечена Д. Я. Самоковасовым при раскопках кургана 3 у с. Аксютинцы¹⁹.

Основа чешуйчатых металлических панцирей, насколько позволяют судить об этом немногочисленные ее остатки, была в большинстве случаев кожаной. Наилучшее представление о ней дают остатки кожаной рубашки, случайно найденной крестьянами при раскопках кургана у с. Кименки, под Днепродзержинском²⁰.

В трех случаях в Каменной Могиле²¹ и в кургане 31 Бобринского могильника²², и в кургане у с. Щучьего²³ отмечено наличие холста, а не кожи в качестве основы для железных чешуек брони.

² Е. В. Черненко (в печати).

³ А. А. Бранденбург, 1908, стр. 100.

⁴ Д. Я. Самоковасов, 1908, стр. 102, ГИМ.

⁵ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 107, Эрм.

⁶ Е. Ф. Похоронская, 1905, стр. 133, ГИМ.

⁷ В. А. Залинская, 1951, стр. 197, рис. 1, ГИМ.

⁸ Не издан. Хранится в ИА ИА УССР.

⁹ Не издан. Хранится в музее кафедры археологии МГУ.

¹⁰ ОАК за 1908—1910 гг., стр. 145.

¹¹ Б. И. и В. Н. Хазанов, 1900, стр. 7.

¹² Д. Я. Самоковасов, 1908, стр. 102.

¹³ В ГИМ сохранились лишь небольшие образцы этой рубашки. На кожаную основу рядовыми панцирями кожаные ремешки на небольшом расстоянии друг от друга. Чешуйки, по-видимому, нашивались на каждый ремешок по два ряда, так что нижний ряд прикрывал основу рубашки свободную от ремня. В результате этого панцирь должен был быть эластичным, не стесняющим движения человека.

¹⁴ ДПС, II, стр. 71.

¹⁵ А. А. Бранденбург, 1901, стр. 100.

¹⁶ АЛЮР, т. III, 1901, стр. 184—185.

² Не издан, хранится в кафедре археологии МГУ.

³ Н. Е. Бранденбург, 1908, стр. 130, 132, 133.

⁴ ОАК за 1908—1910 гг., стр. 145.

⁵ Д. Я. Самоковасов, 1908, стр. 102.

⁶ А. А. Бранденбург, 1894, стр. 109.

⁷ Н. Е. Бранденбург, 1908, стр. 132; М. И. Ростовцев, 1913, стр. 335, рис. 84.

⁸ Н. Е. Бранденбург, 1908, стр. 133.

Насколько позволяют выяснить сведения о более или менее хорошо сохранившихся панцирях, чешуйки, составлявшие их, были не одинаковы по размерам и материалу. Так, А. А. Миллер отмечает, что панцирь, найденный на полойнике из кургана 5 у ст. Елизаветовской, состоял из мелких чешуек до пояса, крупных ниже пояса. Оплетке же было сделано из мелких бронзовых чешуек. Д. Я. Самоквасов по поводу брони, найденной в кургане 3 у с. Аксютинцы, замечает, что чешуйки нагрудников, набедренников и наколенников были больше остальных.

По поводу панциря, найденного в склепе, открытом Ашиком в 1833 г. в кургане близ Керчи, отмечено, что чешуйки, наплетенные на кожу, были трех размеров, правда, мало отличавшие друг от друга²⁴. Э. Ленц, описавший в числе другого вооружения, найденного А. А. Бобринским в курганах близ Чигиринского уезда в 1903 г., остатки чешуйчатых панцирей, пришел к выводу, что каждый из них состоял из чешуек разной величины²⁵. Панцирь, происходящий из кургана 490 у с. Макеево, был сделан из чешуек размером от 2 до 10 см. При этом самые крупные чешуйки располагались внизу ос, самые мелкие — на плечах (табл. 22, 16).

Находятся только бронзовых чешуек от брони представляют сравнительно редкое явление (известно 30 случаев). Например, в кургане 5 (раскопки А. А. Миллера, 1910 г. у ст. Елизаветовской) был найден большой панцирь из бронзовых чешуек, в кургане 1 в Волковцах (раскопки С. А. Мазаарки) была найдена бронзовая чешуйчатая броня в наряду с ней незапечатанные остатки костяной. В большинстве случаев найдены только железные чешуйки, или большое количество железных и меньшее бронзовых.

Составляли ли бронзовые чешуйки какую-либо часть и железной брони или применялись для украшения железной брони, сказать трудно. Судя по данным А. А. Миллера, позднейшего бронзовое оплетке вместе с железными чешуйчатыми панцирем, или С. А. Мазаарки, найденного бронзовых чешуйчатых нагрудник, можно допустить, что скорее бронзовые чешуйки при железной чешуйчатой броне составляли какую-то ее часть, однако среди масс железных чешуек от панциря из Старшей могилы²⁶ было найдено всего 30 бронзовых. Это свидетельствует о том, что никакой части панциря они не могли составлять, а скорее служили просто украшением.

В пяти случаях²⁷, в погребениях богатых воинов, отмечено наличие железных чешуек, обтянутых тонким золотым листом по наружной поверхности (края листа загнуты на внутреннюю сторону чешуйки). Так как вместе с ними были найдены простые железные чешуйки, то надо предполагать, что чешуйки, обтянутые золотым листом, украшали лишь нагрудную часть панциря.

Общая число чешуек железных и бронзовых, составляющих целый панцирь, не удается восстановить. Лишь в гробнице из кургана, раскопанного Ашиком в 1833 г. у Керчи, было найдено 3500 чешуек²⁸. В кургане 400 у с. Журовка А. А. Бобринский²⁹ отмечает наличие нескольких тысяч железных чешуек.

Формы железных и бронзовых чешуек одинаковы и мало варьируют. Обычны чешуйки с прямым обрезом верхнего края и округленным нижним концом (табл. 22, 1—8), реже встречаются чешуйки четырехугольной формы со слегка округленными углами или чешуйки с остроугольными нижними концами.

Размеры железных чешуек сильно варьируют. Э. Ленц³⁰, измерив все чешуйки, найденные А. А. Бобринским в курганах, расположенных в 1903 г. в быв. Чигиринском уезде, установил 17 различных размеров чешуек. Самые большие из них — $8,2 \times 3,4$ см. Самые малые — $1,7 \times 0,8$. Наибольшее количество экземпляров имеют размеры $2,5 \times 3,1, 5 \times 2$ см. Приблизительно в этих же границах колеблются размеры известных мне чешуек из других курганов.

Несколько необычны по форме и размерам чешуйки от панциря из погребения 1 в кургане 9 возле Солохи. Наибольшая чешуйка имеет форму узкого прямоугольника. Длина ее 5 см, ширина 4,1 см. Из таких чешуек, как полагают Е. В. Черненко, состоял рукав панциря. На плечах располагались мелкие чешуйки обычной формы, имевшие округленный нижний край. Одни из них размером $3 \times 1,8$, другие $2,5 \times 2$ см.

Бронзовые чешуйки имеют меньше колебаний в размерах, чем железные. Среди них неизвестны экземпляры больших размеров. Они изменяются в пределах $3,5 \times 4 \times 2 \times 2,5$ см или $2,5 \times 3 \times 1,5 \times 2$ см.

Как железные, так и бронзовые чешуйки сделаны из тонкого листа. Они могут быть или совершенно плоскими, или иметь несколько загнутый нижний край. В кургане 11 и 12 группы «Частых» курганов С. Н. Замятин³¹, наряду с обычными чешуйками отмечает наличие чешуек иного профиля в виде буквы «С», предполагая, что они принадлежали к брамной бронзе (они отличаются от прочих еще и иными размерами — большей длиной и малой шириной $5,5 \times 1,5$; $9,8 \times 1$, остальные же $2 \times 1,5$; $2,5 \times 1,5$). Чешуйки такого же профиля известны также в Мельтопольском кургане³², в кургане 3 у с. Мостового³³ и кургане 491 у с. Макеево³⁴. Находясь чешуек асимметричного профиля in situ в кургане 491 у с. Макеево свидетельствуют о том, что они располагались по подолу панциря.

Каждая из чешуек снабжена небольшим отверстием. На большинстве чешуек они сделаны только у верхнего края, по два или три, в зависимости от размеров чешуек. Средством продетых через эти отверстия ремешков чешуйки пришивались к основе. Нашивались они на основу рядами, причем внутри ряда каждая чешуйка на $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{2}$ закрывалась следующей. Каждый верхний ряд таких чешуек прикрывал на $\frac{1}{2}$ следующий.

Ряды, состоявшие из чешуек с отверстиями только у верхнего края, не скреплялись друг с другом. Таким образом, получалась очень плотная броня, имевшая вид рыбьей чешуи, но она не представляла собой неподвижной массы, а была эластичной, во стеснявшей движений тела. Гибкость ее была еще больше, если предполагать, что каждые два ряда чешуек располагались на ремешке, наплетенном на кожаную основу, как на панцире из с. Камешка, о котором было сказано выше.

Реже встречаются наряду с чешуйками, имеющими отверстия только у верхнего края, чешуйки с отверстиями еще с одной из сторон у нижнего края. Это

²⁴ ДБК. I, текст к табл. XXVII.

²⁵ Э. Ленц, 1905, стр. 65 сл.

²⁶ Д. Я. Самоквасов, 1908, стр. 108.

²⁷ В кургане Кузь-Оба; ДБК, стр. 180, табл. XXVII, 3—5. В Аксютинском кургане; ДФС, стр. 13, табл. XI, 13, 14. В кургане 2 группы «Частых» курганов (раскопки А. А. Спидина, С. Н. Замятин, 1946), стр. 18. В кургане 11/18 у с. Мостового, (раскопки П. Д. Либарова); П. Д. Либаров, 1981, стр. 162, рис. 8, 1. В кургане II группы Сомыбратихи; ОАК за 1876 г. стр. 114 сл.

²⁸ ДБК, табл. XXVIII.

²⁹ А. А. Бобринский, 1905, стр. 12.

³⁰ Э. Ленц, 1905, стр. 55.

³¹ С. Н. Замятин, 1946, стр. 40, 47.

³² ГИМ.

³³ Н. Е. Макаренко, 1911, стр. 69—70.

³⁴ Эри.

указывает на существование дополнительного скрепления чешуек между рядами. В местах размещения таких чешуек панцирь представлял собой сплошную кору, лишенную глубины. Так как такие чешуйки с двойным рядом отверстий находились вместе с чешуйками с одним рядом отверстий, то вполне справедливо не только для панцирей, найденных в Муровских курганах, но и для всех остальных случаев; предположение Э. Ленца о том, что чешуйки с этим способом скрепления «применялись лишь в исключительных случаях», по необходимости, там, где при известных условиях, например на руках, плечах, пластины отставили нижней своей частью от подбоя, топырились, и удар противника легко мог попасть под нижний край подбитой чешуи³⁵.

Интересны для восстановления техники скрепления чешуек на кожаной основе панциря находения В. П. Шилова, сделанные им во время раскопок кургана 7 у ст. Елизаветовской³⁶. Панцирь, к сожалению представленный только обломками, состоял из параллельных рядов железных крутишек ($4,4 \times 2,3$ см) и мелких ($2 \times 1,5$ см) чешуек. Для большей прочности чешуйки наладывались так, что отверстия по краю двух смежных чешуек совмещались. Нижний край свободно свисал. Над первым рядом находился второй ряд таким образом, что до половины покрывал его. На груди мелкие чешуйки располагались концентрическими кругами, образуя две розетки. Восстановить покрыв панциря не удалось.

Материалом для прикрепления чешуек служили кожаные ремешки или жила, реже железная или бронзовая проволока (для крупных чешуек).

Кроме металлической, чешуйчатой брони, в Скифии была известна костяная чешуйчатая же брони.

Находки костяных чешуек отмечены в четырех случаях в курганах вып. Ромеиского уезда Полтавской губ. Принадлежность их к броне не может, как мне кажется, вызывать никаких сомнений. Чешуйки были найдены в погребениях вместе с оружием. По форме эти костяные чешуйки близки, если не аналогичны, металлическим: (табл. 22, 9).

В двух случаях (курган 3 у с. Поповка и курган у дер. Лозовой) мы имеем дело только с костяной броней. В кургане 1 у с. Волковцы костяные пластины были найдены вместе с остатками бронзовой чешуйчатой брони. Однако, поскольку везде костяные чешуйки находились в разрозненном состоянии, то ничего нельзя сказать о том, какой вид имел панцирь из этих чешуек. Костяные чешуйки, найденные в кургане у дер. Лозовой (раскопки: Д. Я. Самоковцова)³⁷, по форме и размерам вполне аналогичны металлическим, описанным выше. Они имеют прямой обрез верхнего края и округлый пинный конец (табл. 22, 9). Размеры их неодинаковы: большие — $4,5 \times 1,8$; меньшие — $3,5 \times 2$. По два или три отверстия сделано только по верхнему краю. Близки к ним чешуйки из кургана 2 в с. Волковцы³⁸.

Несколько иначе выглядит чешуйки, найденные в кургане 3 у с. Поповки (раскопки С. А. Мазаракис) и опубликованные А. А. Бобринским³⁹. Общее их число — 210 штук. Они неодинаковы по размерам и отличаются друг от друга формой пинного конца. Указе и длиннее ($10,5 \times 1,8$; $8 \times 1,8$; $6 \times 1,5$) они имеют форму четырехугольника с прямыми или округлыми чуть скошенным обрезом пинного

конца. На каждой из чешуек сделано по три или четыре отверстия, причем характерно, что они располагаются с двух концов, что свидетельствует о сплошном скреплении чешуек не только друг с другом, но и между рядами (табл. 22, 17).

Вполне возможно, что эти пластины составляли панцирный нагрудник, по краям которого располагались пластины со скошенным краем. Такая форма пластины была необходима в том случае, если нагрудник имел полукруглую форму, такую имели бронзовые нагрудники, аналогичные, найденному в кургане у с. Ильицы⁴⁰.

Можно допустить и другое предположение, что костяные пластины из кургана 3 в с. Поповка не имели отношения к панцирю, а принадлежали полукруглому щиту, такому, как изображен в руках у одного из воинов на гробнице из Солохи (табл. 4, 2).

Об основе, на которой нашивались костяные чешуйки, никаких сведений нет, но, по-видимому, так же как и металлические чешуйки, костяные нашивались на кожу или холст.

Находясь костяной брони в курганах Полтавщины вряд ли случайны, так как именно в этом районе в отличие от других костей очень широко употреблялась для всякого рода поделок.

О существовании в Скифии наряду с чешуйчатыми еще и сплошными бронзовыми нагрудниками, защищавших грудь и употреблявшихся в сочетании с кожаной безрукавкой, свидетельствует находка в кургане 493 у с. Ильицы (раскопки Н. Е. Брандзбургта; табл. 22, 7). Нагрудник представляет собой бронзовую пластину лунообразной формы с вырезом для шеи. По краям выреза сделаны мелкие отверстия для нашивания на кожаную или матерчатую основу.

Имеются, правда, весьма немногочисленные свидетельства, указывающие на то, что панцирь украшался бляшками в зверином стиле. Так, на плече одетого в панцирь каменного изваяния из Краснодарского музея изображена бляха в виде головки грифона, вполне аналогичная большому количеству бронзовых бляшек, найденных в скифских курганах разных областей. Так как изображение на этой каменной статуе скифское оружие передано вполне реалистично, то и эта деталь является прямым указанием на применение бляшек, сделанных в зверином стиле, для украшения панциря. В связи с этим к панцирю следует отнести, а не считать случайно найденными вместе с ним, бляшки в виде головы льва и морды лошади в кургане 400⁴¹, в виде львиной головы в кургане 401 в с. Муровка (раскопки А. А. Бобринского)⁴² и в некоторых других памятниках.

Украшение много стили на остатках панцирей из курганов Скифии мне неизвестно. Находки их отмечены на Кубани, в Семибратских курганах (голова медведя-голова) и в кургане 3 у Елизаветовской, где имеется украшение на золотых пластинках, составляющих узор в виде звезды⁴³.

Металлические чешуйчатые панцири существовали в течение всего периода скифской культуры, на самом юге и продолжали жить в сарматский период, что доказывается как находками их в сарматских погребениях, так и по изображению чешуйчатых панцирей на сарматских вонзях, обнаруженных в Керченских склепах.

Панцири из бронзовых и из железных чешуек появ-

³⁵ Э. Э. Ленц, 1905, стр. 57.

³⁶ В. П. Шилова, 1958, стр. 21, рис. 2, 2.

³⁷ Не издали, ГИМ.

³⁸ П. И. и В. Н. Халаско, 1890, табл. XXIX.

³⁹ А. А. Бобринский, 1884, стр. 170; 1901, табл. VIII.

⁴⁰ Об этом нагруднике будет сказано ниже, стр. 74.

⁴¹ А. А. Бобринский, 1905, стр. 12, рис. 23, 24.

⁴² Там же, стр. 15, рис. 32.

⁴³ ОАК на 1913—1915 гг., стр. 52.

лись в Скифии одновременно. Так, в кургане 524 у с. Журовка конца VII в. до н. э. были найдены остатки бронзового чешуйчатого панциря. Этим же или лишь немногим более поздним (начало VI в.) временем датируются остатки панциря из железных чешуек, найденные в кургане 38 у Гуляй-города. Серединой и второй половиной VI в. до н. э. датируются остатки чешуйчатых панцирей, состоящих из железных и бронзовых чешуек из курганов Старшая могила и у хут. Шумайко. Бронзовая чешуйчатая броня, отмеченная С. А. Мазарак в кургане 1 в с. Волковцы, относится к первой половине IV в. до н. э. Костяная чешуйчатая броня датируется в разных курганах разными временами. Периодом архаики датируются костяные чешуйки, найденные в кургане 3 у хут. Поповка. К IV—III вв. до н. э. относится костяная броня, найденная в кургане 2 в с. Волковцы и кургане у ст. Лозовой.

Формы и размеры металлургических чешуек с течением времени почти не изменяются (например, чешуйки из названных выше архаических курганов и из Солохи или любого из «царских» курганов одинаковы).

Следует заметить, однако, что если чешуйки с закругленным нижним концом встречаются в течение всего рассматриваемого периода, то чешуйки с остроугольным или даже копьем известными только в погребениях конца V, и главным образом IV—III вв. до н. э. (Шульговка, Камешанка, Могилы, Борисполь, погребение 1 кургана 9 у Солохи).

Проследить, как изменялась форма панцирей, трудно. Простые панцирные рубахи без оплечий, как показывают отдельные выше случаи их находок, существовали и в VI, и в IV вв. Панцири же с оплечьем, вероятно близкие к изображенному на всаднике гробня Солохи, появляются около конца V—IV вв. до н. э. (курган 3 у ст. Елизаветовской и курган 1 в с. Волковцы). Это дает возможность предполагать, что более сложная форма панцирей появилась лишь в период расцвета скифской культуры.

Говоря о хронологии скифских панцирей, следует отметить еще, что большее количество находок их в скифских курганах относится ко времени с конца V до IV—III вв. до н. э. Только в это время панцирь в наборе вооружения скифской аристократии представляет обычный предмет.

За пределами Северного Причерноморья, в областях, где частой входной являлись стрелы скифских типов, скифские мечи или кинжалы, чешуйчатые панцири встречаются сравнительно редко. Они известны только в больших курганах Прикубанья и на Таманском полуострове. В области распространения азиатской культуры чешуйчатых панцирей не найдено, как не найдено и других видов защитного вооружения.

На сарматской территории находки панцирных чешуек, аналогичных скифским, встречаются только в трех курганах⁴⁴. Нет их в памятниках скифского типа в Трансильвании и северной Венгрии. Только на востоке Венгрии, на границе с Румынией, у с. Артавид в случайно раскопанном погребении с трупосожжением начала VI в. до н. э. были найдены бронзовые и железные чешуйки от панциря, такие же как в курганах Северного Причерноморья⁴⁵.

Чешуйчатые панцири, несмотря на довольно широкое распространение в Скифии, не могут считаться местным по своему происхождению. В Скифия, так же как и в Греции, чешуйчатые панцири появились, вероятно, из областей древневосточной цивилизации. На Востоке они

были очень широко распространены с раннего до более позднего времени. Происхождение их связывается с ассирийцами или хеттами.

Как показывают изображения на рельефах, они были в ходу у ассирийцев уже в IX в. до н. э. На рельефах Ассурвадипала и Салмассара III мы видим воинов в длинных, спускающихся ниже колен чешуйчатых панцирях.

Панцирные рубахи с короткими рукавами изображены на вонзях рельефов дворца Саргона II⁴⁶ (VIII — начало VII в. до н. э.). На рельефах дворца Ассурбанипала в Кундукке изображены воины-лучники, на колесницах и панцирных безрукавных рубахах, спускающихся немного ниже талии⁴⁷.

На египетских рельефах в чешуйчатых панцирях изображены хеттские воины⁴⁸.

Флиндерс Петри сообщает о находке в Египте каменной статуи, покрытой изображением закругленных снизу пластинок, которые, вероятно, обозначали чешуйчатый панцирь⁴⁹. Кроме того, из различных районов распространения древневосточной культуры известны находки бронзовых и железных чешуек от панцирей. Флиндерс Петри пишет также о находках в большом количестве железных панцирных чешуек при раскопках в Хорсабаде. Кроме того, железные и бронзовые чешуйки были найдены в Мефисе и Дафнии, в Египте, во в слоях, датирующихся временем персидского завоевания и, как предполагает автор, относящихся к персидскому, а не египетскому вооружению.

Употребление чешуйчатых панцирей персами не только для защиты людей, но и для защиты коней отмечено Геродотом⁵⁰.

Раскопки на Карий-Блуре дали образцы урартских панцирей, аналогичных ассирийским, с одной стороны, и, по всей вероятности, близких к скифским, с другой. Они были сделаны из удлинённых бронзовых пластинок с закругленным нижним концом⁵¹.

По форме и размерам чешуек, найденные на Востоке и изображенные в работе Флиндерса Петри, существенно не отличаются от скифских. Некоторые из них, правда, украшены рельефной полоской в центре, проходящей вертикально. Как и большинство скифских, они имеют отверстие для нашивания только у верхнего края. Это свидетельствует о том, что шпикались они, как и скифские, так, что один ряд чешуек покрывал другой. Таким образом, судя по изображениям и археологическому материалу, чешуйчатые скифские панцири простых форм были близки к восточным. Более сложные панцири с оплечьем, изображенные в находках которых, как мы видели, относятся лишь к периоду расцвета скифской культуры, по своему происхождению не могут связываться с Востоком.

Появление их в Скифии надо ставить в зависимость от греческих панцирей. Уже в середине VI в. до н. э. в греческой вазописи на вонзях изображены чешуйчатые панцири с оплечьем⁵². Форма копьев оплечий, спускающихся за грудь, близка к изображению на гробне из Солохи.

Также под греческим влиянием, очевидно, появились комбинированные панцири, в которых только наиболее

⁴⁴ G. Perrot et Ch. Chipiez 1898, стр. 282, рис. 115.

⁴⁵ Там же, стр. 482, рис. 211.

⁴⁶ Bonnet, 1838, стр. 213 сл.

⁴⁷ Flinders Petrie, 1917, стр. 39, табл. V, 13—128; XLII, 129—132; XLIII, 133.

⁴⁸ Геродот VII, 81.

⁴⁹ Б. Б. Прототерский, 1853, стр. 9, рис. 2.

⁵⁰ Ch. Dromberg et M. Ed. Saglio, стр. 406, рис. 4524, 4529, 4530.

⁴⁴ К. Ф. Смирнов, 1861, стр. 75.

⁴⁵ Хранится в Национальном музее в Будапеште; осмотрен мною во время командировки в Венгрию в 1960 г.

уязвимую часть тела — грудь — прикрывал нагрудник из металлических чешуек. Остальная часть панциря была кожаной. Нагрудник из металлических чешуек мог быть скомбинирован не только с типично греческими кожатыми панцирем, а с обычной кожаной безрукавкой.

Усовершенствование под греческим влиянием скифских чешуйчатых панцирей, появление греческих кожанных и комбинированных в скифском вооружении, начиная с IV в. до н. э., несомненно, объясняется наличием не только интенсивной торговли с греческими городами Северного Причерноморья, но и усилением военных столкновений скифов с греками.

ПОЯСА

Необходимой частью скифской паноплии являлся пояс. На поясе, как показывают изображения, скифы носили свое основное оружие — лук и стрелы в горнито и меч. Согласно свидетельству Геродота, у пояса же скифы носили еще чашу для питья. По данным археологии, мы знаем и о том, что к поясу, кроме вооружения, прикреплялся точильный камень больших или меньших размеров.

Кроме того, пояс, по-видимому, играл некоторую роль в защитном вооружении скифов. Геродот называет пояс, оставленный Гераклом для самого достойного из своих сыновей, которым впоследствии оказался Скиф, словом *Ζυγότις*³¹, что означает специально бронированный пояс, употреблявшийся воинами. В таком смысле это слово употребляется в Иллиаде, у Павсания³², а схолий к Каллимаху³³. В качестве косвенного доказательства можно привести сообщение Полиана³⁴ о том, что при покушении на митриду Тигратас надевший на ней пояс отразил удар меча.

На предметах греческого мастерства со скифскими сюжетами и пропавшими местными мастерами изображены два типа поясов — бронированные чешуйчатые и гладкие, по-видимому, простые кожаные.

Из изображений чешуйчатых поясов особенно примечательным является изображение широкого пояса с загнутыми краями чешуек на каменном изваянии из Краснодарского музея (табл. 5, 2, 3). Заплатная функция такого пояса представляется несомненной. Более узкий пояс изображен на статуях из Киевского музея и Терновки (табл. 5, 1), на бляшках с фигурой сидящего парика из кургана 1 в с. Аксютинцы. На гробнице из Солохи лишь конный воин имеет чешуйчатый пояс, спешившийся и пеший подпоясаны простыми кожаными.

Археологический материал дает нам возможность более или менее хорошо ознакомиться лишь с бронированными поясами, кожаные пояса до нас не дошли. Как и чешуйчатые панцири, чешуйчатые пояса были найдены далеко не в каждом погребении воина-асадинца, а лишь в более или менее богатых погребениях. В настоящее время известно более 60 погребений с остатками бронзовых или железных чешуйчатых поясов³⁵. В большинстве случаев они найдены вместе с остатками панцирей, однако несколько раз чешуйчатые пояса были найдены без сопроводивших чешуйчатых панцирей (например, в курганах 32 и 83 Бобринского могильника³⁶). В рядовых кур-

ганах остатки чешуйчатых поясов встречаются очень редко³⁷. Положение их в более или менее хорошо сохранившихся погребениях довольно определенное — или на костяке, или рядом, вместе с оружием.

Лишь один раз пояс был свернут вдвое и положен в кожаный чехол (курган 32 Бобринского могильника).

Как установила А. П. Мандищев³⁸, скифские чешуйчатые пояса по своему устройству вполне соответствовали своему назначению: служить для ношения оружия и играть роль защитного вооружения. Они были прочными, легкими и эластичными. Основу каждого из 15 лапчатых Мандищев волос представляли три слоя кожаного ремня, поперек которого нашивались узкие пластины. Пластины эти были или совершенно прямыми, или имели отогнутые края, как на статуе из Краснодарского музея. Прелюстительно они были бронзовыми, реже железными. В одном случае, а именно в кургане Огта³⁹, была найдена золотая чешуйка от пояса. В Куль-Обе⁴⁰ по железной основе наружная поверхность чешуек была обтянута тонкими золотыми листом, как и чешуйцы панциря, откуда же, Серебряные чешуйки от пояса были найдены Любяко в Александровском кургане⁴¹. Чешуйки имеют ширину от 5 до 10 мм, длину от 3,5 до 10 см. На каждой сделаны по два или три отверстия: с одной из длинных сторон или по одному с краев. Наплавились они так же, как чешуйки панциря, т. е. одна чешуйка прикрывала наполовину вторую. Конечные пластины имели полуовальную форму, частые мелкие отверстия по краю и крупное отверстие в центре для прикрепления завязок пояса. В местах поддешивания одного из поясов на поясе предметов ряд узких пластинок прерывался пластиной квадратной формы с отверстием круглым или четырехугольным в центре. Через эти отверстия в пластины продевались ремни, на которых были прикреплены носимые на поясе предметы. С обратной стороны пришивался еще ремешок. Он должен был закрывать неровности и закрывать швы. К его краям пришивался утолщенный борт из сложенного вдвое узкого ремня, который, образуя валки, прикрывал концы чешуек и края пластины, заканчивавших пояс. Это хорошо видно, например, на поясе статуи Краснодарского музея.

Общую длину всего пояса Мандищев не удалось определить, так как ни один из поясов не сохранился целиком. Ширина же поясов равна длине чешуек и колеблется в пределах от 3,5 до 10 см.

Не названные А. П. Мандищев пояса из скифских курганов известны мне в основном только по упоминаемым в отчетах. Заслуживает внимания лишь один пояс, происходящий из кургана 32 Бобринского могильника (раскопки Зноско-Боровского)⁴². Будучи сложным пополам и сложены в кожаный чехол, он сохранился целиком, что дало возможность определить его длину — 80 см. Ширина его превышает ширину поясов, хранящихся в Эрмитаже. Она равна 16 см. По своей структуре он не отличается от прочих. Датируется этот пояс по стрелам и реберчатому канфарообразному сосуду временем не ранее второй половины IV — начала III в. до н. э.

Е. В. Черненко изучил еще три широчайших пояса, состоявших из железных пластинок⁴³. Один из них, из погребения

³¹ Например, в кургане 7, погребении в Кутсовском могильнике. (Д. Т. Борзюков, 1900, стр. 54, рис. 12, б в).

³² А. П. Мандищев, 1941, стр. 20—21.

³³ ОАИ за 1902 г. стр. 64—65.

³⁴ ДБК, табл. XXVIII, 9.

³⁵ ДГС, Атлас, табл. XI, 8.

³⁶ А. А. Бобринский, 1901, стр. 110.

³⁷ Хранится в ГИМ. Один из них происходит из погребения у с. Шучемя, два других — из Римского уезда. Е. В. Черненко, 1964, стр. 40, рис. 9.

³⁸ Геродот, IV, 9. ВДИ, 1947, № 2, стр. 228.

³⁹ Павсаний. Описание Эллады, I, 21. С. ВДИ, 1948, № 2, стр. 228.

⁴⁰ Схолий к Каллимаху, IV, 282. ВДИ, 1947, № 3, стр. 284.

⁴¹ Полиан, VIII, 55. ВДИ, 1948, № 2, стр. 219.

⁴² Е. В. Черненко, 1961, стр. 46—47.

⁴³ А. А. Бобринский, 1901, стр. 110.

ция у с. Шученка, датируется по стрелам концом VI — началом V в. до н. э. Безусловно, широкие бронзовые пояса с большими успехом, чем узкие, выполняли роль доспеха. Однако, судя по тому, что они очень редко встречаются в курганах Северного Причерноморья, этот вид вооружения не получил широкого распространения и Скифии.

Время бытования чешуйчатых поясов ограничивается А. П. Мандраком V—III вв. до н. э. Однако по своим Е. В. Червевко известно около пяти курганов с находками поясов, которые относятся к концу VI в. до н. э. Чешуйчатые пояса, аналогичные происходящим из Северного Причерноморья, встречаются только на Кубани⁶⁶.

Отсутствие чешуйчатых поясов на Востоке, в Греции и в других местах Древнего мира дает возможность считать этот вид паноплии местным до происхождения.

Так как по принципу устройства пояса аналогичны устройству панцирей, то можно предположить, что своим появлением чешуйчатые пояса обязаны панцирям.

Кроме остатков чешуйчатых бронзовых поясов, мне известны в одном случае находка тонких бронзовых пластинок, покрывавших, вероятно, всю наружную поверхность пояса. Они происходят из кургана Ново-Николаевка или Шульговки (раскопки Н. И. Веселовского) (табл. 22, 73—75). Две из них имеют четырехугольную форму со слегка скругленными углами, длина каждой по 11 см. Одна, вероятно, от конца пояса с круглым концом и расширением в центре длиной около 14 см. По краям небольшие отверстия для нашивки пластинок к кожаной основе. Такой пояс, несомненно, был менее эластичным, чем чешуйчатый, но по прочности не уступал последнему. Аналогичных пластинок от пояса мне неизвестно ни в самой Скифии, ни за ее пределами.

Как уже было сказано выше, простые кожаные пояса до нас не дошли, поэтому об их структуре ничего определенного сказать нельзя. По-видимому, они были спиты из нескольких рядов ремней, как и чешуйчатые пояса, для большой прочности. Так же как и чешуйчатых, в кожаных поясах, вероятно, делались специальные отверстия для пролезания ремня, отходящего от горнита или ножен меча. Об этом свидетельствуют пообразованные поясов на куль-обской вазе. О способе скрепления концов кожаных поясов ничего определенного сказать нельзя, так как никаких данных для этого нет. Возможно, что они также завязывались узлами ремешком, продевшим в отверстия, сделанные в поясе. Некоторые из них скреплялись при помощи пряжек или крючков, оформленных в зверином стиле. В последние время такие крючки лучше всего представляются находками в курганах среднего Дона. «Частых» курганов в Мясногорских⁶⁷. Изаиды они встречаются в других районах⁶⁸. Близкие к ним известны у азиатских племен Урала и Прикамья⁶⁹. На сарматской территории найдены только один крючок с зооморфной ornamentацией⁷⁰.

В ряде случаев отмечены находки бляшек, украшавших пояса. Они состоят или из бляшек с ушком на обороте, аналогичных тем, которые украшали ремень конской сбруи, или из простых накладных пластинок, пришивавшихся к кожаной основе пояса. Наиболее полный набор поясных бляшек с ушком на обороте дает Золотой курган⁷¹. На кон-

цах пояса были прикреплены бляшки в виде орлов, а также — по бляшке в виде головы грифона с открытой пастью. Остальная часть пояса была украшена бронзовыми круглыми бляшками, с двумя рядами шариков по краю. Кожаный пояс, остатки которого были найдены Н. Е. Макаренко в кургане 2 Мясногорья⁷², был украшен одинаковыми двойными бронзовыми круглыми бляшками с ушком на обороте.

Вполне возможно, что к украшениям поясов принадлежали и некоторые бляшки по форме бляшек, найденных в реальных скифских курганах, однако никаких прямых указаний на их отношение к поясам нет.

К украшению пояса относятся и девять одинаковых золотых нашивных бляшек, найденных в кургане 1 а с. Аксютинцы (раскопки С. А. Мазаевых). На каждой из них штампом было сделано изображение фигуры сидящего царя, упоминавшегося выше неоднократно.

Пояса кожаные, украшенные нашивными бляшками или бляшками с ушком на обороте, не являются особенностью скифской культуры. Они встречаются, например, в большом количестве в могильниках азиатской культуры и в других районах. Типично скифским является лишь отлитая ornamentация бляшек.

КНЕМИДЫ

В доспехи и стелы известно всего 26 погребений воинов, в которых были найдены кнемиды.

По всей вероятности, этот вид защитного вооружения не был обязательным даже для самого богатого слоя скифской аристократии.

Лишь несколько находок кнемид зарегистрировано и в некрополях греческих городов Северного Причерноморья. В Ольвии их нет совсем, на Боспоре они были найдены главным образом в богатых погребениях греко-варварского характера, таких как курган Куль-Оба⁷³ или курган на земле Кекуватского⁷⁴ (табл. 18, 9, 10).

Все известные мне кнемиды из Северного Причерноморья сделаны из тонкого бронзового листа, в трех случаях поверхность их была покрыта позолотой (кнемиды из кургана на земле Кекуватского, из Куль-Обы, из кургана 2 у с. Мясногорья). По форме все они близки друг к другу и вполне аналогичны найденным в Греции, несопоставленным ни по ногам греческих воинов в росписи червонфигурных и краснофигурных ваз, и на греческой скульптуре⁷⁵.

Тонкий бронзовый лист выгнут таким образом, что ему была придана форма защищаемой части ноги (от колена до щиколотки). Рельефными линиями моделирована икра и коленная чашечка. Рельефными же линиями сделан узор по краям. Лишь в одном случае на кнемидах из кургана на земле Кекуватского в отличие от всех остальных на месте, защищающем коленную чашечку ноги, находилось сделанное в рельефе изображение головы медузы-горгоны, близкое к тем, которые можно видеть на панножах, изображенных на некоторых греческих героях в росписи аттических краснофигурных ваз⁷⁶.

По краю кнемид со стороны их сделаны небольшие круглые отверстия для пришивания их к кожаному подбю, о которых однако ничего определенного сказать

⁶⁶ А. П. Мандраков, 1941, стр. 27.

⁶⁷ С. Н. Замiatин, 1946, стр. 25, рис. 10, 7; стр. 38, рис. 27, 7-8; П. Д. Лепоров, 1961, стр. 63, рис. 9, 3-4.

⁶⁸ Например, в Александриопольских курганах: ДГС, табл. 1, 3-4.

⁶⁹ А. В. Збруева, 1952, стр. 168, табл. XXXI, 7-10.

⁷⁰ К. Ф. Сырцов, 1981, стр. 35, рис. 10, 1.

⁷¹ ОАК за 1890 г., стр. 5; Е. В. Червевко, 1984, стр. 48, табл. III.

⁷² Н. Е. Макаренко, 1911, стр. 54, рис. 59, 5.

⁷³ ДБК, т. I, XXXV.

⁷⁴ Там же, стр. 184, табл. XXXVIII, 2, 7.

⁷⁵ В. Д. Блаватский, 1953, стр. 119, 130, 162; М. М. Кобылкин, 1953, стр. 52, рис. 29.

⁷⁶ В. Д. Блаватский, 1953, стр. 177, 181, 184, 184.

нальшая. Также ничего неизвестно о способе скрепления козлов каемки на шрамах.

Большинство находок относится ко времени расцвета скифской культуры, к IV—III вв. до н. э. Только ножи, найденные в В. Хвойной в кургане близ Ромейковки, по сопровождающим их греческим и местным вещам, могут принадлежать еще к началу V в. до н. э.

Все киемиды, найденные на территории Северного Причерноморья, греческие по происхождению. Появление киемид в Греции относится к концу II тыс. до н. э. (Микенская гробница). Киемиды становились необходимой частью вооружения греческого воина уже с VII в. до н. э.⁷⁷

В IV—III вв., судя по изображению киемид на полах самнитских, компаневских и луванских вазов, они были широко распространены за пределами собственно Греции.

Были ли киемиды, найденные в курганах скифо-пантиков, привезены из Греции или же они были сделаны греческими мастерами в одном из городов Северного Причерноморья, сказать трудно. Однако, если на непосредственным производителем их, то во всяком случае импортером, был скорее всего Пантикапей. Об этом говорит факт их наибольшего распространения в то время, когда скифы вели интенсивную хлебную торговлю с Восток.

ШЛЕМЫ

О головном уборе европейских скифов азиатские авторы не оставили никаких сведений. Геродот⁷⁸ сообщает об островерхой войлочной шапке азиатских скифов-саков. Это свидетельство Геродота подтверждается изображением саков в мягких войлочных островерхих башлыках на персепольских рельефах⁷⁹. Весьма близкие воспроизведения островерхого башлыка имеются на благе из Аму-Дарьинского клада⁸⁰.

На произведениях греческого искусства со скифскими сюжетами скифы чаще всего изображаются с непокрытой головой, реже в островерхом войлочном или кожаном башлыке, весьма близком по форме к башлыкам саков. Такие башлыки мы видим на головах трех скифов на куз-обском сосуде (табл. 4, 6, 8) и на одном из воинов на солохском гробике (табл. 4, 1, 2).

Еще слабее отражено в изобразительном искусстве греков употребление населением Северного Причерноморья металлических шлемов. Лишь на гробике из Солохи, на голове конного воина, скифа или грека, мастер передал типичный греческий коринфский шлем. Воспроизведение островерхих башлыков или, может быть, металлических шлемов с высоким гребнем имеется на гермеюльском пластине. Характер головных уборов неясен, так как изображение выполнено примитивно и весьма схематично (табл. 3, 16). На других предметах скифского мастерства изображены головные уборы скифов нет.

Как уже было сказано выше, шлемам скифского периода, найденным не только в Скифии, но и в других областях юга Восточной Европы, посвящено специальное

исследование Б. З. Рабиновича⁸¹. Из сохранившихся в изученных автором около 50 экземпляров только восемь происходят из курганов Скифии и пять из погребений скифо-греческого характера, т. е. на гробницах, расположенных на окраинах греческих городов Причерноморья и в пору очередь Пантикапея. Все остальные шлемы, известные Б. З. Рабиновичу, были найдены за пределами исследуемой нас территории.

Вопреки существовавшему ранее представлению о шлемах, найденных на наших юге, как о чисто греческой форме вооружения, Б. З. Рабинович находит особую группу шлемов, аналогий которым он не находит ни в Греции, ни на Иранском Востоке. Это шлемы мостового типа. От греческих они отличаются как по своей форме, так и по технике изготовления. Эти шлемы литье, массивные, горшочкообразной формы, с выемкой спереди для верхней части лица⁸² и отверстием для прикрываемой нащечников (табл. 23, 3, 6). Б. З. Рабиновичу было известно десяти таких шлемов, пять из которых происходят из Прикубанья, один из Саратовской обл., один из Западной Сибири. Место находки двух шлемов, хранящихся в ГИМ, установить не удалось.

Время существования шлемов этого типа ограничивается VI в. до н. э. Местом происхождения и производства их Б. З. Рабинович считает Северный Кавказ, основываясь на том, что пять из семи, отмеченных им экземпляров, происходят из этого района. Однако новые данные вносят уточнения в вопрос о месте происхождения шлемов этого типа. Бронзовые шлемы, близкие к кубанским, были найдены в горах Алтая, в Семиречье⁸³.

Е. Е. Кузьмина отметила находки двух шлемов такой же формы в Средней Азии и одного в савроматском погребении, в Оренбургской обл.⁸⁴ От кубанских эти шлемы отличаются по характеру оформления гробия, что свидетельствует о другом, не кубанском центре их производства. Е. Е. Кузьмина приводит интересные сведения, убеждающие в том, что литье шлемы, близкие к кубанским, могли быть изготовлены в среде среднеазиатских саков. Заслуживает внимания предположение, сделанное этим автором, что прототипами литье бронзовых шлемов как кубанского, так и среднеазиатского центра производства были скифские кожаные башлыки.

Вторую группу, выделенную Б. З. Рабиновичем, составляют шлемы переходного типа. Они известны так потому, что сочетают в себе признаки местных кубанских и греческих шлемов.

Из известных Рабиновичу пяти шлемов этой группы только два происходят из курганов Скифии: из Солохи⁸⁵ и Тагаевского кургана⁸⁶ (табл. 23, 5). В 1962 г. такой же шлем найден Е. Н. Черепановой в кургане у т. Наежда в Крыму⁸⁷.

Три шлема этой серии (два из Прикубанья — из ст. Даховской и из-под Майкопа, один из Ольвии) представляют собой случайные находки и датируются Б. З. Рабиновичем приблизительно временем не позднее IV в. до н. э.

⁷⁷ Б. З. Рабинович, 1941, стр. 100—169.

⁷⁸ Там же, стр. 105, табл. II—IX.

⁷⁹ И. Ф. Смирнов, 1961, стр. 100—169.

⁸⁰ Е. Е. Кузьмина, 1958, стр. 120—128.

⁸¹ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 104, 110, рис. 183; Б. З. Рабинович, 1941, табл. XII.

⁸² ОАК за 1891 г., стр. 78. Эрм.; Б. З. Рабинович, 1941, стр. 133, рис. 11а, 11б.

⁸³ Не издан (из доклада Е. Н. Черепановой «Новые скифские погребения степного Крыма» на археологической конференции ИА АН УССР в Киеве в марте 1964 г.).

⁷⁷ В. Д. Блаватский, 1954, стр. 45—48.

⁷⁸ Геродот, VII, 85.

⁷⁹ Ш. Степанов, 1916, стр. 8 и сл.

⁸⁰ К. Мипа, 1913, стр. 255, рис. 174.

Шлемы этого типа имеют почти полушаровидную форму. Спереди по краю — выемка из двух дуг. Верхняя часть шлема выступает над выемкой. Край немного отогнут и снабжен линией мелких отверстий, служивших для прикрепления внутренней подкладки. Выше по бокам расположены отверстия несколько более крупные, предназначенные для прикрепления широких нащечников.

Б. З. Рабинович считает, что эти шлемы, так же как и описанные выше, можно отнести к числу местных, сделанных под воздействием греческих форм⁸⁸. Однако подробное изучение шлемов из Солохи и Талавского кургана позволило А. П. Малявцеву прийти к другому заключению⁸⁹. Первоначально шлемы имели форму, близкую тем, которые отнесены Б. З. Рабиновичем к числу антических и представлены находками у с. Пастырское или в кургане на земле Кекуватского⁹⁰. Позднее, под влиянием местных кубанских форм были срезаемы нащечники и казатыльники и сделан ровный край, снабженный отверстиями для прикрепления подкладки. Благодаря этому шлемы и приобрели форму, подобную форме кубанских шлемов.

Шлем, найденный Е. Н. Черепановой в 1962 г. в кургане у с. Надежда, также представляет собой местную переделку антического шлема. Интересно заметить, однако, что, в отличие от отмеченных выше, он не юнаний, а итлий.

Все остальные шлемы, известные из Северного Причерноморья, чисто греческие, но принадлежат к разным типам. Всего Б. З. Рабиновичу было известно 25 греческих шлемов, но только пять из них были найдены на скифской территории (три в курганах, два — случайные находки) и четыре в курганах со смешанным греко-скифским инвентарем, расположенных в окрестностях Пантинника. Остальные находки падают на Прикубанье, Тамань и еще — на Закавказье.

Один из названных пяти шлемов — коринфский — и происходит из кургана, расположенного Фундуклеем между Ройбиной и Петриковой (табл. 23, 4)⁹¹. Как и прежде, он является самым ранним из греческих шлемов, найденных на нашем юге (первая половина V в. до н. э.).

Близкий к найденному Фундуклеем и также коринфский шлем, как уже было сказано выше, найден на южном берегу гробницы Солохи. Этот коринфский шлем найден Н. И. Веселовским в 1913 г. в кургане IV в. до н. э. у ст. Елизаветовской⁹².

Из какого именно греческого города эти шлемы попали на наш юг, Б. З. Рабинович затрудняется определить, так как они были распространены по всей Греции.

Один захороненный шлем найден в погребении у ст. Героевка Крымской обл. (бывш. Язететин) около Нимфея⁹³. Это погребение, содержащее скифские стрелы, следует все же считать скорее греческим, чем скифским. Датировался оно V в. до н. э. по греческой бронзе (сидрин, черпак).

Большое количество известных из Северного Причерноморья шлемов принадлежит антическому типу. Среди них имеются более ранние и более поздние экземпляры. Но и здесь большинство находок было сделано в соседних со Скифской областью. Всего Б. З. Рабиновичем отмечено 12 экземпляров антических шлемов. Два были найдены в

лосеости (курган 2 у с. Волковцы, курган 4 у с. Галуцино близ Пастырского) (табл. 23, 2)⁹⁴. Один найден в греческой гробнице со скифини стрелами и мечом (курган на земле Кекуватского (табл. 23, 1) в Крыму⁹⁵. Один был куплен Ольгинской экспедицией в 1908 г. Остальные найдены за пределами Скифии.

Датируются шлемы из кургана 2 в с. Волковцы и из Галуцино IV в. до н. э. К тому же времени относятся и шлем из кургана Кекуватского.

Остальные экземпляры, найденные в Прикубанье и Закавказье, датируются Б. З. Рабиновичем в пределах IV — III вв.

Следующую группу составляют фракийские шлемы. Только один из них происходит с территории Скифии, он был случайно найден у с. Каменки (табл. 23, 7) на Днепре⁹⁶. Обломок шлема фракийского типа происходит из кургана 18 у ст. Елизаветовской по Нижнему Дону, расположенного А. А. Миллером в 1911 г.⁹⁷ В 1959 г. в с. Олошенте Кауцальского района МССР был найден клад, в котором, помимо других вещей, находились три фракийских шлема⁹⁸. Еще один фракийский шлем из Молдавии происходит из клада у с. Бубуй⁹⁹.

Один фракийский шлем, притом железный, найден в греческой гробнице, расположенной Ашином в 1834 г. в Керчи¹⁰⁰. Второй — в кургане Большая Блианица на Таманском полуострове¹⁰¹. Три происходят из Прикубанья (два из дер. Марджаны, один из дер. Ахалтамакской), они относятся к поздним вариантам этого типа¹⁰².

Датируется эта группа шлемов IV — III вв. до н. э., а поздний вариант ее (шлемы Прикубанья и из клада у с. Бубуй) — III — II вв. до н. э.

Кrome перечисленных выше, известно еще несколько экземпляров названных шлемов, определять которые невозможно.

Д. Я. Самонясов в отчете о раскопках кургана 2 в с. Рыжиковка¹⁰³ вместе с обломками позвонков упоминает обломки бронзового шлема, однако в коллекцию ГИМ они не попали.

Находка шлема отмечена при раскопках конюшного в кульбаской гробнице¹⁰⁴.

Шлем особой формы был найден Ашином в 1838 г. в кургане близ Керчи¹⁰⁵, он имеет очень простую форму и состоит из трех грубо слепленных пластин. Датирован шлем IV в. до н. э.; так как он не имеет аналогий, Б. З. Рабинович считает его местным. Это предположение едва ли может вызвать сомнения. Показательно, однако, отсутствие таких находок в скифских курганах при наличии в них вещей пятичалеиского производства.

Таким образом, металлические шлемы, найденные на территории Скифии, как и позвонки, в течение всего периода существования скифской культуры были преимущественно импортными, употреблялись лишь в редких случаях и только скифской аристократией. В большом ходу они были у синдо-меотской знати Прикубанья и у бо-

⁸⁸ Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899, стр. 10, табл. IX; Б. З. Рабинович, 1941, табл. XV.

⁸⁹ Б. З. Рабинович, 1941, табл. XIV.

⁹⁰ Там же, табл. XXII.

⁹¹ Там же, стр. 159, рис. 27 а, б.

⁹² Из доклада Г. П. Сергеева на секции античной археологии Пленума ИА АН СССР в 1961 г.

⁹³ Б. З. Рабинович, 1941, табл. XXI, 2.

⁹⁴ Там же, рис. 23.

⁹⁵ Там же, рис. 18.

⁹⁶ Там же, табл. XXIV, XXV.

⁹⁷ Д. Я. Самонясов, 1908, стр. 82.

⁹⁸ ДБК, т. 1, стр. XX.

⁹⁹ Б. З. Рабинович, 1941, табл. XXVI.

⁸⁸ Б. З. Рабинович, 1941, стр. 33—133.

⁸⁹ А. П. Малявцев, 1957, стр. 155—156, примечание 2.

⁹⁰ Б. З. Рабинович, 1941, табл. XIV, XV.

⁹¹ Фундуклей, 1948, стр. 13 и 72, табл. XVI, Б. З. Рабинович, 1941, табл. XIII.

⁹² Б. З. Рабинович, 1941, стр. 144.

⁹³ Там же, стр. 139, рис. 13.

гатых воинов-гетов, живших в греческих колониях Причерноморья.

Обычно им головным убором скифов-воинов, в какой-то степени защищавшим голову от ранения, были, по-видимому, кожаная, войлочная или меховая шапка-башлык, изображаемая на которой мы знаем. Э. Ланд высказал предположение о существовании у скифов чешуйчатых шлемов, аналогичных шлемам сарматских воинов, изображенных в росписи стен склепа Анфестерия¹⁰⁶. И, конечно, в археологическом материале нет данных для того, чтобы составить сколько-нибудь определенное представление о таких шлемах у скифов. Лишь две находки из курганов Северного Причерноморья могут указывать на возможность существования в скифском воинов обиходе чешуйчатых шлемов. В Каманной могиле на южном Днепре железные чешуйки, нашитые на холст, были найдены на черепе погребенного¹⁰⁷. Однако гробница была ограблена, а сам череп находился в перевернутом состоянии. Железные чешуйки, найденные на черепе или воле его, отмечены в кургане у с. Веревеянки на правобережье среднего Приднпрова¹⁰⁸. Но и эта находка не позволяет реконструировать головной убор, который был покрыт чешуйками.

ЩИТЫ

О существовании щитов у скифов мы знаем главным образом на основании упоминаний в античных письменных источниках и на изображенных на предметах греческого происхождения со сценами из скифской жизни (табл. 4, 1, 2, 3 — 8). Остатки щитов в курганах скифов-воинов встречаются редко. По всей вероятности, это объясняется тем обстоятельством, что скифские щиты, так же, как щиты многих других народов древности, были сделаны из дерева и кожи, т. е. из таких материалов, которые не сохранились до наших дней. Отсутствие данных не позволяет сказать, были ли щиты необходимой частью защитного вооружения воинов или ими пользовались только какая-то часть скифов. Косвенным свидетельством, как будто указывающим на широкое распространение щитов, является тот факт, что на изображенных этот вид защитного вооружения встречается гораздо чаще остальных.

Изображения свидетельствуют о существовании у скифов щитов разных размеров и формы, а также о том, что они были сделаны из разных материалов.

Сравнительно большие щиты размером более половины человеческого роста, сделанные из дерева и обтянутые кожей, мы видим в руках скифов на вазонных и кульбовских сосудах (табл. 4, 3—8). Щит, по размерам близкий к описанным, по форме приближающийся к овалу, по-видимому, плетенный из прутьев, тростника или кожи, держат в руках кожаный воин на гробнице из Солохи (табл. 4, 1—2). Плотный овальный щит с несколько вытянутой серединой, но меньших размеров мы видим на обложке горшка из того же кургана (табл. 10, 3).

Квадратный со скругленными углами и лунообразный щиты изображены в руках пешего и спешащего воина на соломисском гробнице (табл. 4, 1—2). По размерам они меньше тех, которые представляются на сосудах, их длина не превышала $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ человеческого роста. Щит луно-

образной формы отличается от всех остальных еще и тем, что он сделан из продолговатых, отогнутой металлической пластины, по-видимому, нашитых на плотную основу такой же образом, как были нашиты чешуйки на пантирх. Основания скифских щитов, как показывают изображения, была сделана из дерева, поверх щита обтягивались кожей. Кожаными жгутами или ремнями отделивались края щитов. Наружная поверхность некоторых щитов для большей прочности покрывалась металлическими пластинками.

В 1963 г. недалеко от г. Запорожья В. Ф. Пешаковым был найден сравнительно хорошо сохранившийся щит, лежащий под стеной погребенного¹⁰⁹. По форме он был близок щиту, изображенному в руках кожаного воина на соломисском гробнице. Наружная поверхность щита с деревянным основанием, обтянутым кожей, была покрыта железными полосками, соединенными между собой железной проволокой. Каждая полоса на $\frac{1}{2}$ покрывала следующую, т. е. полосы набирались такти же образом, как чешуйки пантиря. Однако в отличие от последних они последовательно скреплялись между собой и с кожаной основой щита.

Эта находка позволяет считать принадлежавшими тем же людям, большими щитам обломки полочной бронзы, найденные в ряде погребений Северного Причерноморья (табл. 23, 11, 12). Бесформенные куски такой бронзы известны из Старшей Могилы¹¹⁰, кургана 2 а с. Аксютинцы, раскопанного Д. Я. Самохваловым¹¹¹, и кургана 1 у того же села, раскопанного С. А. Мазарак¹¹². Железные полосы, соединявшие металлической проволокой, обнаружены также в курганах 486 у с. Макаевки¹¹³, 499 у с. Басовки¹¹⁴, в кургане 2 у с. Волковицы¹¹⁵ и в некоторых других местах. Ширина полос, составлявших броню, колеблется в пределах от 1 до 2,5 см.

Есть некоторые данные, свидетельствующие о покрытии щитов чешуйчатой броней. Так, А. А. Миллер в кургане 18 у ст. Елизаветовской обнаружил «пластину», составленную из бронзовых чешуек, которая могла быть принадлежностью щита¹¹⁶.

Кроме того, известно несколько случаев находок щитов круглой формы, сложенных покрытых тонкой аскалониной пластиной. В кургане у ст. Костромской Н. И. Веселовский обнаружил круглую тонкую железную пластину от щита, украшенную в центре золотой выемкой в виде овала¹¹⁷.

По-видимому, круглыми щитам принадлежали тонкие бронзовые пластины круглой формы диаметром 43 и 50 см, найденные в двух курганах у ст. Елизаветовской¹¹⁸.

Ограниченное количество данных о щитах не позволяет выяснить, из каких материалов и в какие времена этот вид защитного вооружения, а также ответить на вопрос о происхождении щитов. Можно лишь предполагать, что большие щиты лунообразной и овальной формы, закрытые полосатой или чешуйчатой броней, были местными. Легкие щиты лунообразной формы, судя по изображению на соломисском гробнице, близкие к греческим щитам, изготовлялись из вооружения иеластоса. Возможно, в Скифии они изготовлялись по греческому образцу.

¹⁰⁶ На стене. О находке мне сообщил В. Ф. Пешаков.

¹⁰⁷ Не пали, ГИМ.

¹⁰⁸ Не пали, ГИМ.

¹⁰⁹ Не пали, ГИМ.

¹¹⁰ Не пали, ГИМ.

¹¹¹ Не пали, ГИМ.

¹¹² Не пали, ГИМ.

¹¹³ Не пали, ГИМ.

¹¹⁴ Не пали, ГИМ.

¹¹⁵ Не пали, ГИМ.

¹¹⁶ Не пали, ГИМ.

¹¹⁷ Не пали, ГИМ.

¹¹⁸ Не пали, ГИМ.

¹⁰⁹ В. Ф. Пешаков, 1963, стр. 80—81.

¹¹⁰ ПДС, стр. 73.

¹¹¹ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹² ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹³ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹⁴ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹⁵ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹⁶ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹⁷ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

¹¹⁸ ЗОИИД, т. XXIII, 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История скифского вооружения, составляющая важную страницу в развитии материальной культуры народов юга Восточной Европы, тесно связана с социально-экономической историей скифов и ряда близких к ним племен. Сложные корни она уходит в предшествующую эпоху поздней бронзы и была подготовлена в процессе развития производства у родственных племен евразийских степей в конце II — начале I тыс. до н. э.

Первые формы оружия, послужившие прототипами для некоторых архаических скифских форм, появились в Северном Причерноморье во второй половине VIII — начале VII в. до н. э. Однако в своих основных чертах комплекс скифского вооружения сложился лишь к концу VII в. до н. э.

Эпоха распространения предскифских типов оружия совпадает с началом освоения железа в производстве местных племен и вместе с тем с появлением не только в Причерноморских степях, но и в Поволжье, и в Казахстане первых кочевников. К концу VII в. до н. э. железо окончательно вытесняет бронзу на производстве орудий труда и оружия.

Процесс разложения родоплеменного строя, начавшийся вместе с переходом к железу, способствовал тому, что война, как одна из основных источников обогащения, становится видом труда для отставания собственности и для ее приобретения¹. Превращение войны в постоянный промысел определило развитие производства для войны и привело к поискам форм оружия, наиболее эффективных для борьбы с противником.

Вместе с тем быстрые передвижения, ставшие возможными благодаря широкому употреблению лошадей для верховой езды, способствовали тому, что технические достижения одних племен в короткий срок передавались другим. Наиболее совершенные виды оружия, появившиеся у одного народа в результате мирных и военных взаимоотношений, осваивались близкими и более далекими народами. Очевидно, этим можно объяснить то обстоятельство, что у населения обширных евразийских степей существовали, некоторые одинаковые типы оружия, обычно являвшиеся скифскими.

Широкое распространение предскифского и раннескифского оружия создает большие трудности при определении источников его возникновения. Можно лишь предполагать, что небольшой сложный лук скифского типа или его непосредственный предшественник впервые появился где-то на востоке евразийских степей, в области распространения андроновской и срубной культур, там, где раньше всего появились костяные и бронзовые прототипы многих предскифских и скифских наконечников стрел.

С Северным Кавказом (по крайней мере для Северного Причерноморья и к западу от него) уверенно связываются по происхождению биметаллические мечи и кинжалы с грибовидным навершием, характерные для предскифского периода.

Местным по происхождению был в Северном Причерноморье один из типов наконечников копий, существовавших в предскифскую и раннескифскую эпоху. Другой тип проник в Северное Причерноморье в VIII—VII вв. до н. э. с Кавказа или из Средней Европы.

Формированию комплекса скифского оружия к концу VII — началу VI в. до н. э. не только в Северном Причерноморье, но и в других районах евразийских степей в большой степени способствовали походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию, в страны древневосточной цивилизации. Они принесли к знакомству с неизвестными ранее типами оружия, а также сделали возможным использование высококвалифицированных мастеров, производящих оружие.

По-видимому, где-то в Передней Азии впервые появилась та форма скифского аккинака, которая с конца VII или начала VI в. до н. э. вытеснила меч с грибовидным навершием и прямым перекрестьем и распространилась от скифов на огромной территории: от Средней Азии на востоке до Венгрии на западе. Под влиянием восточных стрел возникли трехлопастные наконечники с листовидной головкой, очень часто встречающиеся в колчанах скифских и сарматских воинов ранней поры.

На Древнем Востоке скифы познакомились с чешуйчатым металлическим доспехом.

Келермесский и мальгуновский мечи и келермесская секпиря, так же как кинжалы в Зевгити, показывают, что по скифскому типу работали урартийские или другие мастера, хорошо знавшие передвосточное искусство.

Немалую роль в процессе формирования комплекса скифского оружия, по-видимому, играл и кавказский металлургический центр. Так, например, с Кавказом, уверен-

¹ К. Маркс, 1940, стр. 24.

но связываются по происхождению скифские боевые группы.

Несмотря на существование ряда одноваловых форм оружия у многих народов юга Восточной Европы и Азии, комплекс вооружения скифов и соседних с ним племен — населения лесостепных областей Северного Причерноморья — меоты южного Дона, Кубань — достаточно своеобразен и отличается даже от наиболее близкого к нему сарматского вооружения.

Это объясняется тем, что свое окончательное оформление он получил не в месте и не в момент заимствования от местного производства и связей, во характерных сарматизмов.

В течение всей скифской эпохи, от конца VII до III вв. до н. э., у перечисленных народов Северного Причерноморья и Прикубанья основным видом вооружения был лук со стрелами. На втором месте стояла копия, бывшая главным оружием ближнего боя, третье место принадлежало мечам. Последние, будучи характерными только для аристократии и богатых дружинников в архайсконский период с конца V в. до н. э. употребляются также и в некоторой части рядовых общинников.

Всегда лишь второстепенную роль играли другие виды оружия — метательные дротики, праща, секеры. Если три первых категории оружия приблизительно одинаково были распространены у названных племен, то дротики и секеры чаще употреблялись населением лесостепных областей Северного Причерноморья.

Из защитного вооружения наиболее обычными являлись металлические чешуйчатые пластины, однако и они не были обязательной принадлежностью воинов. Достаточно часто, особенно в IV—III вв. до н. э. они встречались только у богатых дружинников. С конца VI в. до н. э. в скифской паноплии появились металлические, главным образом чешуйчатые, пояса. Однако они не вытеснили простых кожаных и не вошли в широкий обиход. Металлические плечи и поножи хотя и были известны населению указанных областей, всегда составляли достояние только небольшой части самых знатных и богатых воинов.

Сравнительно по составу вооружения скифов и близкого к ним племен с сарматскими, легко можно заметить, что первым было известно гораздо больше его видов, чем вторым. Так, сарматы не знали металлических дротиков, не употребляли секер, почти не были знакомы с металлическим защитным вооружением. Кроме того, по сравнению со скифами они гораздо реже употребляли копья, но зато больше пользовались мечами и клинками. Вместе с тем лук со стрелами у скифов и сарматов был основным видом оружия.

Типологическая и хронологическая классификация скифского оружия позволяет проследить закономерности в развитии почти каждого его вида и комплекса в целом.

Наиболее существенные изменения основных категорий скифского оружия происходили приблизительно одновременно. В связи с этим в истории оружия намечаются три периода, последовательно сменявших друг друга. Каждый из них охватывает промежуток времени около ста лет или немного более.

Первый период — конец VII — середина или третья четверть VI в. до н. э.; второй — последняя четверть V — конец VI — первая половина или третья четверть V в. до н. э.; третий — последняя четверть V — III вв. до н. э.

Для первого периода характерны плоские двулопастные наконечники стрел с шилом на довольно длинной ступке, отличавшиеся друг от друга по форме головки (завролостные, остроугольные, ромбовидные), трехлопастные стрелы с листовидной головкой, также часто с шилом на ступке. В небольшом количестве в некоторых кол-

панных наборах этого времени представлены трехлопастные и трехгранные наконечники с треугольной, головкой, головкой образной массивной, очень редко более легкой головкой (табл. 6).

Среди наконечников копий и эту пору преобладали те, которые имели завролостное перо с широким и высоким ребром посредине, переходящим во ступку. От своих бронзовых прототипов, характерных для предскифского периода, они отличались лишь тем, что были сделаны из железа и имели большие размеры (табл. 6).

Господствующими формами мечей и клинков были также, которые имели брусковидное навершие сравнительно массивное, бабочковидное, почковидное или сердцевидное перекрестие. Из защитного вооружения были известны чешуйчатые железные и бронзовые пластины в виде короткой рубахи и плечи местного типа.

Во второй половине — конце VI в. до н. э. существенно изменяются наборы стрел в колчане. Преобладают базисные и опориопушечные трехлопастные наконечники массивных пропорций. Характерные типы наконечников стрел предшествующей эпохи еще имеют место, но почти нигде не представлены в большом количестве экземпляров.

Исчезают завролостные наконечники копий с высоким ребром посредине, переходящим во ступку. Вместе с тем распространяются завролостные наконечники с узким ребром на перо или без ребра.

Среди мечей и клинков господствовали также, которые имели завролостное навершие, простое или чаще ромбовидное, в виде короткой хвостовой бабочковидное перекрестие (табл. 20).

В защитном вооружении дружинников кроме чешуйчатого металлического панциря, появились чешуйчатые бронзовые и железные пояса, служившие для поспешия лука в горле и меча, а также имевшие защитную функцию. Наряду с предметами местного производства скифская аристократия начинает употреблять привозное греческое защитное оружие — плечи и поножи.

Изменялся, появившись в типах вооружения во второй половине V в. до н. э., особенно хорошо заметны в IV в. до н. э. Колчанные наборы, насчитывающие иногда несколько сотен стрел, состояли из трехлопастных и трехгранных наконечников штыковых пропорций, а также небольших широкосексных трехгранных наконечников со скрытой ступкой (табл. 8, 9).

Существенно меняются лапчатники копий. За небольшими исключениями все они имеют узкое листовидное перо, наибольшая ширина которого находится в последней трети его длины, считал от острия (табл. 14). Наконечники копий с завролостным пером продолжали шире утилизироваться только в лесостепи.

Кроме копий, которые могли быть колющими и метательными оружием, распространяются металлические дротики, имевшие длинный стержень и короткую жаловидную головку.

Впервые в этот период, в главным образом в IV—III вв. до н. э., применяются мечи с узким ланго-треугольным перекрестием представляющим собой новую ступень развития бабочковидного перекрестия, характерного для предшествующих эпох. Что касается навершия, то для V—IV вв. до н. э. они чаще всего ромбовидные, в IV—III вв. до н. э. имеют форму уплощенного овала (табл. 18).

Изменяется панцирь — в клинках мечей. Преобладают клинки, имеющие форму узкого вытянутого острого треугольника в отличие от треугольных клинков с широким основанием или имеющих почти параллельные лопатки и короткое острие, употреблявшиеся в VI—V вв. до н. э.

К концу третьего периода относятся однонаправленные

мечей, представляющие собой местные своеобразные подражания греческой махайре. Однако они не имитируют дулелинских мечей, а употребляются одновременно с ними.

В античном вооружении скифов распространяются греческие или подражающие им палицы с оплечьем — кожаное с металлическим дополнением и тешушчыты. Греческие шлемы и поножи были известны в Северном Причерноморье лучше всего именно в этот период.

Говоря об истории скифского вооружения, я отметила лишь типы, характерные для каждого из трех периодов, в не касалась тех форм, которые были второстепенными или мало менялись с течением времени. Так, например, боевые топоры, бывшие второстепенным оружием, употреблявшимся главным образом оседлыми племенами, почти не менялись, однако наибольшее число находок их относится к VI в. до н. э.

Совершенно очевидно, что наступательное скифское оружие развилось по пути усиления эффективности его действия. Переход к трехгранным и трехлопастным наконечникам стрел связан со стремлением придать стрелу более правильный полет, а полицидные трехлопастные и трехгранные наконечники стрел вытянутых пропорций, концы лопастей которых были оформлены в виде шпоров, были призваны стремиться к увеличению пробойной силы стрелы, а также к тому, чтобы сделать стрелу трудно вынимаемой из раны или из пробитого ею доспеха.

С этой же целью были усовершенствованы наконечники дротиков: длинный квадратный или круглый в сечении стержень способствовал большей прочности наконечника, а головка с двумя шпорами затрудняла его вытаскивание из щита. Стремлением усилить пробойную силу копий как колющего оружия было вызвано копье с наконечником с узколистным пером, обычно лязгающим в поперечном сечении.

По этому же пути происходит развитие мечей, основной функцией которых, так же как копий, было служить колющим оружием. Даже копье — однолопастный меч не изменило их главного назначения. Клинок скифского однолопастного меча был узким и прямым, а это существенно отличало его от греческой махайры, бывшей широким кривой клинком, приспособленным для рубящего удара.

Локальные различия в скифском оружии на рассматриваемой территории слабо заметны и прослеживаются лишь по отдельным элементам.

На среднем Дону, например, с V в. до н. э. входят в обиход железные наконечники стрел с лосовой листовидной головкой, но неизвестны для других районов.

Некоторым своеобразием отличается вооружение скифо-сарматского населения Прикубанья, хотя и здесь основными были те же формы наступательного и оборонительного оружия, что и в Северном Причерноморье. Местные черты прослеживаются в наборах наконечников стрел главным образом в том, что здесь в течение всей скифской эпохи широко применялось железо для их изготовления.

Типичной местной формой считаются мечи без металлического перекрестья, с узким брусковидным навершием, появившиеся в IV в. до н. э. и употреблявшиеся наряду со скифскими.

Существенно то, что нельзя проследить никаких местных особенностей в развитии оружия, бывшего в употреблении каждого из племен Северного Причерноморья. Изменения с течением времени одновременно испытывало и то оружие, которое имело место в степных скифских племенах, и то, которое было в лесостепи, на Дону и в Прикубанье.

В то же время история сарматского вооружения существенно образом отличается от скифской.

Однаковые со скифскими в архаическую эпоху сарматские стрелы развиваются своим путем, и с конца VI в. до н. э. сарматские наборы стрел существенно отличаются от скифских.

Более всего к скифской истории сарматских мечей. Однако и здесь, несмотря на значительные параллели, имеются свои особенности. Так, не позднее V в. до н. э. у сарматов появляются длинные мечи, более 1 м, но характерные для скифов. С конца IV—III в. до н. э. становится господствующим более совершенный прохоровский тип меча в его двух вариантах: с серповидным или прямым брусковидным навершием. В Скифии эта форма меча не была известна.

Скифское оружие (наконечники стрел, мечи), как об этом уже было сказано выше, в своих начальных формах имеет общие черты с оружием племен, живших далее на восток от сарматов, в Сибирь, на Алтае и в Средней Азии. Скорее всего это объясняется происхождением основных форм из одного источника, однако в дальнейшем вооружение каждой из групп племен развивается по-своему, приобретает черты, свойственные только ей одной. Поэтому, например, при существовании некоторых общих черт между скифскими и сибирскими аналогами скифские мечи являются особенностью скифского оружия, тогда как сибирские характерны для сибирских народов. Свои местные особенности хорошо прослеживаются также при сравнении наконечников стрел, лишь на первый взгляд кажущихся одинаковыми со скифскими. Не приводя сколько-нибудь детальных сопоставлений, отмечу, что сибирское и среднеазиатское оружие при всех своих особенностях ближе к сарматскому, чем к скифскому. Бронзовые наконечники стрел скифского типа и мечи были известны племенам аляшской культуры Прикамья в результате межплеменных сношений со скифами и сарматами, главным образом в VI—V вв. до н. э. Кроме приведенных образцов, здесь существовали формы, изготовленные на месте и подражающие скифским, но вместе с тем по ряду признаков отличавшиеся от скифских.

Отдельные виды скифского наступательного оружия проникали на запад от скифской территории. Лучшие всего они представлены в Трансильвании и на венгерском Полесье, где известны бронзовые и костяные наконечники стрел, анакаки, боевые секиры. Некоторые из них совершенно аналогичны скифским, многие представляют собой более или менее своеобразное подражание скифским формам. Отдельные наконечники стрел архаических типов и единичные находки анакаков встречаются и в других областях Румынии и Венгрии.

Все предметы вооружения скифского типа, найденные в Румынии и Венгрии, относятся к VI — началу V в. до н. э., более поздние отсутствуют. Скифские стрелы VI — начала V в. до н. э. известны на горющих лужайках культуры Польше, там же встречаются близкие к скифским боевые топоры-молоты. В раскопках скифского вооружения на территории средней Европы участвовали не столько скифские племена, сколько их лесостепные соседи, население правобережья среднего Приднепровья, Побужья и Поднестровья. Контакт между ними прослеживается по другим предметам материальной культуры.

Самой западной находкой скифского анакака является меч из Фаттерсфельде. Место производства этого меча с золотой обивкой рукоятки и ножен до сих пор не удалось установить. Несмотря на своеобразный стиль ornamentации позем заставляет сблизиться его с болгарской пластиной из Гарчялово и предполагать, что он был сделан или в одной из франкских мастерских, или в одной из греческих городов западного Причерноморья.

Взаимоотношения киммерийских и скифских племен с фракийским населением Балканского полуострова, отмеченные письменными источниками, получали свое отражение в археологическом материале; так, они прослеживаются по находкам на территории древней Фракии предметов скифского вооружения. В одном из погребений, в северной Болгарии (у г. Царевброд, близ Еджра), изданы комплекс доспехов стрел вместе с наконечником коня. Наборы скифских стрел, иногда довольно большие, встречаются в некоторых курганах фракийской земли V—IV вв. до н. э. Кроме погребений, скифские наконечники стрел VI и VII вв. до н. э. происходят из случайных находок в северной и центральной Болгарии. Скифские мечи на болгарской территории представлены только несколькими случайными находками. Очевидно, они не были в широком употреблении у фракийцев, поскольку известно, что типичным для них оружием был специальный рубящий меч — махайра, воспринятый фракийцами от греков.

Находки наконечников стрел скифских типов известны далеко за пределами указанных областей Европы. Походы в Переднюю Азию киммерийцев и скифов были причиной раннего знакомства с ними народов Переднего Востока и прежде всего иллирийцев и персов. От персов, с одной стороны, и от скифов, с другой, скифские стрелы проникли к грекам Малой Азии и метрополией в VI в. до н. э.

Кроме наконечников стрел и мечей скифских типов, остальные виды скифского оружия как пастушеского, так и оборонительного не получили сколько-нибудь широкой известности за пределами основной территории их распространения.

История скифского вооружения, этапы его развития детально совпадают с этапами развития всей скифской материальной культуры, в основе изменений которой лежат развитие производства и связанные с ним изменения в социальном строе. Вместе с тем выражением, по которому скифы совершенствовали свое оружие, в большой степени зависит от того, с какими противниками скифы приходилось иметь дело. С одной стороны, скифы часто приходилось сталкиваться с племенами, имевшими близкое к ним вооружение, с другой — с греками Северного Причерноморья, т. е. иметь дело с тяжеловооруженными гоплитами и щитоносной пехотой. Особенно частыми столкновениями скифов с греками становилось с момента образования скифского царства во главе с могущественным царем Атем. По всей вероятности, это послужило толчком к распространению тех типов оружия, которые были наиболее приспособлены для борьбы со щитоносной пехотой.

Выгнанные скифского вооружения сарматскими в Северном Причерноморье, наблюдающиеся со II в. до н. э., т. е. после того как сарматы заняли большую часть скифских земель, объясняются преимуществами сарматского вооружения над скифским.

В заключение следует хотя бы коротко остановиться на организации скифского войска и на основных приемах ведения войны.

Организация вооруженных сил в Скифии определялась социально-экономическим строем. Известно, что в VII—V вв. до н. э. скифы жили родовым строем, хотя родоплеменные отношения уже распадалась. В этих условиях понятие войска еще было тождественно с понятием всего свободного мужского населения. Геродот в ряде мест своей IV книги указывает на то, что каждый скиф был вооруженным воином¹. Такое же представление о скифском войске было и

у Фукидда². Археологический материал может быть использован для подтверждения этих свидетельств. В раскопанных курганах Северного Причерноморья конца VII—V вв. до н. э. при мужских захоронениях обычными являются находки большого или меньшего количества предметов вооружения.

Аналогичное явление можно наблюдать у ряда народов, стоявших на той же ступени развития. Так, Энгельс специально отметил эту особенность у германцев эпохи Таутиа и у греков гомеровской эпохи.

Помимо всеобщего военного ополчения, в Скифии в VII—V вв. до н. э., по всей вероятности, уже существовали специальные военные дружины. Этого требовали постоянные войны с целью грабежа, которые были одним из обязательных признаков эпохи.

Изначаль, характеризую германцев эпохи последней ступени родоплеменного строя, уделял большое внимание определению сущности их военной дружины. «Эти частные объединения (для ведения войны) стали у германцев уже постоянными союзами. Военный союз, приобретающий силу, собиравший вокруг себя отряд жаждавших добычи людей, обитавших с му личной верностью, как и он сам. Вождь содержал их и награждал, устанавливая иерархию между ними; для незначительных походов служил отряд телохранителей и иногда готовое к бою войско, для более крупных существовал готовый кадр офицеров...»³.

По-видимому, близкий по характеру к германским были скифские дружины, о существовании которых мы можем судить на основании свидетельства Геродота⁴ и данных археологии.

Несомненно, что в эту эпоху истории Скифии дружины еще не были многочисленными и, будучи охотой царя или вождя в военной обстановке, зависели от членов рода и племена, к которым принадлежал их вождь. Естественно, что в эпоху военной демократии, когда каждый член племена был одновременно воином, скифский племенной союз представлял собой охотнее всего в военную организацию. На это обратили внимание Б. Н. Граков⁵ и М. И. Артамонов⁶, разбирание свидетельств Геродота об организации скифского войска в период войны с Дарием. Действительно, скифы выступали тремя отрядами, находившимися под начальством трех «царей», или в военной обстановке вожаков-воинов. Основой отряда возглавлял военный вождь Скифии — Иданфирс⁷. Это трехчленное деление скифского войска вполне соответствует тем трем частям Скифии, под которыми следует понимать племенные объединения⁸.

Воисковый единичей, по-видимому, были военные подразделения, собранные из округов, или номов. Судить об этом позволяет упоминание Геродота о том, что каждый год возглавлял круговой ташии скифов своего округа⁹, убивших врагов.

Военные сборы производились, очевидно, на добровольных началах, и желавшие принять участие в военном походе присоединялись к дружинникам. Каждый взрослый член племена был, вероятно, заинтересован в участии в военных операциях, как в источнике своего обогащения, ибо только принесший голову врага дарю получал извест-

¹ Фукидд. О Восточном море, II, 96. ВДН, 1947, № 2, стр. 263.

² Энгельс, 1947, стр. 118.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Геродот, IV, 71, 72. ВДН, 1947, № 2, стр. 371.

⁵ Б. Н. Граков, 1947, стр. 73.

⁶ М. И. Артамонов, 1947, стр. 80.

⁷ Геродот, IV, 71—80. ВДН, 1947, № 2, стр. 372.

⁸ Геродот, IV, 7. Там же, стр. 259.

⁹ Геродот, IV, 88; Там же, стр. 270.

¹ Подробнее об этом см.: В. Д. Блаватский, 1954, стр. 7 и сл.; А. И. Мезькина, 1950, стр. 26 и сл.

² Геродот, IV, 48, 81. ВДН, 1947, № 2, стр. 206, 274.

ную долю военной добычи¹³. Но в отражении неприятельских набегов, очевидно, участвовало все население, могущее пользоваться оружием.

Необходимость организации по-военному племенных образований, где каждый мужчина был воином, как одно из условий их существования в эпоху военной демократии специально отмечает К. Маркс¹⁴.

Однако, так как в скифском племенном союзе стоявшие во главе его кочевые племена обладали большей воинственностью, часто случалось, что в тех или иных мероприятиях участвовали только кочевники. Скифы-кочевники, по всей вероятности, осуществляли походы в Переднюю Азию и Закавказье, а также поход на Харсонеос Фракийский, предпринятый некоторое время спустя, после войны с Дарием¹⁵ (493 г.).

Организация скифского войска в эпоху существования государственного образования в Скифии пока известна значительно хуже.

Так как война продолжала играть видную роль и в этот период истории Скифии, а социальная базой молодого государственного образования было свободное население, существенные изменения в составе и организации скифского войска вряд ли были возможны. По-прежнему скифское войско представляло собой ополчение, во главе которого стоял царь, а наиболее боеспособную и хорошо вооруженную часть войска составляли дружины. Тем не менее на основании археологического материала мы можем говорить о том, что начиная с IV в. до н. э. наблюдаются изменения в составе ополчения.

Судя по тому, что в могильниках, принадлежавших земледельческому населению Скифии, с IV в. до н. э. начинает исчезать вооружение, а в погребениях рядовых скифов-кочевников оно продолжает играть видную роль, можно прийти к заключению, что военное дело становится обязанностью главных образцов воинов-кочевников и вместе с тем господствующей частью населения Скифии — скифов-кочевников.

В этом отношении показательным является тот факт, что погребения, раскопанные Скадовским у Белозерского городища¹⁶, принадлежавшие оседлому земледельческому населению, часто не имеют оружия; а то же время погребения, принадлежавшие кочевникам, всегда сопровождаются предметами вооружения. Показательно и то, что в погребениях IV и первой половины III в. до н. э. Мариупольского могильника оружие встречается значительно реже и в меньшем количестве, чем в VI и V вв. до н. э.¹⁷

В противоположность этому мужские погребения, обнаруженные в рядовых кочевнических курганах могильника у Николая¹⁸ и с. Кут¹⁹, обязательно сопровождалась большим или меньшим набором вооружения.

Количество необходимых для того или иного военного мероприятия воинов определялось царем и его приближенными. Таким образом, к IV в. до н. э. добровольный принцип организации войска, вероятно, уступает место принудительному. Так, из свидетельства Полиппа²⁰ мы знаем о том, что земледельцы и полководцы, очевидно, мало способные к войне, не участвовали в сражениях Атея с трибаллами. Им было приказано явиться лишь по окончании боя,

чтобы произвести впечатление многочисленного, идущего на помощь скифам, войска и этим испугать врагов.

Изменились по сравнению с предшествующей эпохой количество дружинок и состав дружин. О том, что число дружинок в Скифии IV—III вв. до н. э. значительно возросло, свидетельствует более широкое распространение защитного вооружения, во встречаемого у рядовых воинов. Кроме того, можно говорить о большей индивидуальной и социальной дифференциации среди дружинок. Встречаемые вместе с основными погребениями в богатых «царских» курганах погребения дружинок далеко не одинаковы по количеству, разнообразию и богатству инвентаря и прежде всего оружия. Некоторые из них сопровождались почти таким же богатым набором вещей, как набор царя, при этом у них, так же как и у самого царя, являлось украшенное золотом оружие (меч, с обильными золотом рукоятки, в курганах Чертомыхи, Куль-Оба). Другие (например в Солохе) имели более скромный набор вооружения, в котором не было даже защитного вооружения.

Будучи опорой царской власти, дружина в государственном период истории Скифии играла важную роль. При небольших военных столкновениях она действовала, по всей вероятности, без участия ополчения, а при более серьезных военных мероприятиях была ядром войска, состоявшего из свободного населения, обязанного военной службой государству.

Однако письменные источники в археологический материал свидетельствуют о том, что даже в последний период существования скифского царства, в I—III вв. н. э. значение ополчения было еще достаточно велико.

Несмотря на то, что греческие и римские писатели чаще всего называют скифов конными воинами, известно, что скифское войско состояло не только из конницы, но и из пехоты. Конными воинами были прежде всего дружины, происходившие из среды кочевых, а также и из земледельческих племен. Выделке более или менее богатого конного воина в среде земледельческих племен хорошо прослеживается, начиная с архаического периода, по находкам в погребениях воинов различных предметов конского убора. Конными воинами, кроме дружинок, были и те из рядового населения, которые имели верховых коней. Естественно, что большинство конного ополчения формировалось из кочевников, асл жизни которых была тесным образом связана с конем. Пешее войско состояло, главным образом, из земледельцев, но вместе с тем в него входила объединявшая часть кочечевого населения.

Количественное соотношение конницы и пехоты в скифском войске установить невозможно. Очевидно, оно не было постоянным, а изменялось в зависимости от того, какой процент в скифском племенном союзе, а затем в государстве, составляло оседлое население по сравнению с кочевым, с одной стороны, от степени культурной дифференциации, с другой. В связи с тем, что с IV в. до н. э. начинается процесс оседания на землю объединяемого кочевого населения, а культурная дифференциация становится все более глубокой и увеличивается количество объединяемых кочевников, можно предполагать, что численность пехоты с течением времени возрастает. Отметим, например, тот факт, что Крымские степи, которые в эпоху, известную Геродоту, были заняты кочевниками, в государственный период скифской истории были заселены земледельцами. Только эти обстоятельства можно объяснить соотношением сил в скифском войске, принимавшем участие в битве при Фате на стороне Сатрапа. Численность пехоты у скифов, по свидетельству Диодора Сицилийского, в два раза превышала количество конницы.

¹³ Геродот. IV, 64; ВДН, 1947, № 2, стр. 269.

¹⁴ К. Маркс, 1940, стр. 8.

¹⁵ Геродот. IV, 40. Там же, стр. 267.

¹⁶ Г. Л. Скадовский, 1937, стр. 36—37.

¹⁷ М. Е. Бак, 1913.

¹⁸ Б. Н. Граков, 1962.

¹⁹ Д. Т. Березовская, 1960.

²⁰ Полипп. Военные хитрости, VII, 44. ВДН, 1948, № 2, стр.

Такое соотношение сил вряд ли могло быть развеено, когда в Крымские степи господствовали кочевники.

После сокращения территории скифского царства и перемещения его центра в Крым, во II в. до н. э. — III в. н. э., основной контингент скифского войска составляли по всей вероятности, сельские общинники-земледельцы, входившие в пехоту. Ядро войска по-прежнему состояло из конных дружинников, перенявших от соседствующих с ними сарматов их вооружение.

Увеличение численности пехоты, наблюдающееся с IV в. до н. э., по-видимому, способствовало тому, что возросло ее значение в бою. Однако все те данные, которыми мы располагаем, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что компли в течение всей скифской истории имела первоочередное значение и от ее действий зависел исход сражений.

Состав войска, характер вооружения и подготовка дружинников определяли приемы ведения войн скифов²¹. Поскольку главной силой войска была конница, а лук со стрелами составлял основное вооружение, то можно думать, что широко применявшимся военным строем скифских всадников была лава²². Внезапные конные налеты на врага были излюбленным методом, как во время военных походов, так и при отражении неприятеля.

Отряды конных воинов, приближаясь к объекту нападения, обсыпали врагов градом стрел, захватывали добычу и так же быстро исчезали в степи, избегая рукопашной схватки. Примером таких налетов могут служить яркие описания Диона Хризостома²³, рассказывающего о налете скифов на Ольгию, Овидия Насона²⁴, описывающего которого относятся, правда, к сарматам и гетам, но, очевидно, их способ действия был аналогичен скифскому. Из вышедших в честь Никерата Паппева²⁵ мы узнаем о нападении вооруженных отрядов скифов на ольвийский гарнизон. Возможно, результаты аналогичных налетов конных отрядов скифов была гибель Зопириона, судя по тому, что пишет об этом Помпей Трог²⁶. Эта тактика налета, однако, не всегда была самоцелью, а могла являться лишь одним из моментов борьбы скифов с врагами. Так, во время войны с Дарием отдельные конные отряды скифов постоянно тревожили таковыми налетами персидское войско. Конные налеты, которые, как пишет Геродот, скифы совершали и ночью, имели целью — уничтожить персов, зашедших благодаря применению скифами своеобразной тактики отступления в безводные степные районы. Конные налеты предшествовали началу открытого боя, как мы можем судить об этом из всего описания похода Дария, даваемого Геродотом.

Тактика отступления скифов, получившая большую известность в античной литературе и применявшая в войне с Дарием, была рассчитана на замыкание превосходящих сил противника и сохранение своих собственных для решающей битвы. Вместе с тем она являлась одним из моментов общего стратегического плана, рассчитанного на полное уничтожение врагов. Несмотря на отсутствие каких-либо указаний у античных авторов на применение этой тактики в других войнах, кроме войны с Дарием, можно предполагать, что скифы прибегали к ней при всяком удобном случае.

Применение аналогичной скифской тактики отступления отмечено античными авторами только для парфян, уничтоживших римское войско на главе с Крассом²⁷. Тем не менее описание парфянского похода Красса, сделанное Плутархом, показывает, что, хотя тактика отступления действительно была принципом парфянами с целью завлечь противника в глубь страны, но значительную роль в этом сыграла дипломатия Сурейи. Сила же победа парфян над превосходящими силами римлян не была следствием этой тактики, а объяснялась превосходством парфянских катафрактов над римскими легионерами²⁸. Скифская тактика отступления была чужда грекам, чем и объясняется прямое противопоставление Платоном скифской тактики отступления греческой тактике сражаться только на месте.

Кроме данных о приемах, получивших большую известность в античной литературе, прежде всего вследствие своих особенностей, мы располагаем рядом, правда, отрывочных свидетельств о сражениях скифов в открытом бою, где, возможно, одним из главных элементов была рукопашная схватка с противником. О несостоявшемся сражении в открытом бою упоминает Геродот, описывая войну скифов с Дарием²⁹; Диодор Сицилийский, говоря о борьбе Лисимаха с восставшим каппатийцами, на стороне которых были скифы, упоминает о поражении последних в открытом бою³⁰. По всей вероятности, открытый бой происходил во время сражения войск Атея с Филиппом Македонским, хотя прямых указаний на это в античных источниках не имеется. То же самое, по-видимому, было в войне скифов с войсками Митридата Евпаторя, так как описавший это событие Страбон³¹ объясняет поражение сарматов, союзничавших со скифами, преимущественно хорошо организованной фалангой гонимых над легко вооруженным иварскими войском, что могло иметь место только в открытом сражении. Он же упоминает и о поражении скифов во время войны с войском Митридата, возглавляемым Неоптолемом.

Способ построения войска, подготовленного для сражения в открытом бою, был таким, отличавшимся от того, который использовался при приеме ведения войны, описанных выше. В. Д. Блаватский, разбирал свидетельства Диодора Сицилийского о битве при Фате, в которой участвовали скифы, пришел к заключению, что скифам было известно применение компактного построения конницы, концентрировавшая сил, удара конного кулака в середине неприятельской боевой линии³². В первых рядах такого конного кулака сражались тяжеловооруженные дружинники, а за ними следовала хуже вооруженная масса всадников, захотевшая предельно близко встать к флангам. В центре боевого построения находился пар — компактный скифам, окруженный отборной конницей.

Аналогичное построение было у войск Артаксеркса и Кира Младшего в битве при Кунаксах³³. Никаких существенных изменений в боевом построении персидских войск не произошло и во время столкновения Дария III и Александра Македонского. Несмотря на наличие в войсках Дария ряда родов войск, не имевших места в битве при Кунаксах, построение персидских войск в битве при Гаугамелах принципиально ничем не отличалось от построения во время битвы при Кунаксах. Дарий III находился в центре бое-

²¹ В. Д. Блаватский, 1850, стр. 19 и сл.

²² В. Д. Блаватский, 1854, стр. 22.

²³ Дион Хризостом. Борефевенская речь. ВДИ, 1948, № 1, стр. 228.

²⁴ Овидий Насон. Печальные песни. Письма к Поэту. ВДИ, 1948, № 1, стр. 229 и 235 и сл.

²⁵ IOSPE, I, № 34.

²⁶ Помпей Трог. Флипповские истории, XII, 2, 16. ВДИ, 1948, № 1, стр. 234.

²⁷ Ливий Лукан, VI, 352—354. ВДИ, 1949, № 2, стр. 325; Овидий Насон. Песни о любви, 1903, стр. 102 и 104; Плутарх. Избранные биографии, 1941, стр. 256.

²⁸ С. П. Толстов, 1948, стр. 211.

²⁹ Геродот, IV, 134. ВДИ, 1947, № 2, стр. 211.

³⁰ Диодор Сицилийский, XX, 73.

³¹ Страбон, VII, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 201.

³² В. Д. Блаватский, 1946, стр. 105 и сл.

³³ Плутарх. Александр Великий, 23.

вого строя, окруженный множеством всадников, готовых к битве²⁴. Этот конный отряд хорошо вооруженных воинов во главе с царем начал битву, от его успеха в большей мере зависел исход сражения.

В. Д. Блаватский допускает мысль, что такое построение войска было известно скифам еще во время их походов в Переднюю Азию, и предполагает возможность некоторого воздействия скифов на мидийно-персидскую тактику²⁵.

В открытом сражении при концентрации основных сил в центре боевого строя решающее значение имел не дальний, а ближний, рукопашный бой. При этом конную войну и похода, очевидно, употребляли главным образом коня и дротики, а затем меч и кинжалы.

Изображения боевых сцен на гробу и лорите из Солохи, а также на четырех конях мечей (табл. 4, 1, 2; 10, 3; 17, 4) красноречиво говорят о том, что всадник сражался на коне до тех пор, пока неприятель не сбивал его с коня или не убивал коня. Вместе с тем, принимая во внимание отсутствие в скифском вооружении специальных форм оружия, хорошо приспособленных для ближнего боя с коня, мы должны признать, что ближний конный бой в скифскую эпоху был слабее развит, чем в следующую, сарматскую. Но вместе с тем, несомненно, что тактика ближнего боя, как конного так и пешего, в эпоху начиная с конца V в. до н. э. была значительно выше той, которая была в предшествующий период. Об этом свидетельствует более широкое распространение защитного вооружения среди дружинников, усовершенствование его форм, а также появление более совершенных форм копий и мечей.

Кроме того, развитию тактики конного боя в этот период способствовали изменения в седловне, так как с IV в. до н. э. известно существование у скифов седла с твердой основой.

Мы располагаем скудными данными о том, чтобы судить об осадной и оборонительной технике скифов.

По крайней мере до III в. до н. э. скифы не имели специальных осадных машин. Осада укреплений, очевидно, велась при помощи луков и стрел. Об этом свидетельствуют развалины стен древневосточных городов, в которых были найдены застрявшие наконечники стрел²⁶. Кроме того, принимая во внимание указание Страбона²⁷, мы можем говорить о том, что при штурме крепостей, окруженных рвами, скифы прибегали к засыпке рвов землей и хворостом.

Не исключена возможность и того, что скифам были известны какие-то зажигательные приспособления; при помощи их можно было вызвать пожар в осаждаемом городе. Так, с осадой скифами Кармир-Блуря связывает Б. Б. Пиотровский²⁸ грандиозный пожар, уничтоживший южную урартийскую крепость.

Наличие пробоя в стенах Херсонеса Таврического²⁹, бывших результатом действия осадных машин, возможно, является свидетельством об их существовании в Скифии эпохи эллинизма.

Резкая смена вооружения, а вместе с тем решительные изменения в войске и военном искусстве наступают с приходом в Северное Причерноморье сарматских племен.

Со II в. н. э. начинается новая эпоха в истории военного дела населения Северного Причерноморья.

²⁴ В. Д. Блаватский, 1946, стр. 24.

²⁵ В. Д. Блаватский, 1954, стр. 101—106.

²⁶ Б. Б. Пиотровский, 1944, стр. 188 и 302.

²⁷ Страбон, VII, 4, 7. ВДМ, 1947, № 4, стр. 207.

²⁸ Б. Б. Пиотровский, 1944, стр. 188 и сл.; 1949, стр. 177.

²⁹ Г. Д. Белев, 1948, стр. 46—47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишова К. А., 1950. Саяк Самырчыл. Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР, т. 7, Алма-Ата.
- Аляхова А. Е., 1962. Города курского Посемя. МИА, № 113.
- Апфимов Н. В., 1949. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI.
- Апфимов Н. В., 1953. Мосто-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинская. МИА, № 23.
- Апфимов Н. В., 1961. Протомаеотский могильник с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгов, т. II. Майкоп.
- Артамонов М. И., 1947. Общественный строй скифов. Вестник ЛГУ, № 9.
- Артамонов М. И., 1948. Скифское перство в Крыму. Вестник ЛГУ, № 7.
- Артамонов М. И., 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник, вып. 2, Л.
- Баяев Г. Д., 1948. Херсовое Таврическое. вып. 2, Л.
- Березовский Д. Т., 1960. Разкопки курганного могильника с охотничьими скифскими часами в с. Кут. АП, IX, Київ.
- Берту Д., 1958. Фрако-скифский меч-рыболов в Меджиджия. Dacia, II, Bucarest.
- Берту Д., 1960. Акция из Меджиджия. Сб. «Материалы к исследованиям по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики». Кишинев, 1960.
- Блаватский В. Д., 1946. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДН, № 1.
- Блаватский В. Д., 1950. О стратегии и тактике скифов. КСИИМК, вып. XXXIV.
- Блаватский В. Д., 1953. История античной расписной керамики. М.
- Блаватский В. Д., 1954. Отчеты о военном деле в античных городах Северного Причерноморья. М.
- Бобин В. В., 1956. Могильник и поселения VII—VI вв. до н. э. на Барабинской и Крестовой горах под Кисловодском. Труды Крымского медицинского института, кафедр нормальной анатомии, т. XIX. Симферополь.
- Бобринский А. А., 1887. Куртаны и случайные находки близ местечка Смеля. т. I. СПб.
- Бобринский А. А., 1894. Куртаны и случайные находки близ местечка Смеля. т. II. СПб.
- Бобринский А. А., 1901. Куртаны и случайные находки близ местечка Смеля. т. III. СПб.
- Бобринский А. А., 1902. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. ИАК, вып. 4.
- Бобринский А. А., 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, вып. 14.
- Бобринский А. А., 1905а. Отчет о раскопках близ с. Журовка и Каптановка (Чигиринский уезд Киевской губ.). ИАК, вып. 17.
- Бобринский А. А., 1906. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1905 г. ИАК, вып. 20.
- Бобринский А. А., 1910. Исследования в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1907—1908 гг. ИАК, вып. 35.
- Бобринский А. А., 1911. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1902 г. ИАК, вып. 40.
- Бобринский А. А., 1913. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1911 г. ИАК, вып. 49.
- Бобринский А. А., 1914. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1912 г. ИАК, вып. 54.
- Бобринский А. А., 1916. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г. ИАК, вып. 60.
- Бранденбург Н. Е., 1908. Журнал раскопок. СПб.: 1908.
- Бранденбург Н. Е., 1904. Кармаческая гора как материал для датировки скифских курганов IV—III вв. до н. э. Доклад, прочитанный на конференции по изучению проблем античности в Ленинграде 10 апреля 1964 г.
- Велков И., 1929. Нови могили находки. ИАН, V. Софий.
- Велков И., 1932. Могили гробни находки отъ Бръзово ИАН, VI. Софий.
- Велков И., 1933. Могили гробни находки отъ Бръзово ИАН, VII. Софий.
- Велков И., Миков В., 1935. Надробните могили при Дуванлий и Пмолдинско. Софий.
- Воронына Р. Ф., 1902. О некоторых кинжалах и акинаках из Курской обл. МИА, № 113.
- Вязьмитев М. I. и др., 1900. Курган біля с. Ново-Плпльпівки і радгоспу Анкермєнь. АП, VIII.
- Гавина О. Д., 1958. До питання про жіночі поховання зі зброєю скифського часу. Праці КДІМ, вип. I, Київ.
- Гольмстен В. П., 1932. К разоблачению призрака исследования истинных памятников (меч и сабля). Сообщения ГАИМК, № 14—12.
- Горюхов В. А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. Труды XII АС, т. I. М.
- Горюхов В. А., 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. Труды XIV АС, т. III. М.
- Граков Б. Н., 1930. Техника изготовления скифских наконечников стрел. Труды секции археологии РАНИОН, т. V, М.
- Граков Б. Н., 1947. Скифы. Київ.
- Граков Б. Н., 1950. Скифский Горил. КСИИМК, вып. XXXIV.
- Граков Б. Н., 1954. Ионисков городище на Днестре. МИА, № 36.
- Граков Б. Н., 1958. Старейшие находки железных вещей в европейской части СССР. СА, № 4.
- Граков Б. Н., 1961. Бронзовая рукоять меча из-под Муром. СА, № 4.
- Граков Б. Н., 1962. Скифское потребление Империального курганного поля. МИА, № 115.
- Грязнов М. П., 1956. Северный Казахстан в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 61.
- Гуляев В. И., 1961. Меч скифского типа с территории городища культуры. СА, № 4.
- Гуляев В. И., 1962. К вопросу о связях городища культуры с югом в VII—IV вв. до н. э. Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М.
- Давидов А. С., 1964. Кувалда из села Монастырщина Воронежской обл. СА, № 2.
- Добропольский А. А., 1949. Кипити захвалили в околпках Таврического острова. АП, т. II.
- Добропольский А. А., 1952. Порше Саботипные поселения. АП, т. IV, Київ.
- Егоров Н. М., 1955. Могильник скифского времени у г. Минеральных Вод. КСИИМК, вып. 58.

- Елагина Н. Г., 1959. Скифские антропоморфные стелы Ново-лежского музея. СА, № 2.
- Замiatин С. Н., 1935. Отчет о работах на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. Сб. «Археологические работы на повостройках в 1932—1933 гг.», т. I. М.—Л.
- Замiatин С. Н., 1940. Скифский монумент «Пастыя курганы» под Доромоном. СА, VII.
- Збруева А. В., 1947. Бронзовые акинakes из Луговского могильника. КСИИМК, вып. XV.
- Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в акинакскую эпоху. МИА, № 30.
- Зотграф А. Н., 1951. Античные монеты. МИА, № 16.
- Иассон А. А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века. МИА, № 23.
- Иассон А. А., 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII.
- Иассон А. А., 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М.
- Глзиская В. А., 1951. Курган Старая могила — памятка архайской Скифии. Археология, т. V. Киев.
- Ильянская В. А., 1954. Из всероссийских историков скифского времени на Посуле. КСИИМК, вып. 3.
- Ильянская В. А., 1955. Поселение поздней бронзы у с. Бабьего. КСИИМК, вып. 5.
- Ильянская В. А., 1957. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVIII.
- Глзиская В. А., 1961. Скифские сокровища. Археология, т. XII, Киев.
- Калайдадзе А., 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми.
- Капошпина С. И., 1950. Погребения скифского типа в Ольвии. СА, XIII.
- Капошпина С. И., 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 30.
- Карышковский П. О., 1960. О монетах с надписью ΕΠΙΝΑΚΟ. СА, № 4.
- Киселов С. В., 1947. Алтай в скифское время. ВДН, № 2.
- Киселов С. В., 1951. Древняя история южной Сибири. М.
- Киселев А. А., 1888. Древности Минусинского музея. Томск.
- Кобылина М. М., 1953. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. М.
- Ковалевский Г. Т., 1961. Памятники скифского часу в бассейне р. Ворсклы. Археология, т. XII, Киев.
- Ковалевский Г. Т., 1962. Погребения VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, вып. 12.
- Коровина А. К., 1957. К вопросу об изучении Самбратских курганов. СА, № 2.
- Кривцова-Гракова О. А., 1951. Садиковское поселение. МИА, № 21.
- Кривцова-Гракова О. А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы. МИА, № 46.
- Крупнов Е. И., 1950. Археологическое исследование в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик.
- Крупнов Е. И., 1958. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, № 3.
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кузнецов Е. Е., 1958. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, № 4.
- Куфтин В. А., 1941. Археологические раскопки в Тривалии. I. Тбилиси.
- Лагодоцкий О. Ф. и др., 1958. Курганы скифского часу в с. Курпятии. АП, т. VI, Киев.
- Лаппо-Давидовский А., Мельберг В., 1894. Курганы Карагодеуш. МАР, № 13.
- Лопс Э. Э., 1905. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Мурюна Кавказской губ. ИАК, вып. 14.
- Лесков О. М., 1959. Религиозные поселения Кавказа. Труды исторического факультета Харьковского государственного университета, № 7.
- Либеров П. Д., 1954. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. ВССА, М.
- Либеров П. Д., 1960. Могильники курганы и Волошское городище. СА, № 3.
- Либеров П. Д., 1961. Матюшинские курганы (некоторые материалы из раскопок 1950—1960 гг.). СА, № 3.
- Либеров П. Д., 1962. Памятники скифского времени Северного Дона. МИА, № 13.
- Ляскоровский В. Г., 1892. Археологические раскопки близ Лубен. Киев.
- Макаренко Н. Е., 1911. Археологические последования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43. СПб.
- Максимов Е. К., 1952. Материалы из Хвалынского музея. СА, № 3.
- Мандельшт А. П., 1941. О скифских поясах. СА, VII.
- Мандельшт А. П., 1957. Ритон Талавского кургана. Сб. «История и археология Крыма». Киев.
- Мандельшт А. П., 1959. Золотой венец из кургана на р. Калты. ИАИ, XXII, София.
- Мандельшт А. П., 1962. Горит на кургане Солохи. Труды Государственного Эрмитажа, т. VII.
- Маркс К., 1940. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.
- Мелькова А. И., 1950. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. XXIV.
- Мелькова А. И., 1952. Камоватая фигура скифо-воинов. КСИИМК, вып. XLVIII.
- Мелькова А. И., 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51.
- Мелькова А. И., 1959. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. МИА, № 64.
- Мелькова А. И., 1961. Культура скифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 98.
- Мелькова А. И., 1962. Скифские курганы Тиграсопольных. МИА, № 115.
- Молчан Е. П., 1905. Раскопки курганов в Харьковской губ. Труды XII съезда. I. М.
- Мельниковская О. Н., 1954. Археологические раскопки на поселении Цапляхы. КСИИМК, вып. 58.
- Морсберг Н. Я., 1948. Акинак с когтевыми наконечниками. КСИИМК, вып. XXII.
- Мяллер А. А., 1910. Раскопки в районе древнего Таваса. ИАК, вып. 35.
- Мяллер А. А., 1914. Раскопки у ставки Елизаветовской в 1911 г. ИАК, вып. 56.
- Мяллер А. А., 1925. Новый источник о взаимоотношениях Скифии и Кавказа. Известия РАИМК, т. IV, Л.
- Мяшева Т. М., 1947. Могилы бронзового века в с. Воронинском. КСИИМК, вып. XVI.
- Мяшулин А. В., 1949. О военном искусстве скифов. Исторический музей. М., 1949, № 8—9.
- Морича С., 1957. Новая гальштатская группа в Молдове. Дакция, т. I. Бисаго.
- Мухомов Р. М., 1963. Луговой могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М.
- Покровский С. Б., 1944. История в культуре Урарту. Ереван.
- Покровский С. Б., 1949. Скифы в Закавказье. Ученые записки ЛГУ, № 13.
- Покровский С. Б., 1953. Кармир-Блур, III. Ереван.
- Покровский С. Б., 1959. Власное царство, М.
- Покровский С. Б., 1959. Город бога Тейшеи. СА, № 2.
- Погребная Н. В., 1961. Погребения в мавзолее Неаполи Скифского. МИА, № 96.
- Покровская Е. Ф., 1949. Розкопки коло с. Мантима. АП, т. II, Киев.
- Покровская Е. Ф., 1955. Мамтопольский скифский курган. СА, № 2.
- Прушевская Е. О., 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таванском полуострове. ИАК, вып. 63.
- Пушкова А. И., 1962. Курганы могильника у с. Русская Тростянка. СА, № 4.
- Рабанович Б. З., 1938. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, I.
- Рабанович Б. З., 1947. Шлемы скифского периода. Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, т. I.
- Радлов В. В., 1894. Сибирские древности. МАР, № 15.
- Ростовцев М. И., 1913. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб.
- Ростовцев М. И., 1913а. Представление о монархической власти в Скифии и на Кавказе. ИАК, вып. 49.
- Ростовцев М. И., 1914. Воронешский серебряный сосуд. МАР, № 34.
- Ростовцев М. И., 1914а. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Ростовцев М. И., 1918. Золотство и правство на юге России. Петербург.
- Ростовцев М. И., 1918а. Курганные находки Оренбургской области раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37.
- Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Босфор. Л.
- Гудинский М. Я., 1928. Археологический музей Полтавского музея. Збірник, присвячений 35-річчю музею. Полтава.
- Рудяков С. Д., 1911. Черепушная могила из кургана Киевской губернии. ИАК, вып. 40.
- Самойлов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М.

- Самойлов Д. Я. 1908а. Описание археологических раскопок в собраниях древностей. М.
- Славянский Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея. МИА, № 69.
- Спицын Н. В. 1945. Поселения эпохи бронзы степных районов Запорожья. СА, XI.
- Скадовский Г. Л. 1897. Валоварское городище Харсонского уезда Беловодской волости и соседние городища и курганы между низовьями р. Ингулы и началом Днепровского лимана. Труды VII АС, т. III. М.
- Скупцова В. М. 1960. Погребение с оружием из археологического некрополя Ольвия. Записки Одесского археологического общества, т. I (34).
- Смирнов К. Ф. 1951. Археологические последования в районе днепропетровского сакхата Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23.
- Смирнов К. Ф. 1958. Мелетский могильник у станицы Пашинской. МИА, № 84.
- Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение сарматов. МИА, № 101.
- Соловьевский И. М. 1954. Вспомогательные материалы. МИА, № 33.
- Соловьевский И. И. 1952. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «История и археология Восточного», вып. I. Симферополь.
- Спицын А. А. 1939. Археологические размышления о древности обитателей Вятской губ. МАВР, т. I. М.
- Спицын А. А. 1929. Археологические заметки. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV.
- Тереховский А. И. 1954. Культура предднепровского времени в среднем Поднепровье. ВССА. М.
- Тереховский А. И. 1961. Предднепровский период на днепровском правобережье. Киев.
- Толстов С. П. 1948. Древний Хорезм. М.
- Фармаковский В. В. 1911. Золотые обитки вальцев из курганов Чертомлыцкого и Ильинского. Сборник в честь графа А. А. Бобринского. СПб.
- Фармаковский М. В. 1922. Горизонт кургана Солоха. Известия РАНИОН, т. III. Петербург.
- Фундукевич И. И. 1848. Обзорные могилы, вальвы и городища Киевской губ. Киев.
- Ханенко Б. И. и В. Н. 1909. Древности Приднепровья, вып. II. Киев.
- Ханенко Б. И. и В. Н. 1910. Древности Приднепровья, вып. III. Киев.
- Харламович П. В. 1930. Материалы к археологии та історії Прикарпаття. ВОНК, 4—5. Одесса.
- Черненко Е. В. 1964. Скифские боевые пояса. Археология, XVI. Киев.
- Черненко Е. В. (в печати). Пашицы скифского времени. Археология, XVIII. Киев.
- Черняков С. С. 1951. К вопросу о составе древних бронз Новороссии. СА, XV.
- Шавлов П. П. 1959. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954—1959 гг. Известия Ростовского областного музея археологии № 1 (3). Ростов-на-Дону.
- Шавлов П. П. 1961. Раскопки Елизаветовского могильника. СА, № 1.
- Шария В. В. 1914. Отчет о раскопках в Керчи. ИАН, вып. 56.
- Шуринов А. И. 1962. Скифский князь на Днепровском музее. Историко-археологический сборник в честь А. В. Ардальского. М.
- Шуринов А. И. 1956. Курганы у с. Черкухи. КСИИМК, вып. 53.
- Шуринов А. И. 1947. Два типа формы для бронзовых наконечников стрел. Археология, II. Киев.
- Шуринов А. И. 1947. Памятники монументальной скульптуры Неолита Скифского. Авторефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. М.
- Щегловский А. А. 1962. Погребение начала железного века у Скифского. КСИИМК, вып. 12.
- Энгельс Ф. 1947. Промышленные семан, частной собственности в государствах. М.
- Энгельс Ф. 1953. Анти-Дюринг. М.
- Яценко И. В. 1959. Скифские погребения близ Ногайска. ВДИ, № 1.
- Яценко И. В. 1959. Скифы VII—V вв. до н. э. М.
- Alexandrescu A. J. 1959. Două statui traco-scitice din Dobrogea. SCIV, IX, 2. Bucuresti.
- Buland E. 1913. Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums. Wien und Leipzig.
- Berciu D. și Coșma E. 1956. Săpăturile de la Balta Verde și Cogoșu. Materiale., II.
- Berciu D. 1959. O descoperire traco-scitică din Dobrogea și problema scitică la Dunrea de Jos. SCIV, X, I. Bucuresti.
- Bottyan Arpad, 1958. Sătk a magyar Alföldön. Régészeti füzetek Magyar nemzeti muzeum.
- Bujor E. 1958. Săpăturile de salvare de la Murighiol. SCIV, VI, 3—4. Bucuresti.
- Canarache V. 1953. Considerații asupra unei statui inedite din timpul orindirii comunei primitive în Dobrogea. SCIV, IV, 3—4. Bucuresti.
- Darmenberg Ch. et Saglio M. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, vol. III, IV. Paris.
- Déchelette J. 1927. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, vol. IV. Paris.
- Dužek M. 1961. Die thrako-skytische periode der Slowakei. Slovenska archeologia, IX, 1—2. Praha.
- Ebert M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzky. PZ, V. Helt 1—2. Berlin.
- Feldt N. 1934. Der skytische Funde von Gerschinova. A. H. XV. Budapest.
- Ghirshman R. 1950. Le trésor de Sakkes. Antiquas Asiae, XIII, 3, 1950.
- Ginters W. 1928. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrußland. Berlin.
- Grakov B. 1929. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV. Helsinki.
- Harvfield E. 1941. Iran in the Ancient East. London — New York. Historia Rominae, 1960. Editura Academiei RPR.
- Kostrzewski L. 1932. Czekaj bojowa «luzicka» i wzrosciej epoki żelaznej. Wiadomości archeologiczne, t. XI. Warszawa.
- Malkin K. 1928. Zu dem Skythischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova. Prähistorische Zeitschrift, XIX. Södingen — Berlin.
- Martin F. R. 1893. L'ère du bronze au Musée de Minousinsk. Stockholm.
- Merhart G. 1928. Bronzezeit am Jeleser. Wien.
- Mirus E. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Morintz S. 1959. Săpăturile de la Birsesti. Materiale si cercetari arheologice, VI. Bucuresti.
- Parfuc H. 1952. Le cimetiare hallstattien de Saenias-Vakertung. Acta archaeologica, VI. Budapest.
- Pastek T. et Latynin B. A. 1929. Sur la question des «kamennye baby». ESA, IV. Helsinki.
- Perrot G. et Chippiez Ch. 1898. Histoire de l'art dans l'antiquité. VII. Paris.
- Petrie Flinders W. M. 1928. Geraz. London.
- Petrie Flinders W. M. 1917. Tools and weapons. Illustrated by the Egyptian collection in University. London.
- Pohl E. 1923. Malerei und Zeichnung der Griechen. Berlin.
- Rau P. 1929. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im Unteren Wolgabiet. Pskrowsk.
- Richter G. M. A. 1931. A Greek sword sheath of a skythian King. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, t. XXVI, I. New York.
- Roska M. 1937. Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens. ESA, XI. Helsinki.
- Rostovtzeff M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
- Tailgren A. M. 1926. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II. Helsinki.
- Tailgren A. M. 1919. L'époque dite d'Ananino. Helsinki.
- Sulimirska T. 1936. Skutowie na zachodnim Podolu. Lwow.
- Sulimirska T. 1948. Kultura luzicka a Scytowin. Wiadomości Archeologiczne, XVI. Warszawa.
- Sulimirska T. 1954. Scythian Antiquities in Western Asia. Antiquas Asiae, vol. XVII, 3/4. New York.
- Schmidt S. 1931. Anatolia throughout the Ages. Discoveries of the Alishar mound 1927—1929. Oriental Institute Communications, No. II. Chicago.
- Vos M. F. 1963. Scythian archers in archaic attic vase-painting. J. B. Wolters (Groningen).
- Vulpe B. Vulpe A. etc. 1951. Raport preliminar asupra săpăturilor anheologice dela Poiana. SCIV, N. 1.
- Vulpe B. 1953. Săpăturile dela Poiana din 1949. Materiale., I. Bucuresti.
- Vulpe A. 1959. Cimitir din prima epoca a fierului la Ferigile. Materiale si cercetari arheologice, V. Bucuresti.
- Vulpe A. 1959a. Săpăturile de la Costița-Ferigile. Materiale si cercetari arheologice, VI. Bucuresti.
- Zakharov A. A. 1932. I. A. Zaretsky's excavations in the Government of Kharkov. ESA, VII. Helsinki.

СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Либаров П. Д., 1954, № 1024. Отчет о раскопках могильника «Частые курганы» Воронежской экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1955, № 1202. Отчет о раскопках курганов в группе «Частые» в 1955 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1956, № 1275. Отчет о работах Воронежского отряда Лесостепной экспедиции в 1956 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1957, № 1460. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции в 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1958, № 1726. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции в 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1959, № 1871. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции в 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1960, № 2118. Отчет об археологических работах Воронежского отряда у с. Мостового Коротавского района Урюпинский обл. в 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Либаров П. Д., 1961, № 2258. Отчет о работе Воронежского отряда Скифской Лесостепной археологической экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Шилов В. П., 1954, № 1215. Отчет о раскопках Нижне-Донской экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Шилов В. П., 1959, № 1975. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Шилов В. П. и Беловоз Н. С., 1958, № 1849. Отчет о раскопках Донской археологической экспедиции Ростовского областного музея краеведения 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Шилов В. П., 1959, № 1975. Отчет об археологических раскопках Южно-Донской экспедиции 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Шилов В. П., 1960, № 2158. Отчет о раскопках Южно-Донской археологической экспедиции 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1.

Тропцкая Т. Н., 1954, № 1227. Скифские погребения в курганах Крыма. Архив ИА АН СССР, Р — 2.

О П Е Ч А Т К И

Г. Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
35	18 сл., пр.	Воловцах	Волковцах
51	6 сл., пр.	перекрестно	перекрестно
62	27 сл., лев.	IV	V
62	28 сл., пр.	IV	VI
63	26 сл., лев.	рис. 1, 2	рис. 2, 2
85	8 сл., пр.	П в. н. з.	П в. до н. з.

А. И. Малинова. Внесено изменений

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятники УРСР, видавані НА АН УРСР
 АС — Археологічний збірник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВООК — Виступи Одеської комісії краєзнавства
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГИИМ — Государственный иванский исторический музей
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
 ДВК — Древности Васюков Килиберийского, СПб., 1854
 ДПС — Древности Геродотовой Скифии, СПб., 1886
 ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
 ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 КСИД — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 ОАК — Отчет археологической комиссии
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — Советская археология
 Зрм. — Государственный Эрмитаж
 Dacia — «Dacia», Revue d'Archéologie et d'Histoire ancienne. Nouvelle série, Bucarest
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
 Materiale — Materiale și cercetări arheologice, Bucarest
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche, Bucarest

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Предскифское оружие	9
Глава 2. Лук и стрелы	14
Глава 3. Копья и дротики	35
Глава 4. Мечи и кинжалы	46
Глава 5. Скифские боевые топоры и пращи	65
Глава 6. Защитное вооружение скифов	69
Заключение	79
Список литературы	86
Список архивных материалов	89
Список сокращений	90

Анна Ивановна Мелюкова
ВООРУЖЕНИЕ СКИФОВ

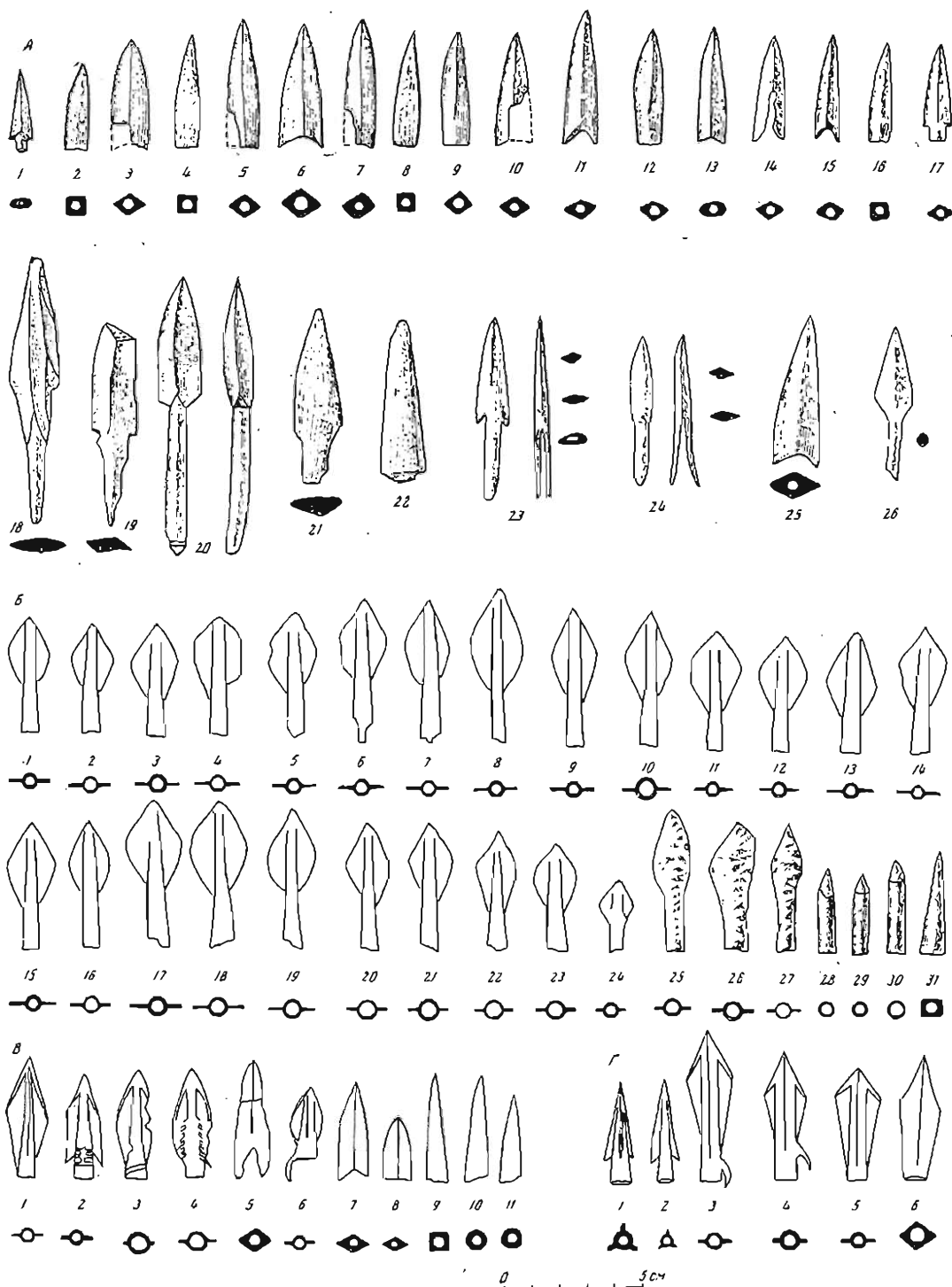
Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор О. Б. Ефимова, редактор издательства В. Н. Смирнова
Технический редактор Ф. М. Хенас

Сдано в набор 30/VI 1964 г. Подписано к печати 25/XI-64 г.
Формат 70x100/16. Печ. л. 11,25+16 вкладок. Усл. печ. л. 18,01+16 вкладок.
Уч.-изд. л. 19,8(16,3+16 вкладок) Тираж 1100 экз. Т-15968 Изд. № 2267.
Тех. зам. № 1110 Тюмень 1964 г.

Цена 1 р. 4 к.

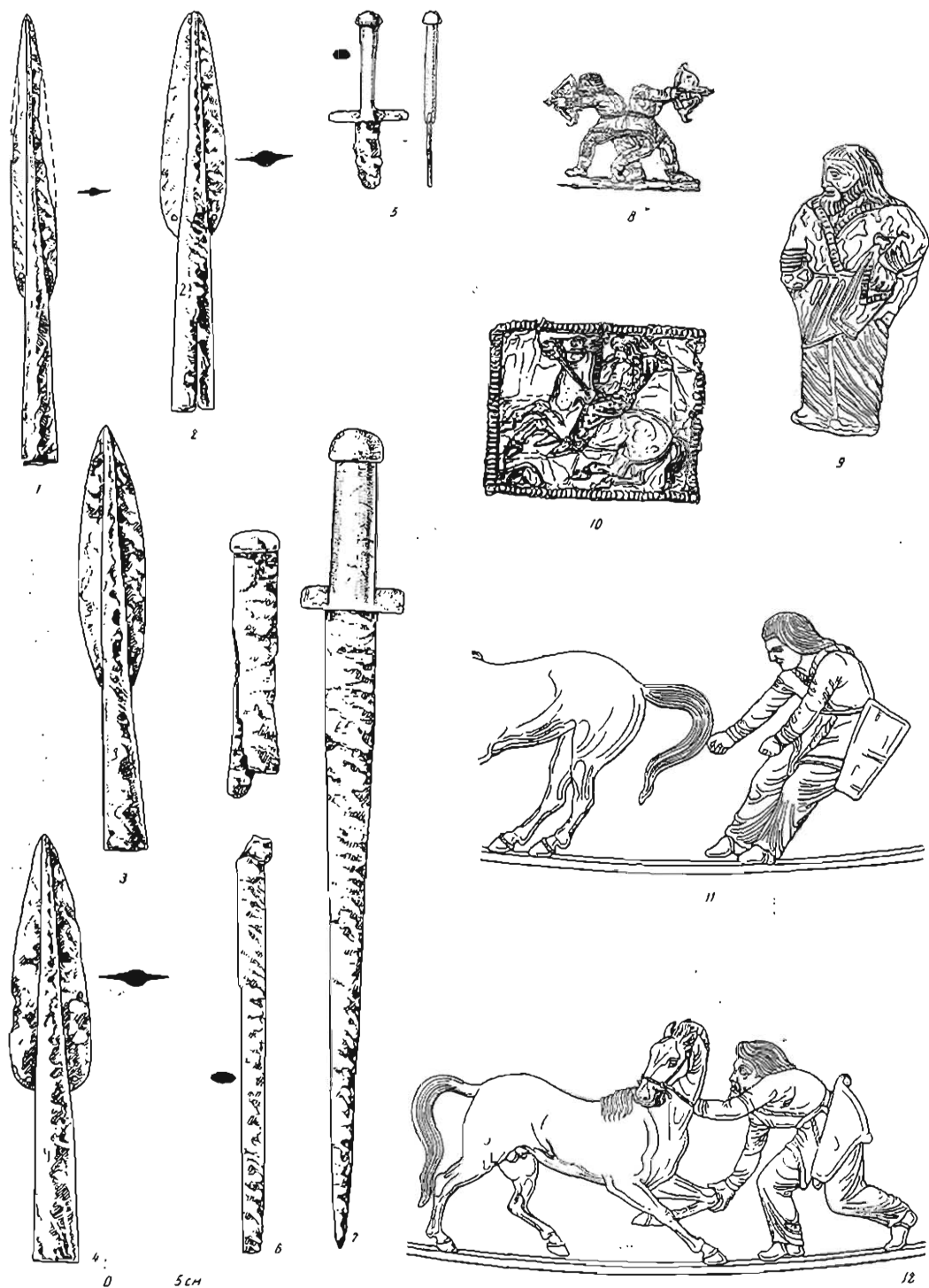
Издательство «Наука». Москва, К-62, Подосинский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Предскифские накопечники стрел:

А — Черноразские городища Среднего Приднепровья. Б — Симферопольский курган. В — Курган Мизия Цюмблин. Г — Курган Шидих (Сев. Болгария)
 А: Б, 23—31: В, 6, 7—11 — кости; В, 23—27 — железо. Остальные — бронза

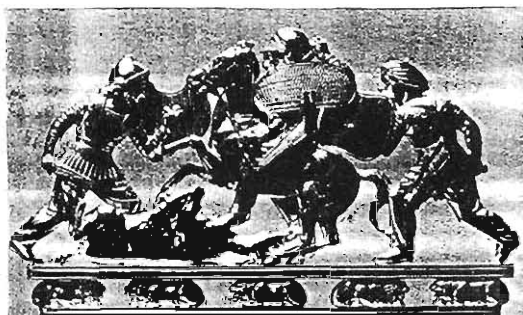

1—4 — прескифские железные наконечники копий; 5—7 — прескифские железные с бронзовыми рукоятками мечи; 8—12 — изображения скифов с оружием
1 — с. Ловцы, ГКИМ; 2, 4 — погребение у с. Бутыши; 3 — курган Ендже (Сев. Болгария); 5 — с. Галовитино; 6 — Симферопольский курган; 7 — Кресская
оля, ГКИМ; 8—10 — золотые бляшки из кургана Куль-Обе; 11—12 — Фриг чертомлыцной хитоны

1—12—монеты Ольвии и Пантелеймона с изображением скифского оружия: 1—Ольвия; 2—12—Пантелеймон; 13—бляшка из пос. Благодатного, ГИМ; 14—орнамент, кости лошадей из Ольвии, ГИМ; 15—защитная пластина из Герасимовского кургана, Эрм.

1

2

3

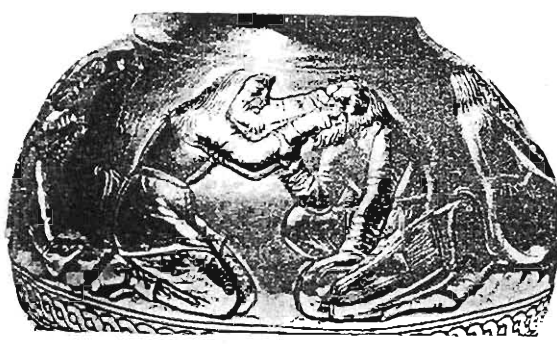
4

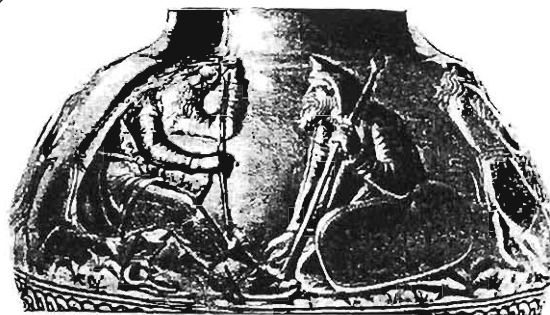
5

6

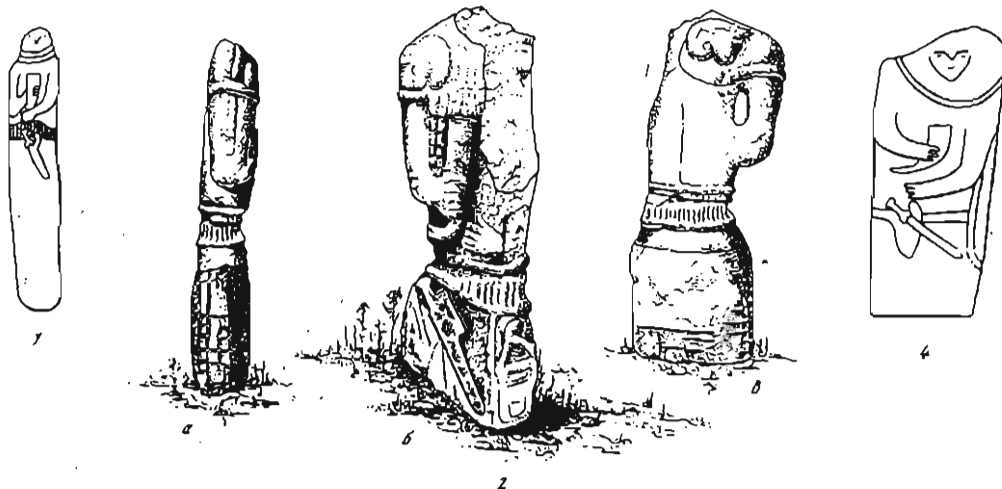
7

8

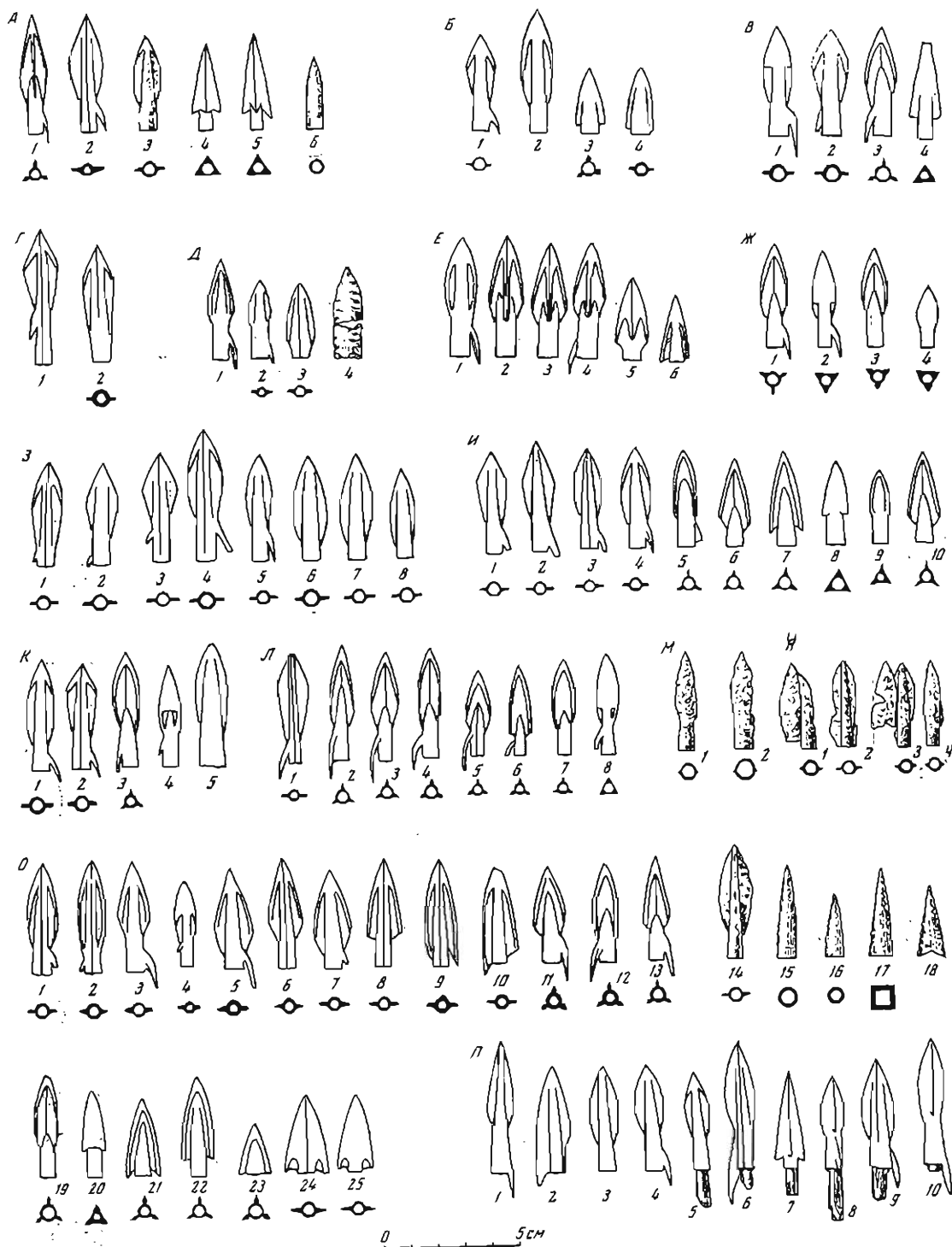
Изображения скифского оружия на предметах греческого производства:

1—2—Гробы из кургана Содоха; 3—5—воронежский серебряный сосуд; 6—8—электронный сосуд из кургана Куль-Оба

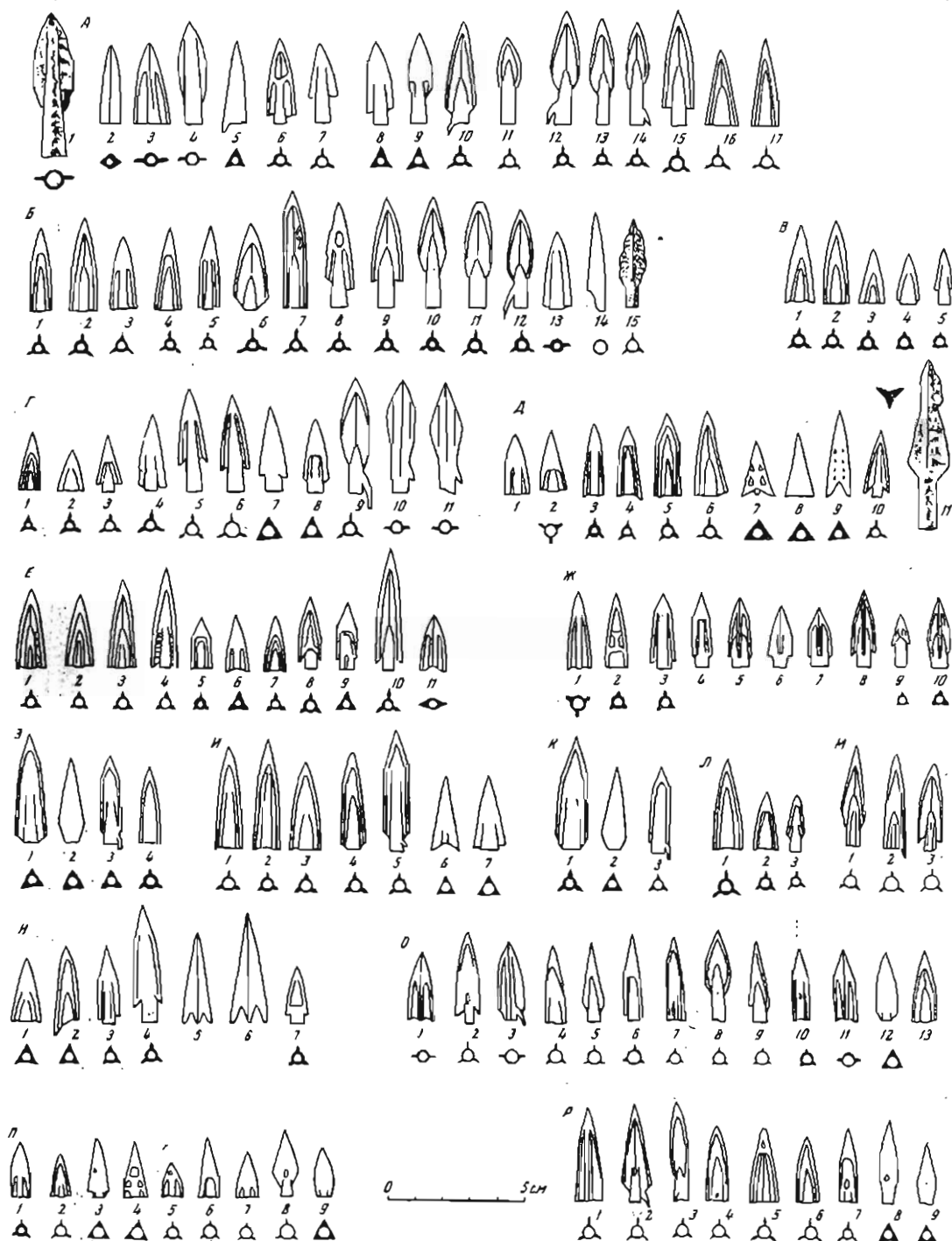
Скифские каменные изваяния:

1 — Киевский музей; 2, 3, 4 — Мудань, Краснодарский музей; 5 — прорисовка той же статуи; 6 — Днепропетровский музей; 7 — Херсонский музей; 8 — с. Тернополь, Винницкий музей; 9 — с. Казимир, Киевский музей; 10 — Первомайский музей; 11 — ст. Елизаветовская на Южном Дону

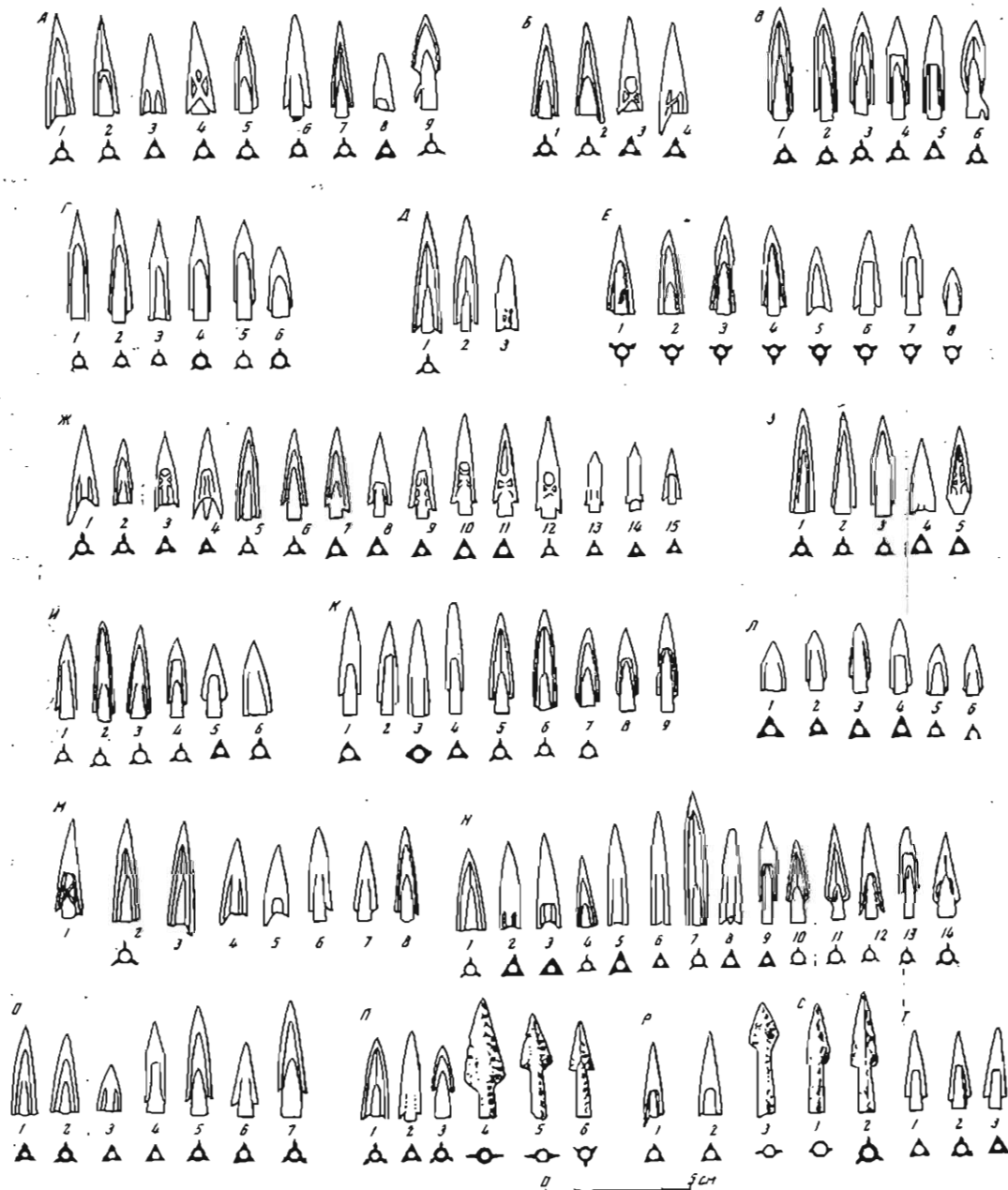
Комплексы стрел VII-VI вв. до н. э. (1 — хронологическая группа):

А — курган 46 в урочище Горячее; Б — курган в урочище Снодаров (Большое городище); В — курган (Осица); Г — курган 324 у с. Жданово; Д — курган 3 у с. Рыжанина; Е — Мельгуновский курган; Ж — курган 13 у с. Аксютинцы; З — курган 187 у с. Журавка; И — курган у с. Лешковцы; К — курган у с. Осетинцы; Л — курган 68 у с. Аксютинцы; М — курган 1 у с. Цолова; Н — курган 8 у с. Цолова; О — Старая могила; П — курган 88 у Гудий города.

Комплексы наконечников стрел VI — V вв. до н. э. (II — хронологическая группа):

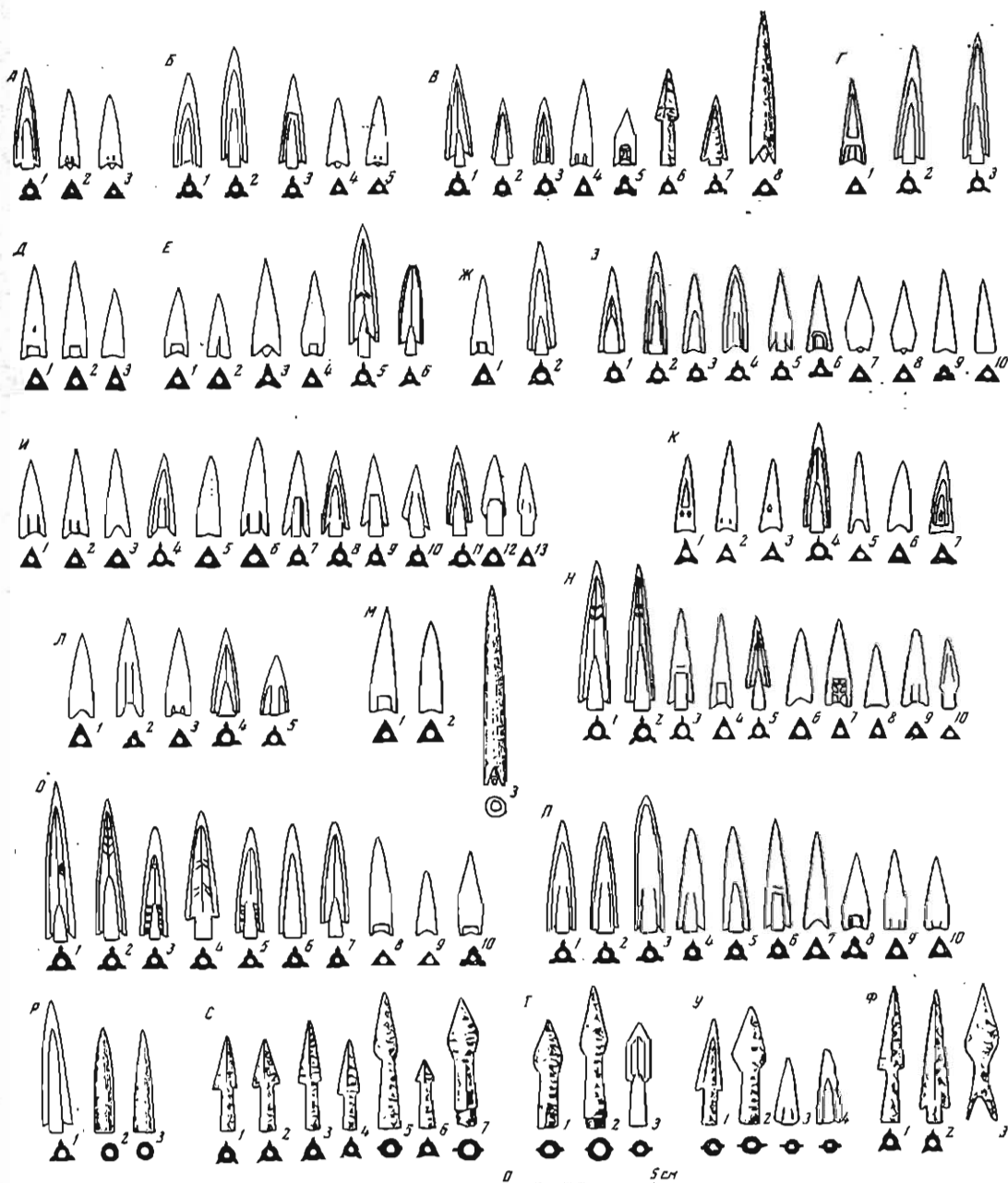
А — курган 478 у с. В. Бугор; Б — курган 482 у с. Високи; В — курган I близ Херсона; Г — курган 401 у с. Журабка; Д — курган 401 у с. Манаска; Е — дощатый курган близ Симферополя; Ж — курган 10 Маршиского могильника; З — курган 13 у с. Лисачевка; И — курган 7 у с. Лихачевка; К — курган Опшчлина; Л — курган Бабы; М — могила 52, 1911 г., Ольвийский некрополь; Н — курган 7 группы «Частых»; О — могила 66, 1911 г., Ольвийский некрополь; П — могила 91, 1913 г., Ольвийский некрополь; Р — могила 107, 1911 г., Ольвийский некрополь.

Комплекс наконечников стрел V—VI вв. до н. э. (III — хронологическая группа):

А — курган 2 у о. Аксютинки; Б — курган 4 в Осицах; В — курган 4 у с. Березового; Г — курган 6 у с. Новоеха; Д — курган Раскопала молотов; Е — курган у о. Федорово в урочище Круглик; Ж — курган близ Цимбалки; З — курган 2 Лобовича (Крым); И — курган I, погребение 3 в долине Таласов (Крым); К — курган Кара-Меркет; Л — курган Ташки; М — курган 804 у с. Брамакри; Н — курган 2, группы Сократовых; О — курган I, погребение 1 в долине Таласов; П — курган Русская Троицкая; Р — курган 10 группы «Истия»; С — курган 15/11 у с. Мостового; Т — курган 2/21 у о. Мостового

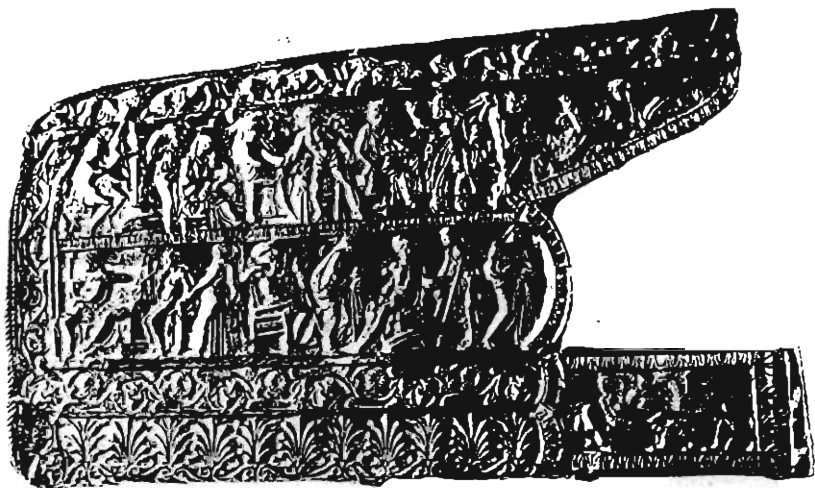

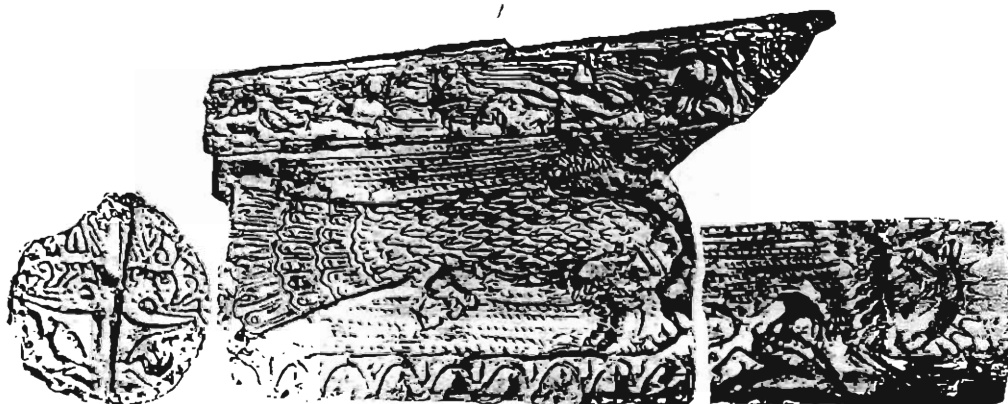
Комплексы каменных стрел IV—III вв. до н. э.

А — курган Солохи; Б — курган Огуз; В — курган 8 в Баумачах; Г — Девя курган; Д — курган 3, погребение 5, у о. Кут; Е — курган 21, погребение 3 у о. Кут; Ж — курган 21, погребение 4 у о. Кут; З — курган 2 погребение 3 Бикозовского могильника; И — курган 14, погребение 2, у Солохи; К — курган 486 у с. Маневана; Л — курган 487 у с. Маневана; М — курган 1472 у о. Остякчи; Н — курган Конауаловичи; О — Кривонутский курган; П — курган Косыл; Р — курган Шулаговичи или Новополюевка; С — курган 11 группы «Частых»; Т — курган 1 группы «Частых»; У — курган 1 у о. Мастюгино; Ф — курган 2 у о. Мастюгино.

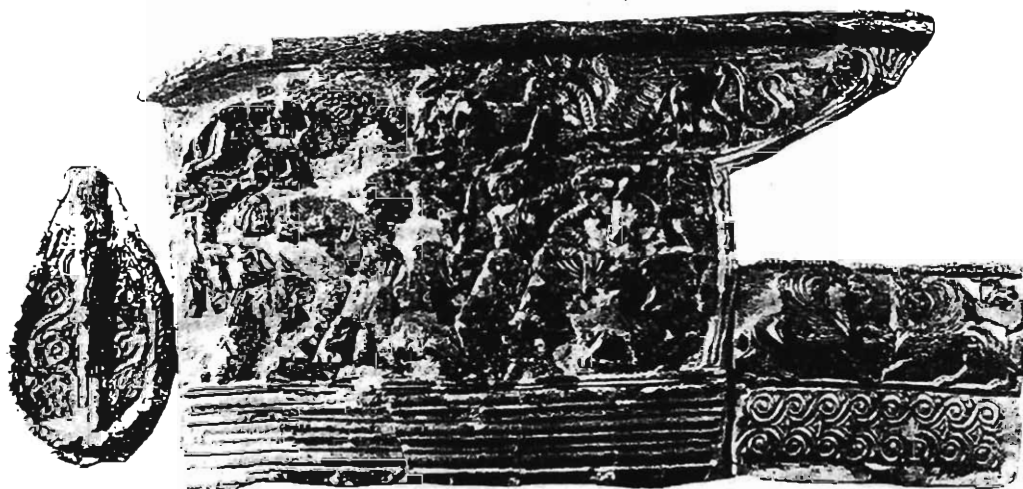
В, 6, 7; С, 1—7; Т, 1—2; У, 1—2; Ф, 1—3 — желто. В, 3; М, 3; Р, 2—3 — медь. Остальные — бронза

1

2

3

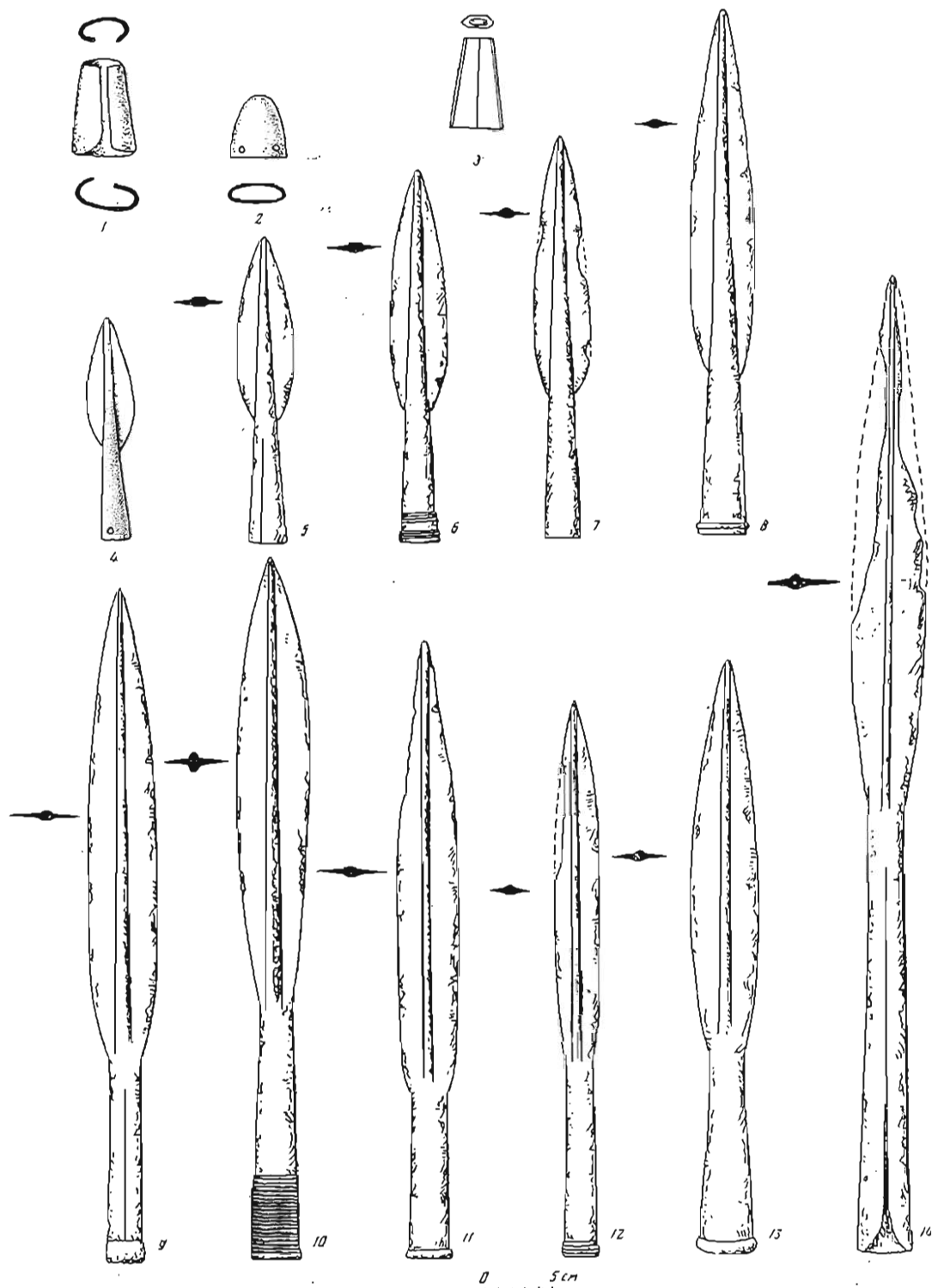
Обкладка горитов:

1 — Черноморск; 2 — Иудейск; 3 — Иудейск; 4 — Солох; 5 — 2 — золото; 3 — серебро

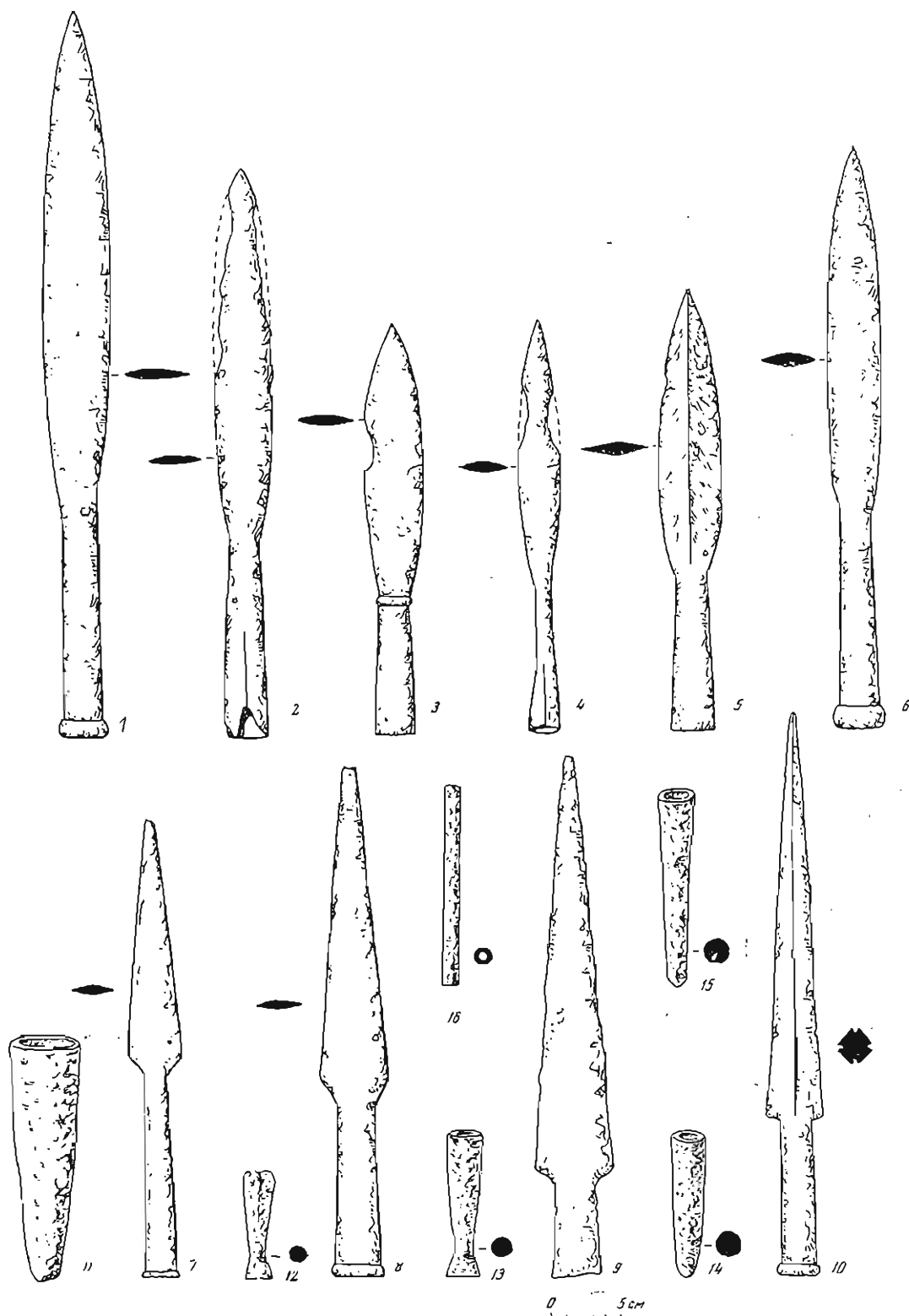
Остатки чешуйчатой брони и обвязки молчанов:

1—1—остатки пояса из бронзовых чешуек, урочище Галушино; 2—2—часть панциря из бронзовых чешуек, с. Полновцы; 3—остатки желтого пластинчатого нити (?) с. Волковыя; 4—бронзовая позолоченная обвязка молчанов, с. Прусы

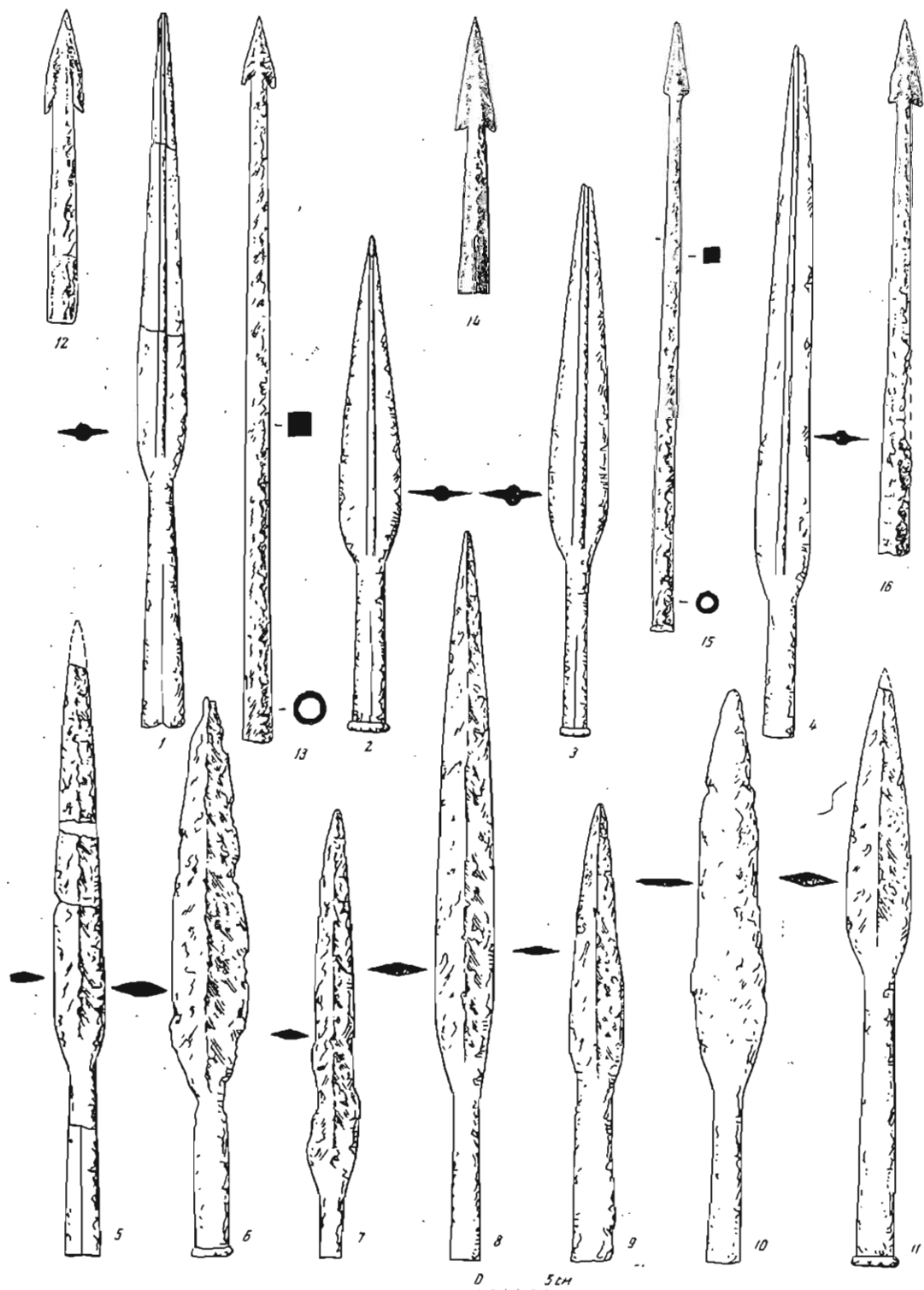
Наконечники копий 1-го отдела и наконечники футляров для копий:

1 — железный наконечник футляра, курган 453 у с. Манасова; 2 — бронзовый наконечник футляра, курган 408 в урочище Горячее; 3 — бронзовый наконечник футляра, курган Одишлянка; 4 — 8 — наконечники копий 1-го типа; 9 — 14 — наконечники копий 2-го типа; 4 — курган 344 на берегу р. Ташлык; 5 — курган 434 у с. Манасова; 6 — курган 408 в урочище Горлячево; 7 — курган 8 у с. Лихачевки; 8 — курган Старшая могила; 9 — курган 489 у с. Манасова; 10 — курган 491 у с. Манасова; 11 — курган 502 — у с. Бровари; 12 — курган 400 у с. Жукова; 13 — курган 7 группы «Частых»; 14 — курган Келермес; 2-4 — бронза; остальные — железо

Железные наконечники копий и подтоки:

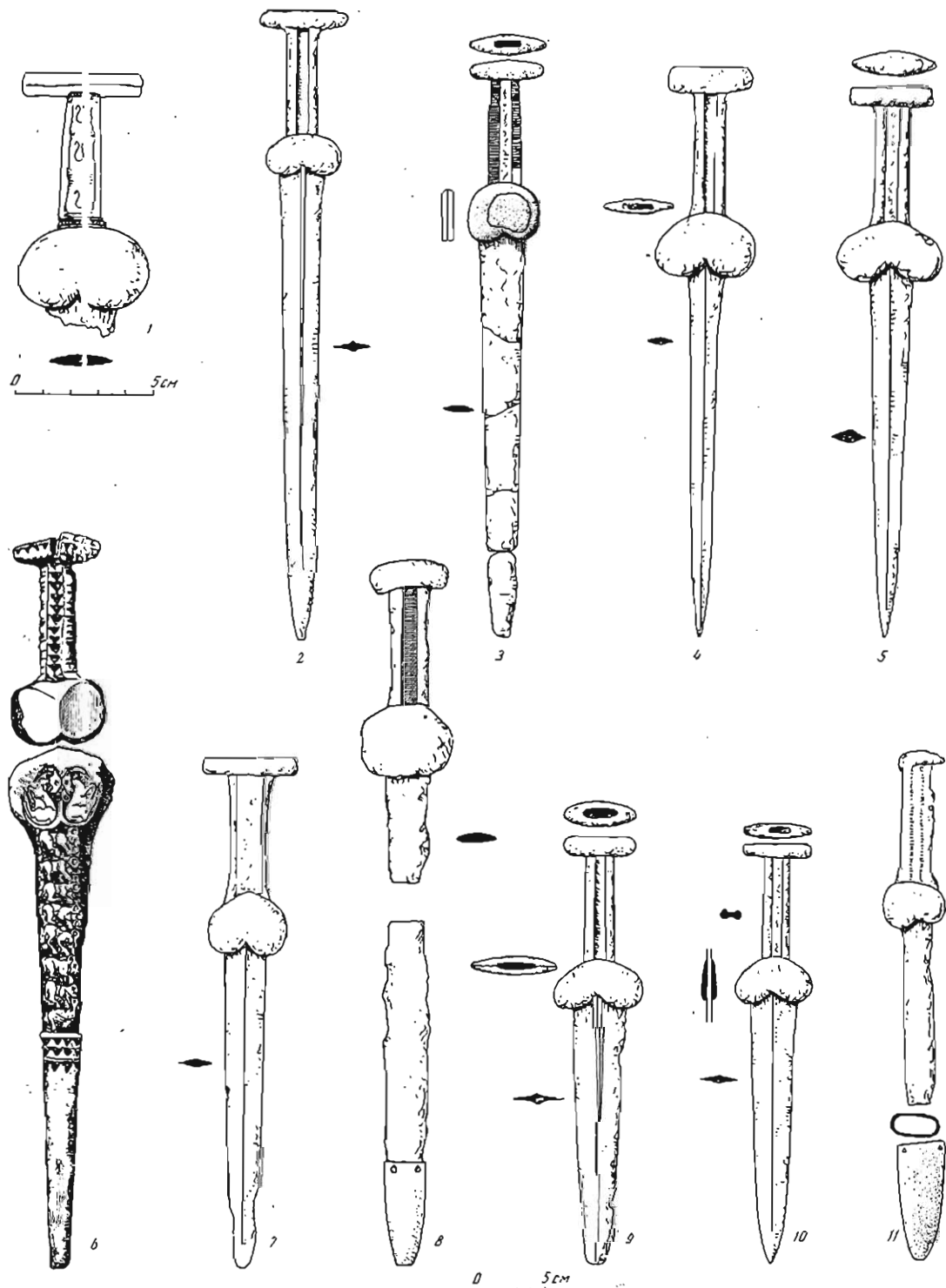
- 1—6 — 1-го отлеса, 3-го типа; 7—9 — 11-го отлеса; 10 — четырехгранный, греческий; 11—16 — подтоки
 1 — курган 6 у Марицанского могильника; 2 — курган 7 у с. Аксютинцы; 3 — курган 3 у с. Поповка; 4 — курган 403 у с. Ильинцы;
 5 — из обрешетки Бобринского; 6 — курган 425 у с. Кулешовка; 7 — курган 2 Рядовые могилы; 8 — курган О, Марицанского могильника;
 9 — курган 6 у станицы Елизаветинской; 10 — курган 2, развалины 17 Николаевского могильника; 11—16 — из разных курганов

Железные наконечники копий 17-го отдела и наконечники дротиков

1-11 — 1-й тип; 12-17 — 2-й тип; 12-17 — наконечники дротиков

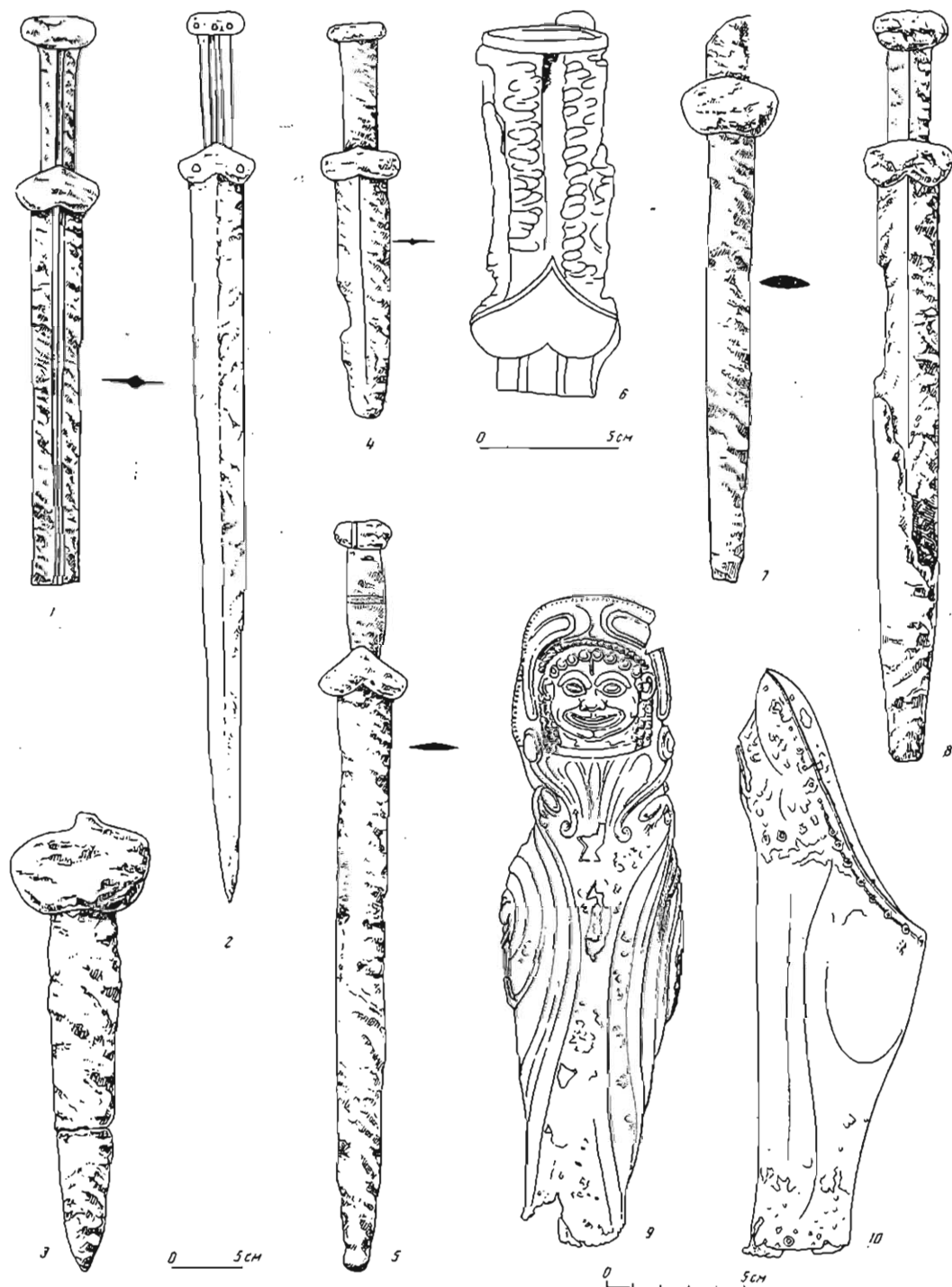
1 — курган 3 у с. Асютинцы; 2 — курган 416 у с. Журовка; 3 — курган 2 в имени Таласовой; 4 — курган Каменная могила; 5 — курган 3 у с. Асютинцы; 6 — курган 8, погребение в Никопольского могильника; 7 — курган 2 у с. Асютинцы; 8 — курган Чертомлык; 9 — курган 365 у с. Тенюхи; 10 — г. Корсунь, случайная находка; 11 — курган 12 группы «Частых»; 12 — курган Ак-Бурт (Крым); 13 — курган Чертомлык; 14 — курган 478 у с. В. Буджи; 15 — курган 2 у с. Мостюгива; 16 — курган 426 у с. Журовка

Мечи и кинжалы I отдела 1-го типа:

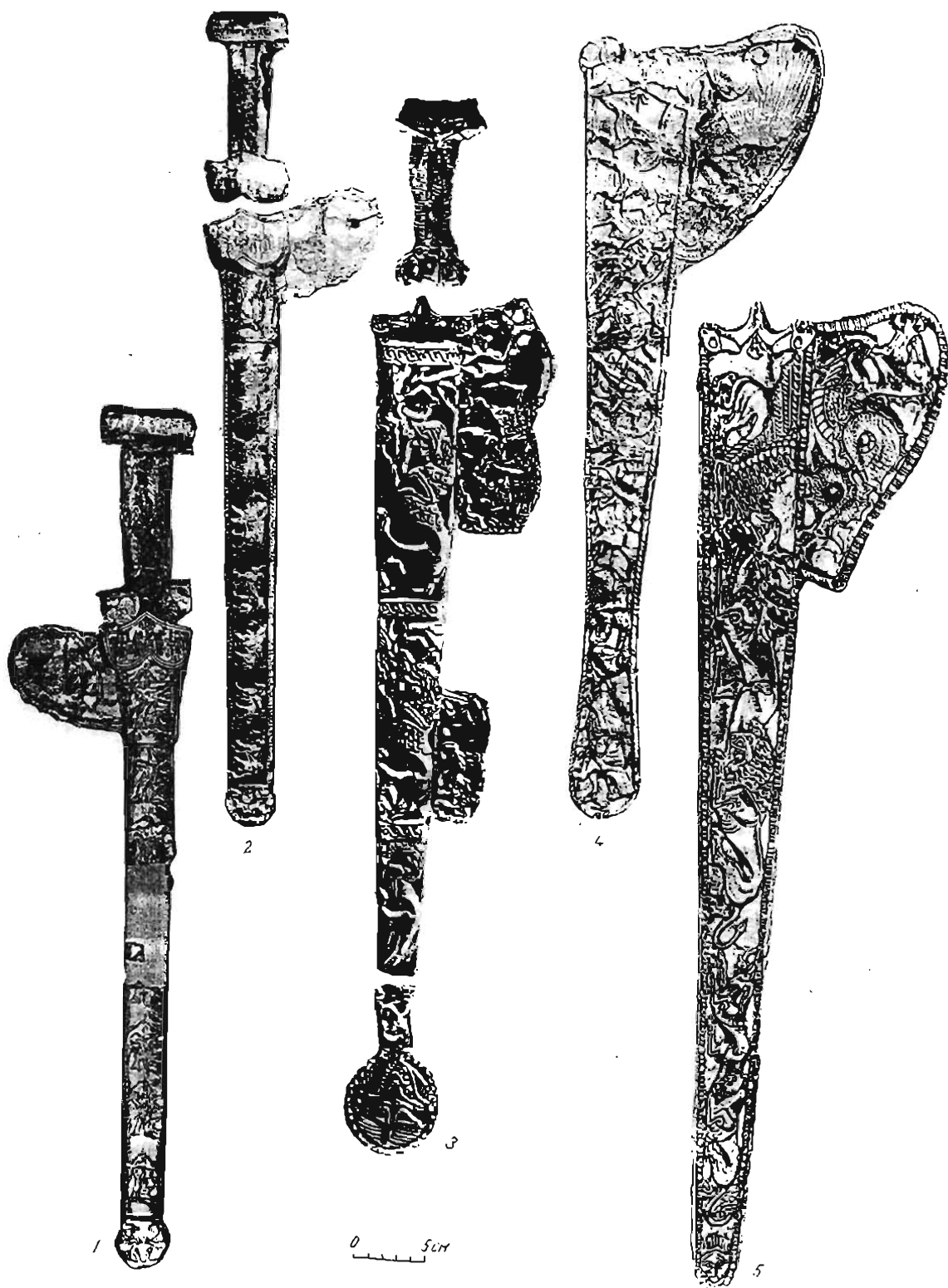
1 — рукоять меча из Феттерфельде; 2 — место наконечника, из собрания ГИМ № 4; 3 — мургал 2 у Райгородка; 4, 5 — случайные находки близ Чигирини; 6 — курган Шужейно; 7 — с. Ж. урочища; 8 — Спирская могила; 9 — случайная находка в окрестностях Кисля близ Зеленого сада; 10 — курган 17 у с. Курилозна; 11 — курган 2 у с. Рикановна

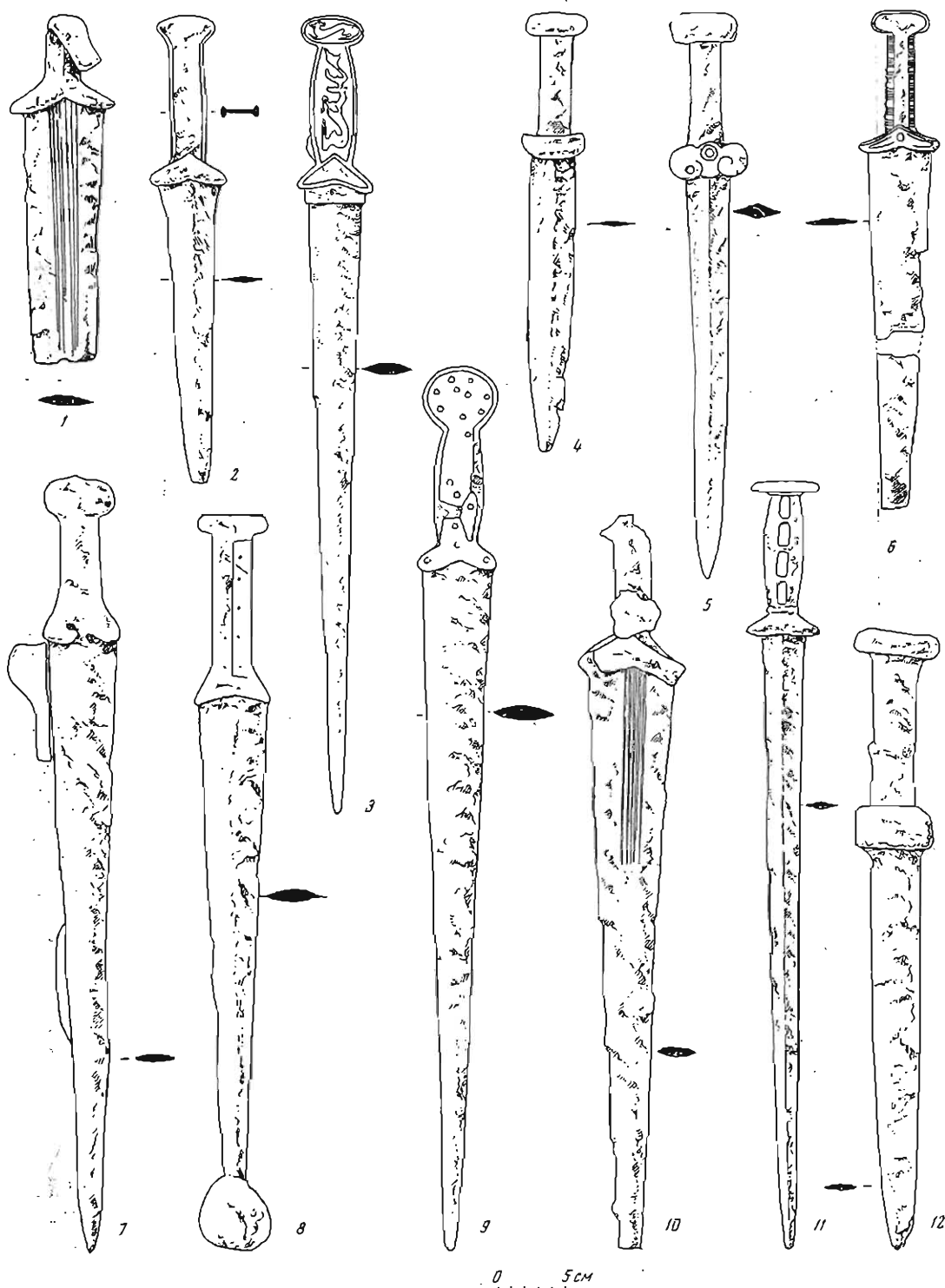
1—8— мечи и кинжалы I отдела 2-го типа; 9—10— кресалы;

1 — окрестности Сметы, ГКИМ; 2 — с. Сухино, Икенинская обл., пар. Яриковское; 3 — Старшая могила; 4 — с. Грушевка, ГКИМ; 5 — о. Боскетное на Умелыцком, ГКИМ; 6 — курган Томакова; 7 — окрестности Сметы, ГКИМ; 8 — курган 425 у с. Кулешина; 9 — курган Кенуатского; 10 — курган Мунь-Ода

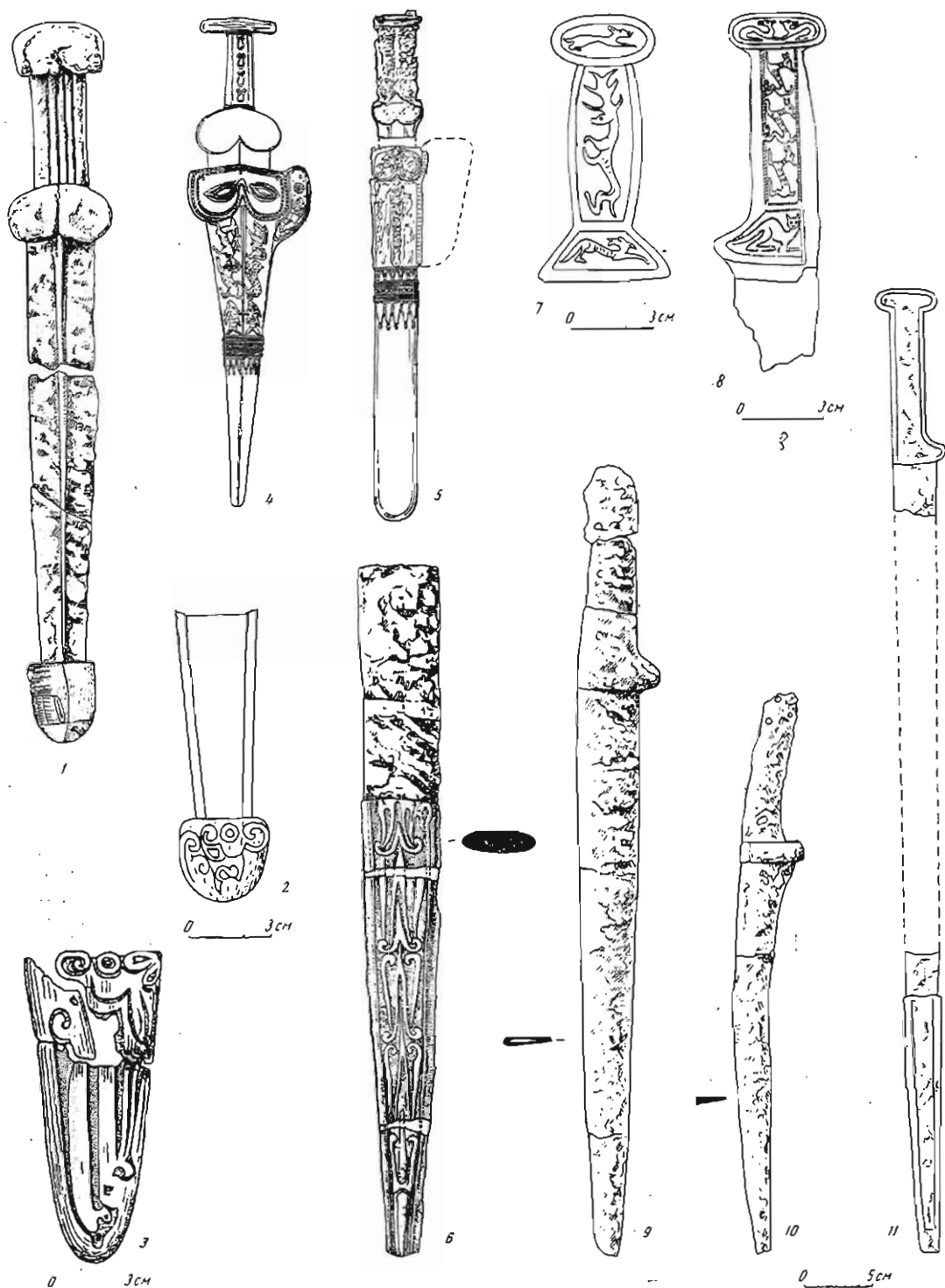
Ножны скифских мечей:

1— курган Келермес; 2— Мальгуновская курган; 3— курган Салоха; 4— курган Чертомлык; 5— курган Куль-Обе

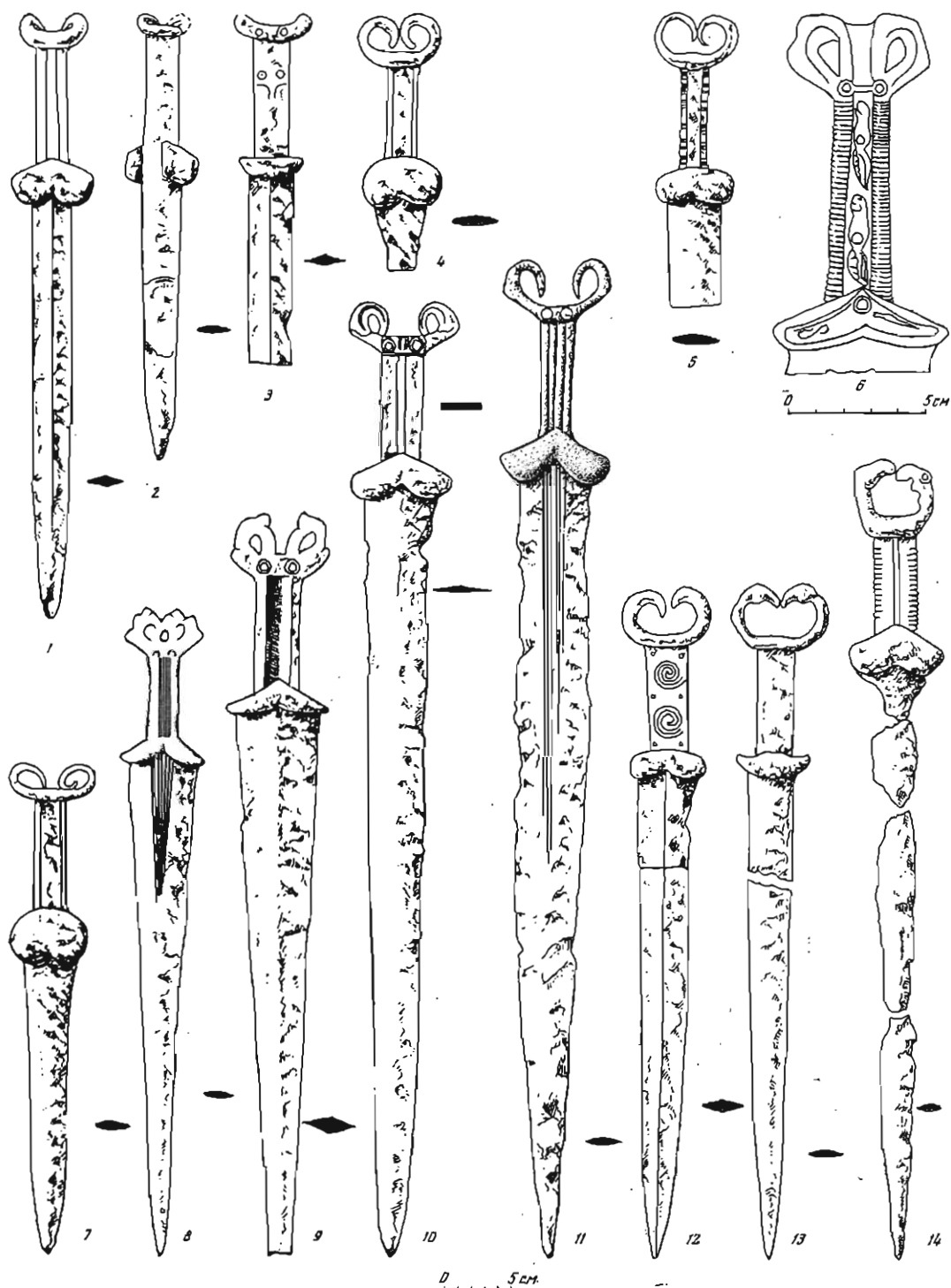
Мечи и копья 1 отдела 3—6-го типов:

- 1 — место находки неизвестно; 2 — Дубовский уезд Волынской губ.; 3 — курган Чертомлык; 4 — место находки неизвестно, сар Терещинско, ГНМ; 5 — Киевский уезд Киевской губ.; 6 — место находки неизвестно, сар Терещинско; 7 — курган I, погребение I Воронцовского могильника; 8 — курган 19/21, погребение 2 Николаевского могильника; 9 — курган 489 у с. Манея; 10 — Софийск; 11 — с. Ковали; 12 — урочище Галущинко

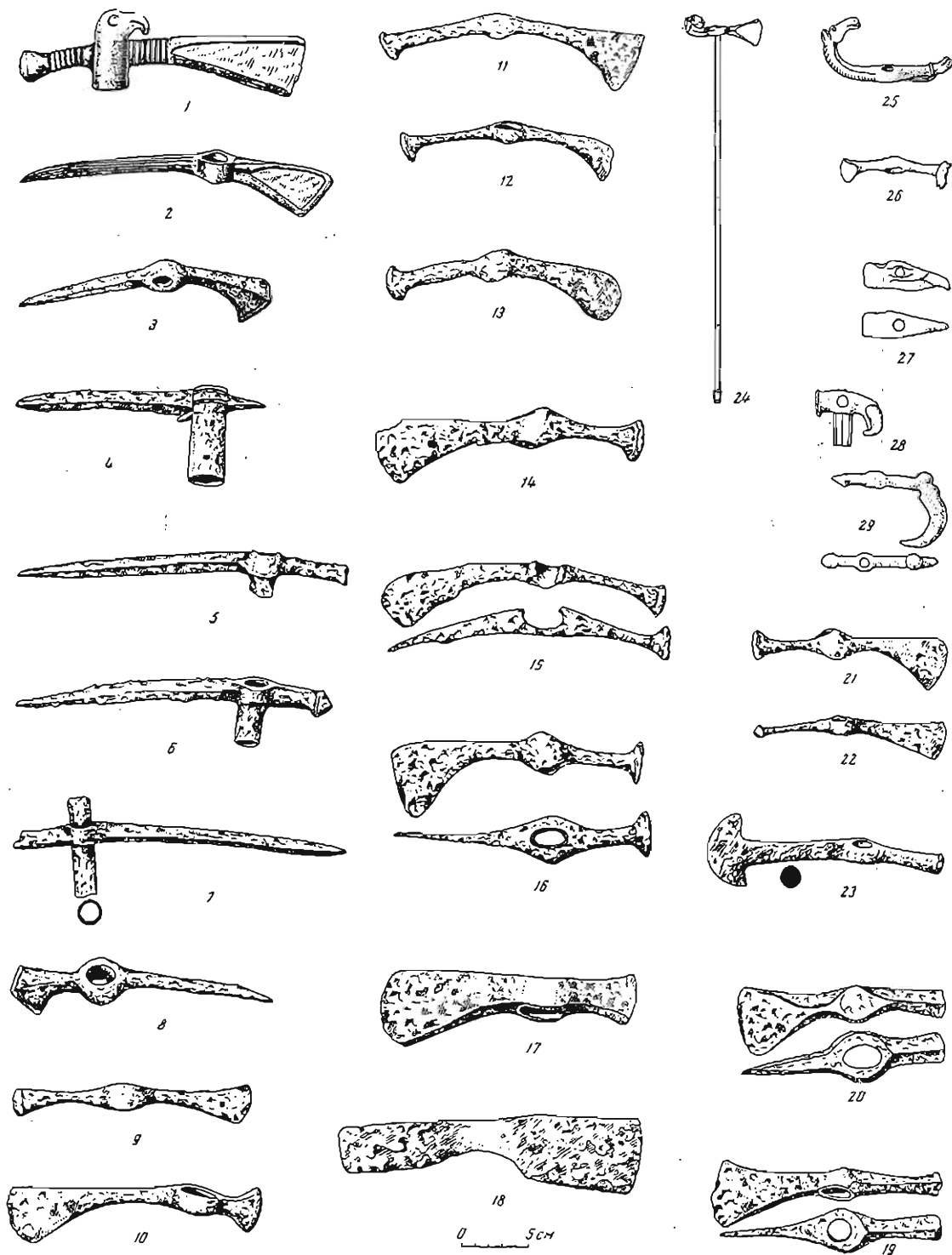
Мечи и кинжалы, остатки ножей:

1 — погребено близ г. Мшгеральмыс-водам; 2 — курган близ Дарьевки; 3 — Старшая могила; 4 — Петеробелье; 5 — курган Томаковка; 6 — курган 14 группы «Частых»; 7 — курган Желудатского; 8 — курган Новониколаевка; 9 — курган в урочище Круслики близ с. Федоровки; 10 — Софиевка; 11 — курган 487 близ Златополя

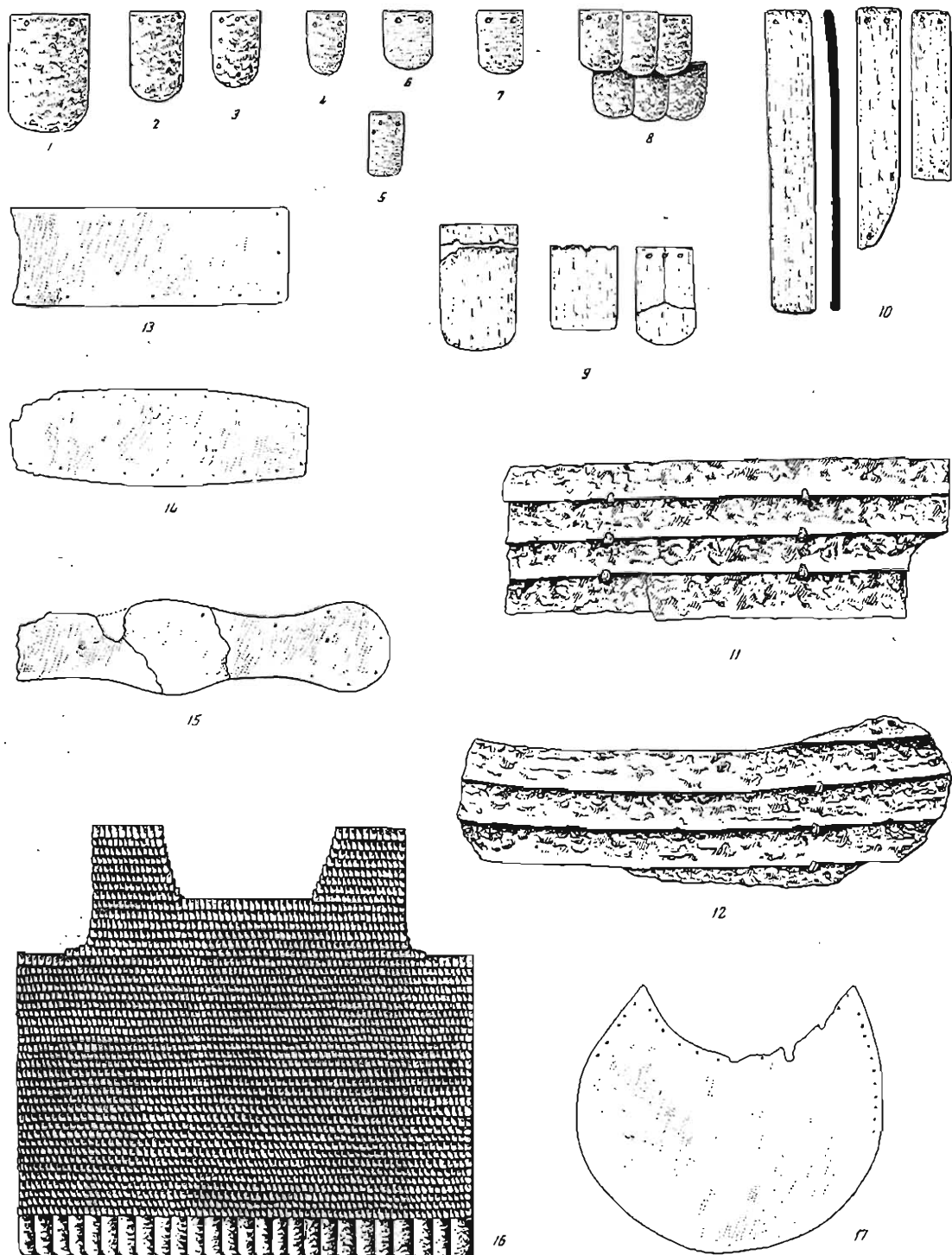
Мечи и копья II отдела:

1 — случайная находка из собрания А. А. Водянского; 2 — курган 6 в Сморборе; 3 — случайная находка у с. Волковцы; 4 — случайная находка у с. Салюк; 5 — случайная находка близ Сисем; 6 — курган Савоса; 7 — случайная находка у Иванского склада близ Сибирь; 8 — место негласно неизвестно, ГИИМ; 9 — курган 2 (?) у с. Волковцы; 10 — с. Грешенцы; 11 — Екатеринское греб.; 12 — с. Журавка; 13 — с. Гамария Канского района; 14 — курган 401 у с. Журавка

Боевые топоры:

1 — окрестности Уфы; 2 — курган близ Пучурского лимана; 3 — "Английский могильник"; 4 — Перелесский могильник близ г. Минеральных вод; 5 — курган (у с. Волнощны; 6 — курган близ Дарьевки; 7 — Мелитовольский курган; 8 — из могильника близ Пятигорска; 9 — курган у с. Аксютинцы; 10 — курган 488 у с. Аксютинцы; 11 — курган 448 близ с. Жукова; 12 — место находки неизвестно; 13 — курган у хутора Шумейко; 14 — курган 3 у с. Аксютинцы; 15 — курган 9 близ Прусы; 16 — курган 5 близ с. Аксютинцы; 17, 18 — Старший могильник; 19 — курган 12 у с. Волнощны; 20 — курган у с. Лепковцы; 21 — курган у с. Душныма; 22 — место находки неизвестно; 23 — Таласский курган; 24—25 — из курганов Ровенской группы; 26 — курган близ с. Ямощинцы; 27 — курган 25 Киселевского могильника; 28 — из окрестностей с. Пастырьское; 29 — курган 15 у с. Аксютинцы

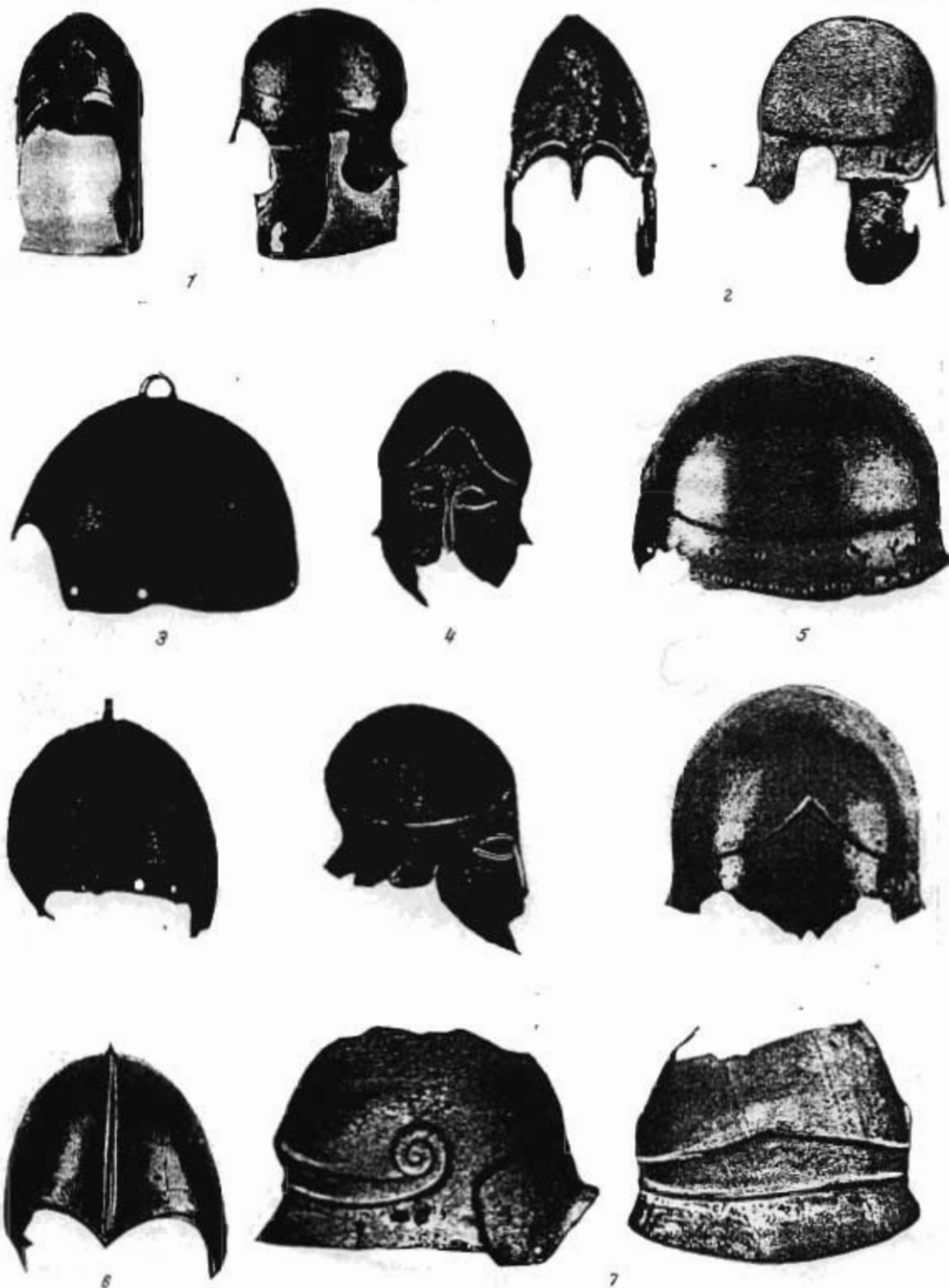

Остатки защитного вооружения:

1—3, 5 — железные чешуйки от панцирей; 4—7 — бронзовые чешуйки от панцирей; 9 — костяные чешуйки от панциря; 10 — костяные пластины от нагрудника или щита; 11—12 — части железных пластинчатых доспехов; 13—15 — бронзовые пластины от пояса; 16 — реконструкция панциря; 17 — бронзовая пластина от нагрудника.

1—4 — из разных курганов; 5 — курган у с. Лозовой; 6 — курган 3 у хутора Поповка; 11, 12 — курган 1 у в. Алексеевщи; 13—15 — курган Пульговка или Новомикаевка; 16 — курган 490 у с. Макеевка; 17 — курган 493 у с. Ильинцы.

Бронзовые шлемы:

1 — курган Накызанского; 2 — курган близ с. Пастырское; 3 — курган I у ст. Калермесской; 4 — курган между селами Ромейновка и Петрыловка; 5 — курган Солоха; 6 — Старые Почепурь; 7 — с. Каминка на Днестре

- 1). К. Ф. Смирнов, 1961.
- 2). М. И. Ростовцев, 1914, 1918, 1918а, 1922, 1925
- 3). М. И. Ростовцев, 1918, стр. 69.
- 4). М. И. Ростовцев, 1918а, стр. 37.
- 5). М. И. Ростовцев, 1914, стр. 335—377.
- 6). С. П.. Толстов, 1948, стр. 217.
- 7). М. И. Ростовцев, 1918, стр. 127.
- 8). В. В. Гольмстен, 1932, стр. 11.
- 9). А. В. Мишулин, 1949, стр. 64.
- 10). Б. Н. Граков, 1947.
- 11). В. Д. Блаватский, 1950, стр. 19.
- 12). А. И. Мелюкова, 1950.
- 13). W. Ginters, 1928/
- 14). Н. Я. Мерперт, 1948, стр. 74.
- 15). Н. И. Сокольский, 1958, стр. 137.
- 16). P. Rau, 1928.
- 17). В.А. Іллінська, 1961, стр. 27.
- 18). Б. З. Рабинович, 1947, стр. 100-171.
- 19). А.П. Манцевич, 1941, стр. 19.
- 20). Ф. Энгельс, 1953, стр. 155-156.
- 21). Б. Н. Граков, 1947, 1950, стр. 10; 1954, стр. 20; М. И. Артамонов, 1947, стр. 70; 1948, стр. 56; Э. И. Соломоник, 1952, стр. 103; И. В. Яценко, 1959.
- 22). А. А. Бобринский, 1887, 1894, 1901, 1902, стр. 24; 1905, стр. 1; 1905а, стр. 77; 1906, стр. 1; 1906, стр. 61; 1911, стр. 43; 1913, стр. 89; 1914, стр. 99; 1916, стр. 1.
- 23). Н. Е. Бранденбург, 1908.
- 24). Д. Я. Самоквасов, 1908.
- 25). В. А. Городцов, 1905, стр. 74; 1911, стр. 93 сл.
- 26). В. А. Рудінський, 1928.
- 27). М. И. Ростовцев, 1925; Б. Н. Граков, 1962, стр. 56.
- 28). В. М. Скуднова, 1960, стр. 60.
- 29). Л. Ф. Силантьева, 1959, стр. 5.
- 1-1). P. Rau, 1929, табл. XIV, 2 А — Н.
- 1-2). А. А. Щепинский, 1962, стр. 57.
- 1-3). Г. Т. Ковпаненко, 1962, стр. 66.
- 1-4). А. А. Иессен, 1953, стр. 57 сл.
- 1-5). А. И. Тереножкин, 1961, стр. 92 сл.
- 1-6). А. И. Тереножкин, 1961, стр. 95, рис. 66, 6,8, 9,15,22.
- 1-7). P. Rau, 1929, табл. XIV, 2.
- 1-8). О. Н. Мельниковская 1954, стр. 70. рис.34,1.
- 1-9). Не изданы, хранятся в экспозиции Херсонесского музея; происходят из раскопок С. Ф. Стржелецкого.
- 1-10). О.А. Кривцова-Гракова, 1951, стр. 162, рис. 14.
- 1-11). И. В. Сینیцын, 1945, стр. 215, рис. 25.
- 1-12). А. И. Тереножкин, 1961, рис. 66, 7,20,21.
- 1-13). P. Rau, 1929, табл. XIV, 2.
- 1-14). А. А. Щепинский, 1962, рис. 3, 33.
- 1-15). Т. М. Минаева, 1947, стр. 133, рис. 42, 3.
- 1-16). К. Ф. Смирнов, 1951, стр. 261, рис. 17, 12—14.
- 1-17). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 59.
- 1-18). А. А. Щепинский, 1962, рис. 3,30—32.
- 1-19). P. Rau, 1929, taf. XIV, 2.
- 1-20). А. В. Добровольский, 1952, стр. 84; А. И. Тереножкин, 1961, рис. 71, 20.

- 1-21). А. И. Тереножкин, 1961, рис. 63, 4и 66, 5.
1-22). Раскопки С. И. Капошиной 1959—1960 гг. Материал не издан, хранится в ЛОИА.
1-23). А. И. Тереножкин, 1961, рис. 66. 1—4, 16—18.
1-24). А. И. Мелюкова, 1959. стр. 82. рис. 27, 2.
1-25). А. И. Тереножкин, 1961, стр. 94.
1-26). К. Ф. Смирнов, 1961. стр. 37.
1-27). А. А. Щепинский, 1962, рис. 3. 2—25.
1-28). Г. Т. Ковпаненко, 1962, рис. 1, 9а—б.
1-29). Труды VIII АС, т. IV. 1897, табл. 83. №17.
1-30). А. А. Иессен, 1954, стр. 120, 125, рис. 8, 14.
1-31). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 41.
1-32). Найдена в гальштатском слое у с. Алчедар МССР; А. И. Мелюкова, 1959, рис. 28, 16
1-33). На поселении у с. Пояна Текуч, где есть слой VIII-VI вв. до н.э.; R. Vulpe, E. Vulpe
etc., 1951, fig. 28, 8, 11.
1-34). Имеются в экспозиции Национального археологического музея в Бухаресте,
происходят из раскопок поселения у Бассарабь, не изданы.
1-35). А. А. Иессен, 1952, стр. 118, рис. 7.
1-36). Р. Попов, 1932, стр. 102, рис. 89, 90 б-г.
1-37). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 41.
1-38). О. А. Кривцова-Гракова, 1955, стр. 134, рис. 30, 8.
1-39). А. А. Иессен, 1953, рис. 1, 2 и рис. 29.
1-40). Подробно о происхождении лавролистных наконечников стрел см.: К. Ф. Смирнов,
1961, стр. 38-39.
1-41). Р. Попов, 1932, рис. 90, А.
1-42). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 48.
1-43). А. И. Мелюкова, 1961, рис. 10, 2.
1-44). Из раскопок Г. И. Смирновой, хранятся в Государственном Эрмитаже.
1-45). Г. Т. Ковпаненко, 1962, рис. 2, 3, 4.
1-46). Г. Т. Ковпаненко, 1962, рис. 3, 1.
1-47). А. И. Тереножкин, 1961, стр. 139, рис. 92, 2, 3, 5, 7, 8.
1-48). А. А. Бобринский, 1991, стр. 34, табл. II, 8.
1-49). Н. В. Анфимов, 1961, стр. 116-117.
1-50). А. А. Иессен, 1951, стр. 111-114.
1-51). Г. Т. Ковпаненко, 1962, стр. 70 и примеч. 11.
1-52). Г. Т. Ковпаненко, 1962, рис. 3,2.
1-53). ГИИМ, инв. № Б52-16.
1-54). Р. Попов, 1932, рис. 94.
1-55). Р. Попов, 1932, рис. 95.
1-56). А. И. Мелюкова, 1961. рис.17, 1.
1-57). В. А. Ильинская, 1955, стр. 21, табл. 1, 9.
1-58). Б. Н. Граков. 1958, рис. 16.
1-59). Е. И. Крупнов, 1950, стр. 263; 1960, стр. 201-203.
1-60). А. И. Тереножкин, 1961, стр. 135-137.
1-61). Е. И. Крупнов, 1960, табл. XXXV, 5.
1-62). Е. К. Максимов, 1962, стр. 228, рис. 5.
1-63). Не опубликован. Доклад Н. В. Анфимова на отчетной сессии ИА АН СССР в марте
1962 г.
1-64). А. А. Щепинский, 1962, рис. 2, 2 (передан не точно).
1-65). Е.И. Крупнов, 1960, стр. 203.
2-1). Геродот, IV, 81. ВДИ, 1947, № 2, стр. 274. Скиф — синоним стрелка из лука у ряда
греческих авторов, см.: Аристофан. Ахарняне, 1932, стр. 102, 704—710; Схолии к
«Лисистрате». Аристофана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 301.

- 2-2). Аммиан Марцеллин. Истории, кн. XXII, 8, 10. ВДИ, 1949, № 3, стр. 285. Приводит описания Эратосфера, Гакатея и Птолемея.
- 2-3). Страбон. География, II, 5, 22. ЕДИ, 1947, № 4, стр. 188. Полное перечисление античных авторов, сравнивающих скифский лук с очертаниями берегов Черного моря, см.: Е. Bulanda, 1913, стр. 51 сл.
- 2-4). Аммиан Марцеллин. История. кн. XXII, 8, 37, ВДИ. 1949, № 3, стр. 288.
- 2-5). Эсхил. Хозфоры, ст. 154. ВДИ, 1947, № 1, стр. 303.
- 2-6). Е. Minns, 1913, стр. 200, рис. 93—94.
- 2-7). М. И. Ростовцев, 1914, табл. I, III.
- 2-8). Е. Minns, 1913, стр. 197, рис. 90.
- 2-9). А. Н. Зограф, 1954, табл. XXXIII, 14—21; табл. XXXVIII, 18; табл. XLI, 4—6, 8; табл. XLII, 11, 15.
- 2-10). Е. Pfuhl, 1923, табл. III. рис. 284, 344. 371, 395. 400, 411; Maria Friderica Vos, 1963, табл. II, VII, VIII, XVI, XVII.
- 2-11). В. Grakov, 1929, стр. 176, 177, рис. 11.
- 2-12). А. А. Сеницин, 1893, табл. XII, 22.
- 2-13). Б. Н. Граков, 1930, стр. 76; Э. Ленц, 1905. стр. 63 сл.
- 2-14). Б. В. Фармаковский, 1911, стр. 45 сл.; М. В. Фармаковский, 1922, стр. 23; Е. Ф. Покровская, 1955, стр. 193, рис. 2; В. П. Шилов, 1961, стр. 165, рис. 13.
- 2-15). Б. Н. Граков, 1962, стр. 89.
- 2-16). Э. Л е н ц, 1905, стр. 65.
- 2-17). А. А. Zakharov, 1932, стр. 67.
- 2-18). А. А. Бобринский, 1901, стр. 109.
- 2-19). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 32.
- 2-20). С. П. Толстов, 1948, стр. 224.
- 2-21). Наиболее выразительные остатки луков в воде костяных пластин из дерева отмечены в кургане 2 у с. Волковцы быв. Роменского уезда. Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. II, 7. и курганах 503 и 507 в с. Браварки (раскопки Н. Е. Бранденбурга); В. А. Ильинская, 1957, рис. 1, 12; в кургане 13 у с. Кириковка (раскопки Е. Н. Мельник); в кургане 9, погребении 1 могильника у с. Кут на нижнем Днепре; Д. Т. Березовец, 1960, стр. 59.
- 2-22). А. В. Мишулин, 1943, стр. 66.
- 2-23). Особенно ярко описан лук Пандара. Илиада, IV, 105.
- 2-24). К песне IV, 122. ВДИ, 1947, №3, стр. 203
- 2-25). Овидий Насон. Письма с Понта.. 1, 2. ВДИ, 1949, №1. стр. 235.
- 2-26). Геродот VII, 61, 1888, стр. 166.
- 2-27). Ксенофонт. Анабасис, III, 3, 15, 14, 17.
- 2-28). G. Perrot et Ch Chipiez. 1898, рис. 485, 488, 498.
- 2-29). Геродор Гераклеяский. Речи о Геракле. ВДИ, 1947, №2, стр. 293. —
- 2-30). В.Д. Блаватский, 1953, стр. 177, 190, 199.
- 2-31). П.О. Карышковский 1960, стр. 184, рис.3,1.
- 2-32). О.Д. Ганіна, 1958, стр. 183.
- 2-33). В. П. Шилов, 1961, стр. 150. Подробнее о стрелах сказано в отчете В. П. Шилова (В.П. Шилов, 1959, №1975).
- 2-34). Т. Sulimirski, 1936, стр. 110.
- 2-35). А. А. Бобринский, 1894, стр. 105.
- 2-36). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 32.
- 2-37). А.А. Zakharov, 1932, стр. 67.
- 2-38). Б. Н. Граков, 1962, стр. 89.
- 2-39). Б. Н. Граков, 1930, стр. 77.
- 2-40). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 37 сл.
- 2-41). P. Rau, 1929

2-42). К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 37 и сл.

2-43). Количество наконечников стрел, сохранившихся в музейных коллекциях, часто бывает меньше количества наконечников, найденных при раскопках. В таблицах I-IV указано количество стрел, известных по музейным собраниям.